

АНТОЛОГИЯ военной поэзии ПРИКАМЬЯ

АНТОЛОГИЯ военной поэзии ПРИКАМЬЯ

АНТОЛОГИЯ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ ПРИКАМЬЯ

Пермь 2005

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос+Рус)6-5

А 72

Антология военной поэзии Прикамья

Издано по решению Пермского областного совета ветеранов Великой Отечественной войны (председатель А. С. Сергеев) и Совета ветеранов г. Перми (председатель В. И. Фомин) при финансовой поддержке Администрации Пермской области, Администрации города Перми, благотворительного фонда «Милосердие»-«ЛУКОЙЛ».

*60-летию Великой Победы
посвящается.*

*Ветеранам фронта и тыла
и их потомкам*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В навязанной нам фашистской Германией войне 1941-1945 гг. решалась судьба Советского государства, судьба нашего народа и других стран мира. Мы схватились с фашизмом, когда почти вся Европа была им повержена. Наша страна оставалась для многих людей и наций последней надеждой.

Тогда все советские люди от мала до велика поднялись на священную войну с готовностью «жизнь отдать за други свои», совершить подвиг во имя свободы и независимости. Для нас эта схватка была величайшим испытанием. Проверялись жизнеспособность нашей социальной системы, нашей морали, сила нашей экономики, единство наций, – словом, все, что было построено после 1917 г.

И мы победили. Армия наша не только смела захватчиков со своей земли, но и освободила от фашизма Европу. Колоссально вырос в мире авторитет нашего государства. Вот что значила Победа шестидесятилетней давности.

Великая Отечественная война начисто опровергла уже ставшей классической формулу – «Когда говорят пушки, музы молчат». От первого мига войны до последнего победного салюта с каждым русским человеком всегда оставались музыка, песня, поэзия. Музыка поднимала в атаку, помогала пережить горе, дарила надежду. Она настраивала струны человеческих душ на Победу. Война подтвердила справедливость слов, сказанных великим советским поэтом Владимиром Маяковским, «И песня, и стих – это бомба и зная!».

Уже на третий день войны, с первого такта великой песни «Вставай, страна огромная...», созданной композитором А.В. Александровым на текст поэта В.И. Лебедева-Кумача, зазвучала суровая и могучая призывная музыка, сочетающая в себе грозную поступь марша с широкой мелодичной распевностью, ставшая всенародно любимой, популярной эмблемой Отечественной войны. В песне с большой художественной силой выражены патриотические чувства советского народа, вставшего на смертный бой с фашистскими агрессорами. От ее огромной эмоциональной мощи на глазах людей проступали слезы волнения, душевного подъема. Песня вышла на передовую линию общенародной битвы, словно пушка на прямую наводку.

Только за первые четыре дня войны родилось более 100 песен. Война по-новому сомкнула незримую цепь времен в жизни великого народа, вплотную приблизив минувшие битвы и подвиги предков. Звучали «Ермак», «Бородино», «Варяг». И, конечно же, бес-

смертный марш воинской доблести «Прощание славянки», созданный еще в 1912 г. рядовым воином В.И. Агапкиным.

Как без музыкального искусства, так и без литературы, поэзии невозможно понять, какая духовно-преобразующая сила поднималась в людях, как возвышала их до высочайших вершин человечности и подвига, отражала большую душу народа. Военная тема по праву остается и по сей день в поэзии, пополняя яркими и горестными страницами книгу правды, книгу памяти о войне.

Таков парадокс истории – война была ужасом, несчастьем, трагедией. И в то же время она вызвала в нашем народе такой мощный взрыв внутренних духовных сил, что эхо его спустя десятилетия отзывается в литературе.

Военная поэзия раскрывает человеческую личность в экстремальных обстоятельствах, становится неисчерпаемым кладом священной памяти о Великой Отечественной войне, причем памяти, источающей сердечную боль, леденящий душу гнев и высокое восхождение героическими деяниями предков.

Славному юбилею Великой Победы посвящается «Антология военной поэзии Прикамья», в которой собраны воедино лучшие произведения наших земляков о войне, о военном времени. Настоящий сборник – попытка воссоздать коллективный портрет почти полусотни летописцев Победы их наиболее яркими стихами. Авторы передают величие подвига уральцев, трагическую напряженность сражений на фронте и в тылу.

Чудодейство военной поэзии – в беззаветной преданности Отечеству, «Батюшке Уралу», родному Прикамью, в ее искренней верности солдатскому и трудовому братству, в ее холодной ненависти к врагу и в горячей, чистой, нежной любви к оставшимся дома женам, невестам, матерям. Это не только дань уважения к великому подвигу, мужеству, непроходящей боли и нелегкой Победе нашего народа, но и прижизненный памятник поколению фронтовиков, героических тружеников тыла, их чести, их благородству, бессмертной славе.

Война и по сегодняшний день рождает колоссальные взлеты художественного творчества. Новые поколения проявляют огромный интерес к военной поэзии, помогающей полнее, ярче, убедительнее понять, прочувствовать все, что довелось пережить военному поколению.

Великая Отечественная война сделала многих солдат поэтами. Крутая ненависть, благородная ярость вскипали в сердцах людей и отливались в жгучие поэтические строки. В сражениях с фа-

шистскими захватчиками пали смертью храбрых молодые пермские поэты Владислав Занадворов, Александр Бычков и Николай Иванков...

Поэтам Константину Мамонтову, Борису Ширшову, Николаю Домовитову, Николаю Букину и ряду других писателей улыбнулось скупое счастье – вернуться домой, рассказать правду о подвиге навсегда оставшихся на поле брани, встретить сияющий День Победы. Победы, которую так восторженно и звонко воспела в своих стихах известная наша поэтесса Евгения Трутнева.

В послевоенные годы в литературу пришли, пополнив поэтический цех Пермской писательской организации, дети войны – Владимир Радкевич, Алексей Домнин, Борис Бурылов, Анатолий Гребнев, Виктор Болотов, Михаил Смородинов, Федор Востриков, Нина Субботина, Нина Чернец, Александр Гребенкин, Валерий Возженников... Увереннее звучали голоса более молодых лириков – Валентины Телегиной, Николая Бурашникова... И тех, кто по разным причинам не успел соблюсти формальности для вступления в состав писательской организации. Но они, на наш взгляд, заслуживают внимания наравне с профессионалами.

Прикоснувшись к военной поэзии Прикамья, новые и новые поколения будут ощущать обжигающее дыхание огненных лет, проникаясь благоговением к светлой памяти тех, кто сделал все для достижения Победы, а также тех, кто в поэзии отразил драгоценную правду о ратном и трудовом подвиге наших земляков.

Советский человек во время войны проявлял высочайший патриотизм, которым нам и внукам нашим гордиться и гордиться, до которого расти и равняться идущим на смену поколениям. Война выплывала из огня, крови, страха и грязи самые высоконравственные формы проявления человечности – жизнь-подвиг, жизнь-горение, предельную самоотдачу ради других, ради будущего. История доселе не знала такого.

Стихи – это эхо войны, докатившееся до наших дней. Это послание из прошлого, адресованное в сегодня и завтра.

Поэты Прикамья, движимые благородными побуждениями, продолжают рассказывать новым поколениям о войне самое важное, самое сокровенное, чтобы жили они с памятью – надежной духовной опорой на пути возрождения, спасения страны-победительницы, продолжения великих дел своих дедов и прадедов.

Живите и помните, за что полегли родичи ваши и погодки, помните, какой смертельной ценой оплачены обычные, порой серые, тусклые, но все равно такие неповторимые мирные дни!

Героико-патриотический пафос военной поэзии, как эстафета поколений, поможет потомкам воспринять и продолжить высоко нравственные традиции старшего поколения! Стихи эти глубокие всяких нынешних учебников помогут понять величие и непобедимость русской души, увидеть, чем была для русского человека любовь и ненависть, упорство и воля, братство и самопожертвование.

Не подлежит сомнению: у золотого фонда военной поэзии, как документа истории, не будет срока давности, эти стихи будут вечно служить примером беззаветной преданности Отчизне, неиссякаемым источником воспитания чувства благодарной памяти у потомков, коим достались от победителей неоспоримые плоды их деяний: мир, свобода, независимость, жизнь.

Идут годы... И чем старше становится писательская организация, тем ощутимее ее потери. Навсегда ушли от нас многие авторы этой книги, но их голоса призывно звучат для потомков с ее страниц. Нет больше с нами Евгении Трутневой, Бориса Михайлова, Николая Домовитова, Владимира Радкевича, Алексея Домнина, Бориса Бурылова, Натальи Чебыкиной, Бориса Ширшова, Ивана Лепина, Виктора Болотова, Авенира Крашенинникова, Нины Чернец, Геннадия Семенова, Наркиза Кузнецова...

Светлую память о них хранят благодарные потомки.

Несомненно, что тема войны, тема победы далеко не исчерпана, ибо неисчерпаема вовеки!

Составители книги,
участники Великой
Отечественной войны:
И. А. Якунов,
Е. Ф. Акулов

Иван Александрович ЯКУНЦОВ (1922 г.р.). Автор и редактор десятка книг, 300 публикаций по военной проблематике Урала и Прикамья. Кандидат исторических наук, доцент ПГУ.

Ефрем Фотеевич АКУЛОВ (1926 г.р.). Многостаночник завода им. В.И. Ленина. Лауреат Государственной премии СССР. Лауреат областной журналистской премии им. А. Гайдара.

ГИМН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Слова В. И. Лебедева-Кумача

Музыка А. В. Александрова

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб.
Отродью человечества
Сколотим крепкий гроб.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

1941

Александр БЫЧКОВ

Был сотрудником пермских газет «Большевицкая смелая» и «Звезда». В начале Великой Отечественной войны ушел на фронт и погиб в бою в 1942 г. Единственный сборник его стихов «Железо и огонь» издан в Перми в 1942 г.

КНИГА

Забыт ли я вами?

А. Мицкевич

Когда миновали мы поле и ржавые реки,
Над нами косяк журавлиный летел
 с торжествующим кликом...
Мы к вечеру были в забытом еврейском местечке.
Нас песней встречали. Нам вынесли книгу, —

Она под запретом хранилась здесь
долгие годы.
И мы прочитали тогда на бумаге старинной:
«Да будет она провозвестницей
вашей свободы,
Как вестником вешней поры —
перелет журавлиный».

Степенный старик нам вручил
эту книгу в подарок.
С почтением долго рассматривал
наши петлицы...
И нам все казалось: над шляхом
пустынным и старым
Летели куда-то веселые вольные птицы.

ЭТА СТРОКА

Эту строку, как огонь и камень,
Ты ощущаешь своими руками.
Свет ее в сердце твое проник.
Стал правдой самой,
Беспощадной, как штык!
Строка эта гневом грозы сильнее:
В ней твердость и нежность,
И ненависть – в ней.
Не на бумаге писалась пером –
В воздухе знойном свистящим клинком.
Огненным почерком в черной ночи
Ее пулемет до рассвета строчил!
Эта строка в орудийном дыме
Беседу с бойцами ведет молодыми.
По выжженным тропам,
По тихим лесам
Скликает в отряды друзей-партизан;
На битвы, на подвиг народ поднимает,
Взрывает дороги и танки ломает,
Снарядом, гранатой громит блиндажи,
Бросаясь в атаку, берет рубежи!
В этой строке дорогой, как знамя,
Только три слова: Победа за нами!
Только три слова... Каждое – тема.
Только три слова звучат как поэма!

ВОИНСКАЯ ЧЕСТЬ

Перед врагом вовек не отступаю!
Не отрешусь от боя! Не согнусь!
Тебе, моя отчизна, присягаю,
Под славными знаменами клянусь.

Летит огонь из орудийной башни,
Гремит «ура», как радостная весть.
Во имя жизни умереть не страшно —
Так нам диктует воинская честь.

Кто пал сраженным, если он не трус, —
Тот в памяти друзей не умирает:
Быть может, из атаки не вернусь,
Так пусть мой полк меня живым считает!

Перед врагом вовек не отступаю.
Не отрешусь от боя! Не согнусь!
Тебе, моя отчизна, присягаю,
Под славными знаменами клянусь!

Николай ИВАНКОВ

Николай ИВАНКОВ не увидел ни одного своего стихотворения напечатанным. Он погиб на фронте.

НА ФРОНТОВОЙ ДОРОГЕ

– Закурим, пехота – малиновый цвет,
Идешь ты, как видно, немало,
Смотри, понесло тебя прямо в кювет,
Сворачивай, служба, к причалу!
Солдату уставом положен привал.
Солдат перепрыгнул канаву.
Сознаться по правде, он крепко устал,
С далекой идя переправы.
Танкист белозубый кисетом тряхнул,
Солдат предлагает бумажку.
И каждый из них с аппетитом вдохнул,
Как будто впервые, затяжку.
Калякают, курят, мозги шевеля
Соленой солдатскою шуткой.
На фронте великое дело, друзья,
Беседовать за самокруткой.
Уж пальцы прижег папиросный огонь,
А дружбе лишь только начало.
– Пехота, поехали? Прыгай на бронь.
Свезу до другого привала!

НА ДНЕПРЕ

В глухую ли полночь, при ярком ли дне —
Нежности сердце запросит,
Всегда вспоминаю я ночь на Днeпре
И мягкие русые косы...
Видения той незабвенной любви
Меня никогда не покинут;
Казалось, что только для нас, для двоих,
Тогда расцвела Украина.
Пирует фашистской оравы зверье
В том самом мне памятном месте,
Где с русыми косами счастье мое
Звенело мечтательной песней.
Ночами безлунными плачут кусты
Над пнями сожженного сада.
Я знаю — за нежность разбитую ты
Мстишь в партизанском отряде.
Не вместе с тобой мы пройдем до конца
Дорогу больших испытаний,
Но в наших войной опаленных сердцах
Надежда живет на свиданье.
Нам трудно о будущей встрече гадать,
А может, и вовсе не стоит.
Но вряд ли мы сможем себе приказать
То чувство сменить на другое.
Клянусь! Если только в смертельной борьбе
Жалости сердце запросит —
Я вспомню счастливые дни на Днeпре
И мягкие русые косы.
Быть может, в решительных этих боях
Судьба раньше времени скосит...
Товарищ, прошу, отомсти за меня,
За Днепр и за русые косы.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Я не знаю, я не знаю,
Отчего и почему
То чего-то потеряю,
То чего-то не найду.
Может, это
Бабье лето
Шутит с памятью моей?
Только как-то все согрето,
И на сердце веселей.
Только очень что-то часто
В предвечерний тихий час
Вдруг всего овеет лаской
Чьих-то милых серых глаз.
Может, это
Ждет ответа
Неизвестная любовь,
Та, которая с приветом
Мне свою прислала кровь?
Та, которая писала:
— Будь здоров и победи.
Много дней еще осталось
В нашей жизни впереди...
Будет, будет чем ответить
Дорогой моей мечте;
Много немцев переметит
Автомат в моей руке.
Моя рана
Вечерами
Болью больше не томит.
Скоро, скоро воин встанет,
Будет снова немцев бить!

Владислав ЗАНАДВОРОВ

Владислав Леонидович ЗАНАДВОРОВ родился 15 сентября 1914 г. в Перми. По роду работы отца семье часто приходилось менять место жительства, и маленький Владислав с детства привык к скитаниям. К 16 годам он изъездил уже весь Урал и Западную Сибирь.

В 1929 г., когда Занадворову не было еще и пятнадцати лет, он окончил в Свердловске школу-восьмилетку с геолого-разведочным уклоном, по этому пути пошел дальше. И уже с 1930 г. он постоянно странствует в различных геологических экспедициях. С этого времени пробует себя в поэзии.

Владислав Занадворов погиб на фронте, но его слово и сегодня остается в строю.

НА ВЫСОТЕ Н.

На развороченные доты
Легли прожектора лучи,
И эти темные высоты
Вдруг стали светлыми в ночи...

А мы в снегу, на склонах голых,
Лежали молча, где легли,
Не поднимали век тяжелых —
Высот увидеть не могли.

Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.

Скелеты улиц. Город будто вымер.
Он был в огне, когда входили мы,
И проступали в стелющемся дыме
На площади могильные холмы.

Смотрели слепо окна из фанеры,
Дымились груды пепла и камней...
Но мы, товарищ, самой полной мерой
Заплатим им за слезы матерей,

За наши села, что пустыней стали,
За кровь детей, за Родину свою...
И на штыке, на непреклонной стали
Я эту клятву твердую даю!

ВОЙНА

Ты не знаешь, мой сын, что такое война!
Это вовсе не дымное поле сраженья,
Это даже не смерть и отвага. Она
В каждой капле находит свое выраженье.

Это изо дня в день лишь блиндажный песок
Да слепящие вспышки ночного обстрела;
Это боль головная, что ломит висок;
Это юность моя, что в окопах истлела;

Это грозных, разбитых дорог колеи;
Бесприютные звезды окопных ночевок;
Это кровью омытые письма мои,
Что написаны криво на ложе винтовок;

Это в жизни короткой последний рассвет
Над изрытой землей. И лишь как завершенье —
Под разрывы снарядов, при вспышках ракет
Беззаветная гибель на поле сраженья.

ПАМЯТЬ

Когда и в жилах стынет кровь,
Я грелся памятью одной –
Твоя незримая любовь
Всегда была со мной.

В сырой тоске окопных дней,
В походе, в огненном аду
Я клялся памятью моей,
Что я назад приду.

Хотя б на сломанных ногах,
На четвереньках приползу.
Я в окровавленных руках
Свою любовь несу.

Как бьется сердце горячо,
Летя стремительно на бой!
Я чувствую твое плечо,
Как будто ты со мной.

Пусть сомневается другой,
А я скажу в последний час,
Что в мире силы нет такой,
Чтоб разлучила нас!

НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

Костры погасли. Ночь прифронтовая.
Все громче шаг дневального в тиши.
Она пришла, любовно прикрывая
Поставленные наспех шалаши.
В них спят мои собраты по оружию,
Прикрыв рукой усталые глаза.
Вдали стоят начерченные тушью
На фоне зарев тихие леса.
И даже птицы смолкли до рассвета,
Чтобы спокойней воинам спалось.
Храня наш сон, мелькнет хвостом ракета,
Как будто небо пламенем зажглось.
И снова в темном небе потонули
Прожектора зеленые лучи.
И «ястребки» в воздушном карауле
Летят, почти неслышные, в ночи.
И где-то в чаще леса на мгновение
Зажегся фонаря сигнальный глаз.
Как будто в эту ночь перед сраженьем
Вся мощь Отчизны охраняет нас...

КОЛОННА ИДЕТ В БОЙ

Нависли над Отчизной снова
Густые тучи. Пробил час.
Ты слышишь — сталинское слово
К оружию призывает нас.

Как будто прадеды и деды
К нам всем воззвали горячо:
— Коль биться — биться до Победы,
Коль в строй вставать — к плечу плечо!

Где пал боец, там встанет десять.
На их удар — удар стократ,
Чтоб стал простор Отчизны тесен
Для павших вражеских солдат.

Потомки эти дни запомнят,
Их с будущим поставят в связь:
Ударом грома, вспышкой молний
Иная эра началась.

Здесь каждый вылет, выстрел точный,
Разрыв шрапнели, столб огня —
Не гибель, а крушение ночи,
Не смерть, а приближение дня.

Здесь все большим масштабом мерьте,
Здесь равен году каждый день.
Здесь жизнь сошлась в бою со смертью,
В единоборстве — свет и тень.

И разве то не света проблеск,
Когда теряется обоз,
Когда простых героев доблесть
Состав спускает под откос...

И ветер всколыхнул знамена,
Походов пыль в лицо метет.
Пора, товарищи! Колонна
На справедливый бой идет.

МОГИЛЫ МОИХ ДРУЗЕЙ

Моих друзей не надо искать
На кладбищах городских:
В два метра длиной кровать
Кажется тесной для них.

По-братски обнявшись, они лежат,
Воинский выполнив долг.
Словно выспаться так спешат,
Пока тревогой не поднят полк.

Но, заглушая метели плач,
Без отдыха, день за днем,
Над ними каменный трубач
Трубит, задыхаясь, подъем.

Еще друзья остались в тайге,
Как будто легли отдохнуть,
С компасом, сжатым в руке,
Чтобы утром отправиться в путь.

В песках, где сгорел саксаул,
Их прикрыли грудой камней:
Так воды отдаленный гул
Привычному уху слышней.

Но посмотришь, – в любом краю
Мы проходим по их следам...
Коль будет нужно – могилу мою
Ты отыщешь где-нибудь там...

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Лишь губами одними,
 бессвязно, все снова и снова
Я хотел бы твердить,
 как ты мне дорога...
Но по правому флангу,
 по славным бойцам Кузнецова
Ураганный огонь
 открывают орудья врага.

Но враги просчитались:
 не наши — фашистские кости
Под косыми дождями
 сгниют на ветру без следа,
И леса зашумят
 на обугленном черном погосте,
И на пепле развалин
 поднимутся в рост города.

Мы четвертые сутки в бою,
 нам грозит окружение:
Танки в тыл просочились,
 и фланг у реки оголен.
Но тебе я признаюсь,
 что принято мною решение,
И назад не попятится
 вверенный мне батальон.

...Ты прости, что письмо,
 торопясь, отрываясь, небрежно
Я пишу, как мальчишка — дневник
 и как штурман — журнал.
Вот опять начинается...
 Слышишь — во мраке крошечном
С третьей скоростью мчится
 огнем начиненный металл?

Но со связкой гранат,
с подожженной бутылкой бензина
Из окопов бойцы
выползают навстречу ему.
Это смерть пробегает
по корпусу пламенем синим,
Как чудовища, рушатся
танки в огне и в дыму.

Пятый раз в этот день
начинают они наступленье,
Пятый раз в этот день
поднимаю бойцов я в штыки,
Пятый раз в этот день
лишь порывом одним вдохновенья
Мы бросаем врага
на исходный рубеж у реки!

В беспрестанных сраженьях
ребята мои повзрослели,
Стали строже и суше
скуластые лица бойцов...
...Вот сейчас предо мной
на помятой кровавой шинели
Непривычно спокойный
лежит лейтенант Кузнецов.

Он останется в памяти —
юным, веселым, бесстрашным,
Что любил по-старинке
врага принимать на картечь.
Нам сейчас не до слез, —
над убитым товарищем нашим
Начинают орудья
надгробную гневную речь.

Но вот смолкло одно,
и второе уже замолчало,
С тылом прервана связь,
а снаряды подходят к концу.
Но мы зря не погибнем!
Сполна мы сочтемся сначала.
Мы откроем дорогу
гранате, штыку и свинцу!..

Что за огненный шквал!
Все сметает...
Я ранен вторично...
Сколько времени прожито, —
сутки, минута ли, час?..
Но и левой рукой
я умею стрелять на «отлично»,
Но по-прежнему зорек
мой кровью залившийся глаз...

Снова лезут, как черти.
Но им не пройти, не пробиться.
Это вместе с живыми
стучатся убитых сердца,
Это значит, что детям
вовек не придется стыдиться,
Не придется вовек
и украдкой краснеть за отца!

Я теряю сознание...
Прощай! Все кончается просто.
Но ты слышишь, родная,
как дрогнула разом гора?
Это голос орудий
и танков железная поступь,
Это наша победа
кричит громовое «ура!»

Константин МАМОНТОВ

Константин Яковлевич МАМОНТОВ родился в 1918 г. в селе Ашап Ординского района Пермской области. Учился в сельской школе, затем окончил музыкально-педагогический техникум в Перми.

В 1939 г. был призван в ряды Красной Армии, в войну был связистом. Демобилизовавшись из армии, долгие годы работал машинистом электровоза.

Автор книг «Навстречу жизни», «Я твой сын, Россия».

Член Союза писателей с 1972 г.

Ушел из жизни 17 марта 2000 г.

* * *

Потомок мой, не будь холодным к датам
Военных битв сороковых годов:
За каждой цифрой – кровь и смерть солдата,
Судьба его в нашествие врагов.

И сколько б лет тебя ни отделяло
От этих дат, сумей расслышать в них
Разрывы бомб, зловещий лязг металла
И стон предсмертный прадедов твоих.

* * *

Не упаду в дороге от бессилья.
В родной земле мне прорасти дано.
В комочек сердца втиснулась Россия,
И жить ей в нем, пока живет оно.

* * *

Ходит вдоль фронта под пулями лето,
Утро в землянку цветы принесло...
Дома сейчас полыхают рассветы,
Зори глядятся в речное стекло.
В сумраке рощ соловьи ошалело
Трелями бьют – им сейчас не до сна.
Собственно, что им, прикамским, за дело,
Что где-то надсадно грохочет война,
Что зори от зарева здесь побледнели,
Села – в оскале уродливых труб,
Что гибнут мальчишки в свинцовой метели
С жаром еще нецелованных губ.

* * *

Осатанело бьет в лицо пурга.
Рассвет застрял, плутая в коловерти.
Лежим в ста метрах от траншей врага
И в четырех – от спрятавшейся смерти.

А на горе, за немцами, село.
А мы лежим, до сердца промерзая...
Всего в ста метрах от солдат тепло,
Всего – бросок и схватка штыковая.

* * *

Вокруг бои, вокруг сраженья.
В дыму пожарищ меркнет рань...
Седьмые сутки в окруженье –
Болота, топь и глухомань.
Идем к востоку дни и ночи,
Неся двух раненых солдат.
Лежим часами у обочин,
Чтоб пересечь широкий тракт.
А где-то там бойцы в сраженьях
Несут победу на штыках!
А мы – в проклятом окруженье:
И не в плену, и не в боях.

* * *

Бой умолкал. В землянку к нам устало
Вошла из ночи наша медсестра.
– Я, парни, с вами чуть вздремну, – сказала
И, между нами втиснувшись, легла.

Дымила гильза, еле споря с тьмою.
Пылал в печурке ласково огонь.
Она спала с девичьей простотою,
Щекой припав на грубую ладонь.

Спал наш солдат, шагнувший в дым пожарищ,
Кто по траншеям в стужу с нами дрог,
Спал добрый друг, соратник и товарищ –
Уставший воин фронтовых дорог.

* * *

Сегодня здесь такая тишина,
Такая ночь, что я боюсь поверить,
Что будто здесь – вчера еще – война
Врывалась в дом, срывая с петель двери;
Что будто здесь – вчера еще – в броне
Ходила смерть, утюжа нивы эти;
Что будто здесь – вчера еще – ко мне,
Дрожа от страха, прижимались дети.
И вдруг кругом такая тишина.
Поднявшись в рост, глядит подснежник смело,
И в первый раз усталая война
К огню костра солдатского присела.

* * *

Забыть нельзя разорванное небо,
Друзей своих могильные холмы.
И окруженье.
Вместо супа с хлебом –
Из-под копыта ржавчина воды.
Забыть нельзя пылающие хаты,
Красноармейца в синей глыбе льда
И крик... крик матери, когда ребятам
Об угол разбивали черепа.
Забыть нельзя! И мы не позабудем!
Уж слишком много испытали бед.
И неспроста в огне военных буден
Мы поседели в восемнадцать лет.

* * *

Старуха-смерть ушла в отставку.
А мы на Родину, в запас.
Мешки походные под лавки
И – за работу в добрый час.
Отмоет сгустки крови Волга
На сталинградских берегах,
И только горю долго-долго
Еще ходить на костылях.

* * *

Порастерял на поле брани
Холмы однополчан-друзей.
И нету слов для оправданий
Перед глазами матерей.

Что им скажу при нашей встрече
О сыновьях, погибших там?
Где похоронен – не отвечу,
Предсмертных слов не передам.

Не довелось бездонность неба
В зрачках друзей прикрыть рукой.
При смерти их я возле не был,
Я где-то шел с другими в бой.

Александр КАМЕНСКИЙ

Александр Владимирович КАМЕНСКИЙ родился в 1913 г. в деревне Заполье Оханского района Пермской области. Много ездил по стране. Был грузчиком и конторщиком, студентом и строителем, библиотекарем и газетчиком. Учился в Пермском педагогическом институте и в Литературном университете при Союзе писателей СССР. Воевал, был командиром стрелкового отделения. После войны работал в городских и районных газетах. Долгое время был редактором много-тиражки Краснокамского целлюлозно-бумажного комбината.

Первый сборник стихов «Заполье» вышел в 1966 г.

* * *

Я часто просыпаюсь по ночам,
Брожу один по сумрачной квартире.
Да я ль один? Нас много в этом мире,
Вернувшихся с войны... Не спится нам!
Война опять врывается в мой сон
Все чаще, глубже, злее и упорней,
Она скользит по миру тенью черной,
Осколками звеня со всех сторон!
Я вижу вновь, как будто наяву:
Сражений дым, пожары и руины.
Товарищей расстрелянных зову
В часы большой и горестной кручины.
...Да, нелегко порой смотреть назад.
Идут-бредут года, как караваны.
И ноют, и горят, горят, горят
Мои зарубцевавшиеся раны!..

МЫ ЗДЕСЬ РОСЛИ

Старому другу

Мы этот город строили с тобою,
Мозоли набухали на руках.
И горизонт широкой тек рекою,
Когда стояли в полдень на лесах.
Рвались вперед мы по холмам горбатым,
Шагали сквозь свирепый ураган.
Вгрызались в землю кирки и лопаты,
Бетон ложился в рыжий котлован.
Мы помним дни, морозом налитые.
К ладоням прикипали топоры,
Пылали над Бумстроєм золотые,
Как маяки, высокие костры.
Мы жили, как на фронте. Досыпали
Порой не на топчанах – на ходу.
И жажду утоляя – лед глотали,
Случалось – забывали про еду.
Мы здесь росли, влюблялись и мужали,
Махоркою делились и жильем
И песни пели о своем Урале,
О будущем, о городе своем.
В труде большом рождается отвага.
Я часто слышу гордые слова:
О краснокамской нефти и бумаге
Летит по миру добрая молва.
И – что скрывать?

Такое мы не скроем:

Гордимся сердцем всем

и всей душой,

Что город наш над Камою-рекою
Стал нашей песней, нашею судьбой.

* * *

Когда наш взвод в селе Подгорном
Накрыли мины в ранний час,
Тоска каленая за горло
Схватила нас.

Но в те короткие минуты
Отпрянул вдруг проклятый страх,
Мы встали с ненавистью лютой
В своих сердцах.

И с яростью, как небо, зримой
В атаку ринулись в тот час:
Ведь шли мы по земле родимой,
Вскормившей нас!

Николай ДОМОВИТОВ

Николай Федорович ДОМОВИТОВ родился 19 декабря 1918 г. в Петрограде. До войны окончил машиностроительный техникум, работал в редакции газеты Каспийского пароходства.

В 1941 г. ушел на фронт, был тяжело ранен. В 1943 г. репрессирован. После десятилетнего заключения в лагере отбывал пять лет поражения в правах на шахтах Донбасса. После реабилитации — снова в газетах.

В 1961 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. В августе 1969 г. переехал в Пермь. Первое стихотворение было напечатано в 1937 г.

Член Союза писателей с 1959 г.

Ушел из жизни 15 июля 1996 г.

НАЧАЛО

Окоп глубокий вырыт на пригорке,
Под старой корабельною сосной,
Мы курим кременчугскую махорку
И вспоминаем вечер выпускной.
Зеленым цветом выкрашены каски.
Они пока в стороночке лежат.
Еще затворы в оружейной смазке,
И часа ждут запалы для гранат.
Лежат дымком подернутые дали,
О чем-то тихо шепчет краснотал.
Мы ни в кого прицельно не стреляли,
И в нас никто покамест не стрелял.
Нам солнце жжет мальчишеские спины.
Течет песок по брустверу на дно.
И тыща верст осталась до Берлина...
И нам пройти те версты суждено.

АТАКА

И отдохнуть пора бы нам, однако.
Но ни к чему об этом разговор:
В десятый раз в смертельную атаку
Нас поднимает раненый майор.
Редееет строй дивизии пехотной,
Не дрогнем и назад не побежим...
Мы, как патроны в ленте пулеметной,
В могиле братской рядышком лежим.

СНАЙПЕР

Облака плывут над Бугом,
Плещут волны в берега.
И следим мы друг за другом —
Два смертельные врага.
Я с речного краснотала
Не спускаю долго глаз.
Хоть бы птица подсказала,
Где ты прячешься сейчас!
Я гашу в себе волнение,
Где ж ты, проклятый, засел?
Хоть блеснул бы на мгновение
Твой оптический прицел!
И спокойно сердце бьется.
Ничего я не боюсь:
Если враг мой промахнется,
Значит, я не промахнусь.

Тер солдатик мне в бане
спишу.

- Как зовут-то тебя?
- Николай.
- До Берлина, браток?
- До Берлина!
- Там и встретимся...
- Ну, бывай.

Что нам битвы,
Огни-пожарища!
Ни сомнений, ни страха нет.

.....
Вы поймите меня, товарищи!
Было нам по семнадцать лет.

ПАМЯТЬ

Чтобы верен был старым тревогам
Среди мирных пустячных забот,
Вновь и вновь по военным дорогам
Меня память упрямо ведет.
...Память, память! С тревогой твоею
Буду жить до последнего дня.
То, что я рассказать не успею,
Не расскажет никто за меня.

В светлых рощах,
В чистом поле
Пули валят наповал.
...Я еще и сотой доли
О войне не рассказал.
Ни к чему солдату слава.
Нет медалей на груди.
Танки – слева,
Танки – справа,
Пулеметы – позади.
Значит, бей из автомата,
Падай замертво на дот.
Был у нашего солдата
Путь единственный – вперед!

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Мог бы кровью истечь я в кювете
И сгореть бы в Майданеке мог,
Но последний патрон в пистолете
Никогда для себя не берег.
Выползал из окопа со стоном,
Мне глаза ослепляла пурга,
И стрелял я последним патроном
Не в висок свой, а в сердце врага.
Падал с недругом в цепком обхвате,
Не боялся штыков и огня,
Потому что в чужом автомате
Был последний патрон для меня.

Сорок первый...
 А мы в разведке
 Принимаем неравный бой.
 Лист кленовый сорвался с ветки,
 Сбитый пулею разрывной.
 И теперь, лишь глаза закрою,
 Снова слышу надсадный свист.
 И кружит, и кружит надо мною
 Этот желтый кленовый лист.
 Все, как есть, я давно приемлю.
 Прокатился военный шквал.
 Почему ж до сих пор на землю
 Лист простреленный не упал?

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Подмосковье...
 По пояс снега.
 Только б в землю поглубже зарыться,
 Чтобы насмерть стоять
 И врага
 Гнать на запад потом от столицы.
 До чего же промерзла земля –
 Не берет ни кирка, ни лопата.
 За спиной нашей – башни Кремля,
 И нельзя отступать нам, ребята!
 Все подсчитано, все решено.
 Лишь неведомо было ребятам,
 Что кому-то из них суждено
 Стать потом неизвестным солдатом.
 Отгрохочет победный салют,
 Тишина воцарится на свете,
 И в бессмертье его повезут
 На стальном орудийном лафете.

РОССИЯ

Я молод, мне счастья не надо иного,
Мне все в этом мире пока по плечу,
Ударив нагайкой коня вороного,
С друзьями лихими в сражение лечу.
А конь подо мною храпит очумело,
В глазах его пляшет кровавая муть.
Со звоном встречает каленные стрелы
Моя защищенная латами грудь.
Лавиной несемся навстречу хазарам,
Мы рубим, и колем, и прем напролом.
И вдруг затрещал под железным ударом
Мой старый, испытанный в битвах шелом,
На землю слетел он – помятый,

пробитый –

И долго катился по кочкам, звеня.
А я, покачнувшись, упал под копыта,
И нет уже больше на свете меня.
Набилась в глаза мне соленая глина,
И меч я сжимаю холодной рукой,
И ветром степным боевая дружина
Уже навсегда пронеслась надо мной.
Храпят где-то тяжело уставшие кони
И чистую воду из Итиля пьют.
А завтра меня на парчовой попоне
К степному кургану друзья понесут.
Сам князь у кургана построит дружину
И скажет печально, взглянув на меня:
– Теперь положите к нему в домовину
Жену молодую, и меч, и коня... –
И вздрогнет жена моя – ясная зорька,
И ляжет покорно в могилу со мной.
Не вскрикнет она, не расплачется горько,
Коль есть в нашем крае обычай такой.
А я оживу на мгновение от боли,
И сердце опять встрепетнется в груди.

Потом посмотрю на широкое поле
И крикну я князю:

– А ну, погоди!

Пусть ноженьки в росах купает босые,
Пусть солнышко вечно сияет над ней.
Она не жена мне,
Она мне – Россия!
Ей нужно любить и рожать сыновей.

УБЕЖАТЬ БЫ МНЕ В ЮНОСТЬ

Вот я вижу:
Стоят на крутом берегу
И глядятся в реку
Высоченные ели.
Убежать бы мне в юность,
А я не могу –
Замели все дороги
Слепые метели.
Вот я вижу Любань
И сожженную Мгу.
И снимаю с ремня я
Пробитую фляжку.
Убежать бы мне в юность,
А я не могу –
Заросли блиндажи
Лебедой и ромашкой.
Вот я вижу друзей:
Мы лежим на снегу
И кричим, задыхаясь:
– Атака отбита!
Убежать бы к друзьям мне,
А я не могу –
Я живой,
А друзья – из гранита.

РОВЕСНИКАМ

Навсегда запомнили ребята
Небосвод, расколотый войной,
Толчею в дверях военкомата,
Белизну врачебного халата
И в повестке: «Годе́н к строевой».
Выдавал обмотки и шинели
Паренькам безусым старшина,
А потом под пение шрапнели
Нас крестила в огненной купели
Самая жестокая война.
Нас судьба солдатская бросала
На штыки и танки. На войне
Тишина минутная пугала
Больше свиста рваного металла
Нас, отвыкших верить тишине.
Минный грохот рвал нам перепонки,
И душил нас дым пороховой.
Огибая ямы и воронки,
Нас к санбатам строгие девчонки
Выносили, жертвуя собой.
Сколько лет мы проживем на свете,
Пареньки, крещенные войной?
Лишь бы годы в воинском билете
Не стирали: «Годе́н к строевой».

Борис ШИРШОВ

Борис Валентинович ШИРШОВ родился на Артемовском прииске Иркутской области в рабочей семье, вскоре переехавшей на Урал. Окончил в Перми школу-семилетку, работал в областных газетах. Участвовал в Великой Отечественной войне, был командиром пулеметного взвода. После войны работал в газете.

Литературным творчеством занимался с детских лет. Первые стихи были напечатаны в 1933 г. в уральской пионерской газете «Всходы коммуны».

В 1947 г. в Перми вышел первый сборник его стихов «Суровая молодость», затем – сборник «Добрые вести» и многие другие.

Член Союза писателей с 1949 г.

Ушел из жизни в 1975 г.

* * *

Мы шли. Артиллерийские раскаты
Вещали избавление земле.
В селе дымились взорванные хаты,
И головни кровавились в золе.

Мы шли, победной радостью крылаты.
Гремела песня силой молодой.
Нас провожал у обгорелой хаты
Столетний житель с белой бородой.

Давным-давно мы были за деревней,
А он смотрел из-под седых бровей,
Как немощный отец из сказки древней,
Отправивший на подвиг сыновей.

* * *

Развалины домов, обломки кирпичей,
И белые – на черном пепелище –
Торчат столбы угрюмые печей,
Как памятники смерти на кладбище.

Высокий тополь в пепле и золе,
Как человек в неизъяснимой муке
Иль из могилы вышедший скелет,
Простер вперед уродливые руки.

Куда ни глянь – пустынные поля,
Бугры земли отмечены крестами...
Земля моя, родимая земля,
Истоптанная вражьими ногами.

Тобой одной душа моя горда,
Как воином, которого пытали
Враги и плен, страданья и беда.
А он остался твердым навсегда,
С геройским сердцем,
Кованным из стали.

* * *

Когда в его окоп метнулось пламя,
Он заживо горел, но не ослеп.
Он и сейчас все теми же глазами
Привычно зарабатывает хлеб.

Читает ноты, пишет натюрморты,
На озере следит за поплавком.
И все-таки тот пламень распростертый
Десятки долгих лет всегда при нем.

Глаза сочатся едкими слезами
Из-под усталых красноватых век.
Он спит всегда с открытыми глазами,
Мой друг, войну прошедший человек.

ТАНКИСТ

На высоте он с танком был оставлен,
Чтоб поддержать атаку.
Но огнем
Четыре дня был батальон придавлен
К земле.
И мы не думали о нем.
У рации, сменяясь, два связиста
И днем и ночью ждали позывных,
Но услышать ни слова от танкиста
Не удалось ни одному из них.
На пятый день, когда, врага откинув,
На высоту войти нам удалось,
Увидели мы черную машину,
Пробитую снарядами насквозь.
Танкист сидел в песке, откинув тело
На сорванный с разбитой башни люк.
И тускло фотография блестела
В распухших пальцах обожженных рук.
А на открытке радостно сияли
Два озорных мальчишеских лица,
Как будто, встретив поезд на вокзале,
Ребята вновь увидели отца.

ОСКОЛКИ

Металла ржавые осколки
Ложатся тяжело на ладонь.
Они грубы, остры и колки.
Их разметал войны огонь.

Крупницы злого урагана,
Они бойцом привезены
С твердынь Мамаева кургана,
С далекой волжской стороны.

Кому они неслись навстречу,
Когда земной разверзся ад?
Кто ими в битве был посечен,
Враг, друг или мой сраженный брат?

На том кургане знаменитом
Металл вскипал и снова стыл.
Когда бы небу стать магнитом,
К нему курган бы воспарил.

Но кровь людская тяжелее
Железа, стали, чугуна.
И, застывая и густея,
Насквозь курган прошла она.

И осватила славой русской
Приволжский город на века...
Нет, не металл, а крови сгустки
Беру. И дрогнула рука.

У ВХОДА В КРЕПОСТЬ

В спокойных водах Муховца,
Белея, нежатся купавы.
На арке входа два бойца
Стоят на страже вечной славы.
Их зной палит и дождь сечет,
Бьет ветер в каменные лица,
Им скатки давят на плечо,
Но не вольны бойцы смениться.
Они глядят на горизонт
Перед стеною крепостною,
И весь бессмертный гарнизон
Спит чутким сном за их спиною.
Бойцы глядят за древний Буг,
За земли Польши обновленной:
Не ополчается ли вдруг
На крепость недруг разъяренный?
Не собираются ль окрест
Грозой обугленные тучи,
И не ложится ли на Брест
Тень злобной свастики паучьей?
И не пора ль сыграть подъем,
Чтоб из подземных казематов
Во всем бессмертии своем
Вставали мертвые солдаты?
Приказ был отдан часовым:
Во время грозное любое
На помощь воинам живым
Весь гарнизон поднять для боя.
...Сменяет день ночную мглу,
Пылают зори и закаты.
Стоят на крепостном валу
России верные солдаты.

ТОВАРИЩУ

Закрылись раны. Ты опять
Уходишь в жаркий бой.
Дай руку дружески пожать,
Товарищ дорогой!
Нас познакомил, подружил
Военный лазарет.
Но мне казалось, что я жил
С тобою много лет,
Что вместе мы ходили в бой
За Родину свою,
Что даже миною одной
Мы ранены в бою,
И шли в атаку в полный рост
В один и тот же час,
Хотя в то время сотни верст
Разъединяли нас.
Уходишь ты, а следом я
Покину лазарет,
И снова двинутся друзья
Дорогою побед.
И снова будем мы в боях
В один и тот же час,
Хотя далекие края
Разделят снова нас.
Когда-нибудь, войну пройдя,
В Алупке голубой
Иль на московских площадях
Мы встретимся с тобой.
Как нами кончена война,
Об этом без прикрас
Расскажут наши ордена,
Расскажут лучше нас.

БАЛЛАДА О ВОЗВРАЩЕНИИ

Шел солдат из Берлина
Много лет,

много зим.

И казалось ему:
Он – совсем невредим,
Будто не был свинцовою
Строчкой прошит,
Будто не был убит
И в могилу зарыт.

Шел в поселок уральский
На реке Чусовой,
Шел полями, лесами,
По траве луговой.

Брел в морозы, в метели,
Но костров не палил,
На ночлег не просился,
Закурить не просил.

Все вокруг и поодаль
Видел он, замечал.
И людей работающих
Он повсюду встречал.

Возрождая державу
После тяжелой беды,
Люди были повсюду
Победой горды.

Проходил он по шумным
Городским площадям
И смотрел на солдат он,
Таких же, как сам.

В плащ-палатках и касках,
Молодые, как он,
Стали эти солдаты
На гранит и бетон.

Пламенели знамена,
Незабудки цвели.
Он был рад, что солдаты
До дома дошли.

И прикидывал снова
Путь немаленький свой
До поселка родного
На реке Чусовой.

Шел солдат терпеливо
На Урал день за днем.
Он все видел и слышал:
Вспоминали о нем,
Пели песни в застолье
Про него, самого,
Новым улицам имя
Давали его.

Шел солдат. И однажды
В поздний час заревой
Он пришел в свой поселок
На реке Чусовой.
Отворил он калитку,
Оглядел старый двор
И под окнами дома
Услыхал разговор.

Он узнал этот голос
И притих у окна.

У стола с взрослым сыном
Сидела жена.
Шила детское что-то,
Платье внучке, видать,
Иногда оправляя
Серебристую прядь.
На лицо дорогое
Падал розовый свет.
И в простенке виднелся
Солдатский портрет.

В темной узенькой рамке,
Отливая стеклом,
Он похож был на парня,
Что сидел за столом.

И солдат очень тихо
Отошел от окна,
И ему показалось:
Встременулась жена.
Сын взглянул удивленно
В темноту за окном.
И задумались оба
О чем-то своем...

Шел солдат и до сквера
Не спеша дошагал.
Там белел сквозь деревья
Постамент-пьедестал.
И солдат встал на камень
Лицом на восход.

И отсюда вовеки
Никуда не уйдет.

Когда возьмет меня всеильная
И заключит в тесовый дом,
И будет мне плита могильная
Последним титульным листом,

Я весь застыну от отчаянья
Не потому, что – заточен.
А потому, что на молчание
Невозвратно обречен.

Всем, что при жизни было сказано,
Не исповедалась душа.
Все это – робкий и бессвязный,
Наивный лепет малыша.

Всю жизнь мы мечемся и мучимся,
Пытаясь слово покорить.
Но, и состарясь, не научимся
Общедоступно говорить...

А вообще-то это надо ли,
Чтоб все сказал и все успел?
Ведь вечно звезды с неба падали,
А небосвод – не поредел.

Мы цену жизни узнаем с годами.
Чем наша жизнь становится длинней,
Тем больше дум рождается о ней
И ценится она дороже нами.
Но в памяти у нас не все хранится.
И, если жизнь начнешь перебирать,
Глядишь, исчезла целая страница,
А иногда – и целая тетрадь.
Дневник помог бы возместить утраты.
До дневников ли было нам, когда
В дыму сражений, в грохоте труда
Взрывались дни и ночи, как гранаты.
Мелькало все: события и лица,
В клубок сплетались тысячи дорог,
Так уставали мы, что сон присниться
По месяцам иным из нас не мог.
Поэт обязан подвести итоги
Всему, что видел, чувствовал, узнал,
И горек каждый в памяти провал,
Когда мы к правде неподкупно строги.
С годами жизнь становится ценней,
Но если б той дороге повториться,
Прошел бы сквозь огонь я вновь
искать на ней
Потерянные памятью страницы.

Николай БУКИН

Николай Иванович БУКИН родился в 1916 г. в селе Дуброво Еловского района Пермской области. Окончив неполную среднюю школу, по путевке комсомола уехал в Сарапульский сельскохозяйственный техникум. Еще в детстве у него была тяга к поэзии, поэтому агроном Букин поступил на литературный факультет Пермского педагогического института. Но и учительствовать ему не довелось – грянула Великая Отечественная война.

Служил на полуострове Рыбачий, на Балтийском море, в частях морской пехоты. Здесь вырос он до большого поэта.

В 1961 г., уйдя в запас, Букин вернулся на Урал. Здесь родился его цикл о Перми.

* * *

Океан! Нет покоя, нет края,
Даже в праздник грохочет прибой,
Будто юность моя огневая,
В бескозырке шагавшая в бой.

Мне бы силы твоей хоть частицу,
Мне б твою богатырскую статью,
Чтобы жизни матросской страницу
Мне в историю флота вписать.

Мне бы голос твой звучный, как ода.
Мне бы с палубы век не сходить,
Чтобы петь, как всегда, для народа,
Как всегда, человеку служить.

Я И ЧАСА НЕ ПРОЖИЛ БЕЗ БОЯ

Вот полвека уже позади,
И не балован был я судьбою.
Как корабль, я все время в пути,
Я и часа не прожил без боя.

Гнул в дугу меня огненный смерч,
И недугом исхлестан, как плетью,
В Ледовитом за жизнь шел на смерть,
А у Черного дрался со смертью.

И опять я в строю и не стар,
Хоть и сек меня ветер собачий,
Но не даром в поэзию старт
Я с тебя взял, гранитный Рыбачий.

И, как прежде, в неравных боях
Я не дрогну, как робкая пташка,
Сто спасибо тебе, мама, что я
Не в рубашке рожден, а в тельняшке.

Когда эту песню на баке
Я нынче с друзьями пою,
Мне кажется, что для атаки
Я снова у Волги встаю.

Как будто опять сквозь туманы
Лечу я к фиордам чужим
Иль где-то у крымских лиманов
Под танки бросаюсь шестым.

Я слышу, как с гневом и плачем
Бьют волны о Кольскую твердь,
Где мы на скалистом Рыбачьем
Шли в бурю на подвиг и смерть.

Ну, что ж, коль придется с врагами
Столкнуться в тяжелом бою,
Я встану под красное знамя,
Любимую песню спою.

И снова взовьется, как сокол,
Под небом свободной земли:
«Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...»

ЕСЛИ НЕ БЫЛ ТЫ В ПЕРМИ

Если не был ты в Перми,
В городе на Каме,
После службы приезжай,
Будем земляками.
Приезжай, друзей зови,
Всем найдется дело.
Любит наша сторона
Бойких да умелых.

Работающий город наш
Краше год от года,
Город вузов и садов
И больших заводов.
Ну, а если ты – моряк,
Вырос на просторе,
То нисколько не горюй,
Есть у нас и море.

Если не был ты в Перми,
В городе на Каме,
После службы приезжай,
Встретим пирогами.
Песни все перепоем,
Словно в день рожденья.
А невесты здесь у нас –
Прямо загляденье.

ТЫ ПРОСТИ МЕНЯ, КРАЙ МОЙ РОДИМЫЙ

Ты прости меня, край мой родимый,
Что так долго не видел тебя.

Я, как мог, в штормовые години
Защищал и тебя, и себя.

Я стоял на далекой границе,
Где лишь ветер, пурга да прибой.

Я с волною сумел породниться,
Ну, а думы, а думы – с тобой.

Я волнуюсь и плачу, не скрою,
Вновь увидев раздолье твое,
Где бедняцкой прошло бороздою
Безотцовское детство мое.

За плечами и радость, и горе,
Но своей я доволен судьбой.
Привязало к себе меня море,
Ну, а сердце, а сердце – с тобой.

Где б ни шел я путями матросов,
Но в душе я носил и несу
Половодье прикамских покосов,
Синих гор приуральских красу.
Я гляжу на тебя, как на диво,
Озаренный твоей новизной.
Ты прости меня, край мой родимый,
Ну, а песни, а песни – за мной.

Адмиралу А.Г. Головки

Четвертые сутки, как будто обухом,
Бьет море эсминцу в стальные бока,
И хочет оно, чтоб упали мы духом,
Чтоб всех нас забросить к чертям на рога.

Четвертые сутки с невзгодами в ссоре,
Назло всем прогнозам идем мы вперед,
И воет, и плачет, и мечется море,
Но гвардию флота ничто не берет.

Четвертые сутки мы в смертные схватки
Вступаем с норд-остом, как лютым врагом,
И знаем, положим его на лопатки,
И море опять засверкает кругом.

В походах находим мы счастье морское
И мужеству учимся на корабле,
Готовы надолго лишиться покоя,
Чтоб людям спокойней жилось на земле.

СОЛДАТСКАЯ КЛЯТВА

Героев войны окрыленный отвагой,
Стою я сегодня с друзьями в строю.
Тебе я, Отчизна, под воинским стягом
Священную клятву на верность даю.

Клянусь – по-солдатски военному делу
Готов я все силы и душу отдать
И в дни грозные бесстрашно, умело
Смогу за тебя до конца постоять.

Клянусь, что согретый любовью народа
И гордый своею солдатской судьбой,
Пойду я за правду твою и свободу,
По-русски, отважно на подвиг любой.

Я верен тебе и победному стягу,
В работе не сдам и не дрогну в бою.
Отчизна родная, тебе я присягу
И словом, и сердцем сыновним даю.

Василий КЛИМОВ

Василий Васильевич КЛИМОВ родился 20 марта 1927 г. в деревне Заречный Пешнигорт Коми-Пермяцкого автономного округа. Учился в школе, работал в колхозе, с 1944 по 1952 г. служил в Советской Армии.

Работал в окружном радиовещании, в книжном издательстве. В 1971 г. окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Его перу принадлежат сборники стихов, рассказов, очерков. Автор книг «Зайкины гостинцы», «О чем говорят имена Пармы», «Живой отклик», «Мои крылья».

Заслуженный работник культуры.

Член Союза писателей с 1966 г.

* * *

Почему, скажи, так ноет сердце

И зовет –

сдержаться нету сил! –

В край, где жил с бедою по соседству

И лаптей немало износил?

Вспоминать не хочется.

Но все же

Родина – она твоя судьба.

Горьким детством

вдвое мне дороже

Старая отцовская изба.

Перевел с коми-пермяцкого А. Домнин.

НЕ ПОЖАЛЕЮ

Не пожалею,
 если вдвое
Судьба уменьшит жизни срок;
В день каждый
 два
 прожито мною,
Вдвойне исхожено дорог.
В дни детства,
 в дни войны, к примеру,
Морила за двоих нужда.
И редьки съел двойную меру,
Лес за двоих валил тогда.
За груз двойной
 не клял дорогу...
Стихи.
 Работа.
 Целина.
А вот любовь – моя тревога! –
Как мать,
 как Родина,
 одна.

Перевел с коми-пермяцкого М. Смородинов.

ВСТРЕЧА

Через село,
 протезом скрип да скрип,
Проходит с палочкой в руках
 старик.
А встречу –
 на вице скачет, конопат,
Малец:
 пылит, как всадников отряд.
С восторгом он глядит на старика:
– Вот здорово!
 Железная нога!
А старую куда ты задевал?
Медведь-шатун, наверно,
 оторвал?
Или упало на нее бревно?..
– Она осталась на войне.
 Давно.
Тогда я был красивый, молодой
И сильный был,
 а плакал над бедой.
Боль и обида
 мучили меня:
Винтовку на костыль
 пришлось сменять,
А я мечтал
 штыком добить врага.
Да ведь костыль-то, парень,
 без штыка!..
И вновь по тротуару –
 скрип да скрип.
Медалями звеня, ушел старик.
И думает, насупившись, шалун:
«А говорят,
 всех злей –
 медведь-шатун...»

Перевел с коми-пермяцкого М. Смородинов.

* * *

Гром грянул в небе.

Стекла задрожали.

Вскочила ты.

В окно плывет рассвет.

Спросила взглядом:

«Милый, не война ли?..»

Гроза.

А дети спят.

Им горя нет.

Знать, женский ужас перед громом

вечен,

А мы живем пока что

в мире гроз...

Прости, что однозначно не отвечу

На горький,

на безмолвный твой вопрос.

Но —

бомба

ни одна бы

не упала,

Беда бы не коснулась мирных крыш,

Когда бы небо

мне принадлежало,

Как ты мне одному принадлежишь.

Перевел с коми-пермяцкого М. Смородинов.

НАД БРАТСКОЙ МОГИЛОЙ

Даль за Волгой
 тиха и просторна,
Спят поля у большого села,
Где над братской могилой простира
Узловатые ветви ветла.

К ней иду проторенной тропой
Я при свете осеннего дня.
Вот и свиделись, брат мой, с тобою...
Брат мой старший,
 ты слышишь меня?

Представляю, как все грохотало
В этом поле над Волгой-рекой,
Где сквозь бурю огня и металла
Шел вперед ты, пока что живой.

Расскажи, как ты падал, сраженный,
Как в предсмертный свой, тягостный час,
Видел иньвенский край наш зеленый,
Видел маму
 и, может быть, нас...

Спи, защитник, спи, брат мой любимый!
Ты живым входишь в наши сердца.
Долг солдатский пред Родиной милой
Свято выполнил ты до конца.

Ветры осени напропалую
Здесь, над братской могилой, шумят.
Наклоняюсь и землю целую,
Где лежит незабвенный мой брат.

Перевел с коми-пермяцкого В. Радкевич.

СЫНОВЬЯМ

Рожденья год —
 двадцать седьмой...
Мне однорукий военком
Вручил повестку,
 и домой
Я кинулся за вещмешком.
На фронт!..
Я не был там, сыны,
Не знал кинжального огня.
Так вышло,
 что в конце войны
Призвали в Армию меня.
Но восемь
 тех армейских лет, —
Хоть к фронтовым не приравнять! —
В душе
 оставили свой след.
Я научился понимать,
Что значит
 Родина и долг,
Товарищество
 и приказ...
Не потому ли
 вышел толк
Поздней,
 из повзрослевших, нас?
Не потому ль чужую боль
Принимаю так же, как свою,
Что стала нашею судьбой
Судьба всех тех,
 кто был в бою?

Перевел с коми-пермяцкого М. Смородинов.

Степан КАРАБАЕВ

Степан Иванович КАРАБАЕВ родился 19 декабря 1908 г. в селе Отево Кудымкарского района Коми-Пермяцкого округа.

В 1928 г. окончил Пермскую советско-партийную школу, прослушал курс издательских редакторов в Москве. С 1932 по 1935 г. был литературным редактором национального отдела Учпедгиза в Москве.

В годы Великой Отечественной сражался на фронте. Имеет награды. После войны работал редактором Коми-Пермяцкого окружного издательства.

Писать стихи начал с 1928 г.

Заслуженный работник культуры РСФСР. Член Союза писателей с 1958 г. Ушел из жизни 28 мая 1974 г.

МОЯ РОССИЯ

Мои поля колышут спелым колосом,
Мои леса встают под небосвод.
Россия материнским чистым голосом
Над нами величальную поет.

Мои деревни эту песню слушают,
Давно забыв о лапотной судьбе, —
Они завоевали долю лучшую
С Россией вместе по плечу себе.

Мои сады к земле плодами клонятся,
И — ни конца, ни края тем садам.
Моя Россия, добрая работница,
Ты эту зрелость подарила нам.

Не в колыбели, а в сраженьях вынянчив,
Ты нас дорогой верной повела,
Россия, дорогая до кровиночки,
Тебе все наши думы и дела!

Перевел с коми-пермяцкого А. Крашенинников.

НИКОЛАЮ КУЗНЕЦОВУ

Я жив еще.

И, значит, мы вдвоем
Опять сегодня в молодость вернемся.
...Над летней Иньвой берегом идем.
Как громко шутим! Как легко смеемся!
Тех песен эхо — у меня в ушах,
Тех споров жар не стынет под золою!
Мечтали мы, чтоб в жизни каждый шаг
Был новым шагом к звездам над землею.
Как нашей Пармы житель коренной,
С открытым сердцем,

с дружелюбием братским
Ты спорил о поэзии со мной
На нашем языке коми-пермяцком.
Ты говорил:
— Послушай-ка, Степан,
Вот ты — поэт и добрый мой знакомый.
А хочешь, я поэму иль роман
Сам напишу — не как-нибудь, на коми!
Нет, зависть сердце мне тогда не жгла,
В широкой Парме юности не тесно.
Но что со мной легенда рядом шла,
Мне в эту пору было неизвестно.
Мне было неизвестно, что войной
Ты, как волной прилива, будешь поднят
И очень скоро ждет тебя иной,
Совсем иной и замысел, и подвиг.
Что меж спаленных украинских сел
Вдруг засияет среди истин вечных
Та истина, которую нашел
Ты, кровью оплатив ее, разведчик!
И жизнь твоя не оборвется там,
Где смерть ее подстерегала немо,
А по людским отзывчивым сердцам
Ударит, как крылатая поэма.
Пусть говорят — скосил свинцовый дождь.
Но мы-то знаем, мы-то твердо знаем:
Ты рядом с новой юностью идешь,
Зеленой Пармой, светлым нашим краем!

Перевел с коми-пермяцкого В. Радкевич.

Михаил ВАВИЛИН

Михаил Дмитриевич ВАВИЛИН родился 22 января 1921 г. в деревне Кукушка Коми-Пермяцкого автономного округа. Окончил Кудымкарское педагогическое училище. Работал учителем, воевал. После войны работал в Кудымкаре – в окружной газете, на радиовещании, в краеведческом музее. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Автор книг «Лесная песня», «Сосновый воздух», «Дорогой жизни», «Светлые ручьи» и др.

Первая книга стихов издана в 1948 г.

* * *

Я забреду в полуденное поле,
Где шумно закипают волны ржи,
Где жаворонки радуются воле
И прядают проворные стрижи.
И вдруг увижу, словно бы впервые,
Что разглядеть до времени не смог:
Бескрайние просторы полевые,
Где сердцу дорог каждый стебелек.
Где каждый колос тянется, качаясь,
И с солнечным целуется лучом,
И, солнечною силой наливаясь,
Пьянеет поле, дышит горячо.
Как после сна, поняв одну из истин,
На прожитое я оборочусь:
За все, что ты мне даришь бескорыстно,
Когда с тобой я, поле, расплачусь?

Перевел с коми-пермяцкого А. Гребнев.

Облака плывут на запад,
На восток течет Кува,
Держит солнце сосны в лапах...
Лето.
Кругом голова.

Исходил дорог я тыщи,
Был в разлуке много дней,
Только где еще отыщешь,
Коми-край, тебя родней?!

Миновал моря и горы,
Будто здесь остался клад,
Через войны, через годы
Повернулся я назад.

Чем мне близок,
 чем мне мил он,
Край в суровости своей?
Не отцовскою ль могилой,
Не судьбою ль сыновей?

Как приятен хвои запах!
В ноги стелется трава.
Облака плывут на запад,
Через жизнь мою – Кува.

Перевел с коми-пермяцкого И. Лепин.

Комиссар нам казался отцом.
Добрый был, но и спрашивал строго.
В размышленьях о чем-то своем
Он бородку задумчиво трогал.

Был он выдержан, накрепко сбит.
Говорили о нем в батальоне,
Что такой и в огне не сгорит,
И в воде никогда не утонет.

В пятьдесят – неумный, живой,
Мог он ровнею с нами считаться.
Комиссар – наш отец фронтовой –
Научил нас врага не бояться.

Днем и ночью фашистов орду
Вышибали мы из Могилева.
Комиссар был всегда на виду,
Вел в атаки, подбадривал словом.

Город взяли. Но черной каймой,
Будто траур, дымились пожары –
Никогда над усталой землей
Не поднять головы комиссару.

От беды потемнел небосклон,
Словно солнце померкло в тревоге.
Снова ринулся в бой батальон
Гнать врага до берлинской берлоги.

Перевел с коми-пермяцкого Б. Ширшов.

Федор ИСТОМИН

Федор Степанович ИСТОМИН родился в 1954 г. в деревне Большое Сидорово Кудымкарского района Коми-Пермяцкого автономного округа. После окончания школы учился в профтехучилище, работал на деревообрабатывающем заводе, затем стал корреспондентом кудымкарской окружной газеты. После службы в армии снова работал в газете, затем в Коми-Пермяком отделении Пермского книжного издательства.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.
С 1988 г. – член Союза писателей.

Первую книгу стихов «Капля солнца» Истомин издал на коми-пермяцком языке в 1979 г. В 1984 г. вышел его следующий сборник стихов – «Снежинки», в 1987 – книга «Забывтое поле».

В 1991 г. в Пермском книжном издательстве увидел свет его очередной сборник стихов – «Утренние снегири» – первая книга поэта на русском языке.

А КТО СТРАШИТСЯ СМЕРТИ, НЕ ПОЙМЕТ...

...А кто боится смерти, не поймет
Того, как покидает нас душа –
Неспешно –

через бездыханный рот,
Судьбу свою доподлинно верша.
И твердь земная рушится,

И за

Соломинку

хватается рука.

Но — звездами становятся глаза,
Прозреньем озаряя на века.

Перевел с коми-пермяцкого А. Кленов.

Как прежде, ласковым, беспечным
От этой встречи снова стал.
Я так давно лесок заречный
В наряде летом не видал!
Мой край...

Судьба меня бросала
В чужие дальние края.
Не раз от бед меня спасала
Улыбка светлая твоя.
Вот скоро жимолость созреет
И земляничный брызнет сок,
И солнышко в груди согреет
Ту песню, что тебе берег.
В зеленый лес бежит дорога.
Вот деревцо бросает тень,
Переросло меня намного,
Хоть мы в один родились день.
Как время быстро пролетает!
Я здесь мальцом бедовым рос,
А ныне силы чуть хватает
Везти годов тяжелый воз.
И раньше срока я седею
От нескончаемых забот.
Промчалась осень.

Вслед за нею
Зима суровая идет.
Но верю я, что кладь любую
По этой жизни пронесу,
Пока душа в груди воркует,
Как будто горlinkа в лесу.

Перевел с коми-пермяцкого Н. Домовитов.

СТРАХ

Повсюду колыхалась рожь...
В ней, как в лесу, я заблудился.
Страх этот детский бросил в дрожь,
И я слезами вдруг залился.
Казалось мне, что потерял
Навеки в страшном поле маму.
— Мам, мам! —

сквозь слезы я взывал.
Кричал, но тишина — упряма,
Я надрывался все сильнее,
И сердце, как шальное, билось...
А мама просто затаилась,
Чтоб не гонялся я за ней.
Да, затаилась и ждала.
Не просто ей — не откликаться.
Как много бы она дала,
Чтобы со мной тогда остаться.
...Теперь лишь зачернеет ночь,
Вдруг вспомню я о поле этом,
И вот уже дышать невмочь.
Отчаянье приходит следом.
Мне плакать хочется навзрыд.
Прильну к кресту оконной рамы.
На целый мир душа кричит:
— Ну, где ты, мама?

Где ты, мама?!

Перевел с коми-пермяцкого А. Гребенкин.

ИЗБА

Глянущу – радость в душу льется:
Над построенной избой
Дым печной впервые вьется,
Чертом пляшет над трубой.
Оглянусь – и гаснет радость,
Мне обиды не избыть:
Дом увозят, разбирают,
Чтобы дачу подновить.
Но всего больней, пожалуй,
Нежилой избы тоска
С многолетней и ржавой
Мертвой тяжестью замка.
Отрешенно и угрюмо –
Будто спит или больна –
С потаенной горькой думой
Ждет хозяйина она.

Перевел с коми-пермяцкого А. Гребенкин.

ПЕСНИ НАРОДНЫЕ

Песни народные,
 песни народные!
Вряд ли поймешь вас
 холодным умом,
Чувства высокие
 и благородные
Вы пробуждаете
 в сердце моем.
Как вас душевно
 выводят девчата!
Только заслышу –
 и сердце замрет.
Каждая песня
 по-птичьи крылата,
Манит в полет
 иль на пляску зовет.
В вас – наши думы,
 надежды,
 тревоги.
Вот и внимаю я вам,
 не дыша.
Будто пришла
 и стоит на пороге
Чья-то до боли
 родная душа.

Перевел с коми-пермяцкого Н. Домовитов.

Наркиз КУЗНЕЦОВ

Родился в городе Серове Свердловской области. Закончил 10 классов в Перми. В 1957 г. поступил в Кустанайское летное училище и успешно закончил его. Год учился в Пермском политехническом институте, одновременно работая на прямом производстве. Призвание писать привело его в заводскую многотиражку. Работал в областной молодежной газете «Молодая гвардия» и в газете «Мотовилихинский рабочий». В 1966 г. поступил в Московский полиграфический институт и успешно окончил его. Ушел из жизни в 1985 г.

ПОСТ НА СТЫКЕ ВРЕМЕН

Родина! – Великая, святая,
Каждому по-своему своя! –
В 23.00, на пост вступая,
Получил тебя в наследство я.

Пусть ярится воинство метельное,
Пусть мне одиноко здесь, в снегу,
Я твое и горе, и веселье,
Твой покой державный сберегу.

Дело караульное не ново,
Но сейчас особый в нем резон:
Первым повстречает часового
Новый год, входящий в гарнизон.

Ты нас вспомнишь, тост наш поднимая,
Всех, кто на посту стоит, как я,
Родина, – Великая, святая,
Каждому по-своему своя!

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Комсомолу

Что мне дал Комсомол? —
В двух словах — не ответ!
Вместе с ним я прошел
До экватора лет.
Может, сделать привал?
Нет!

Вставать на прикол
Мне всю жизнь не давал —
И не даст! —

Комсомол.

Что мне дал Комсомол?
Дал настрой,

чтобы шел
Каждый день я на бой,
Чтоб

все время казалось,
Что все впереди,
Чтоб

не знал про усталость
И дожив до седин!
Что мне дал Комсомол?
Стал мне школой большой,
Чтоб

в отставших не брел,
Не кривил бы душой,
Чтобы хватка была, —
Разбираться умел:
Где — большие дела,
Где —

лишь видимость дел.
Что мне дал Комсомол?
Веру в правду отцов!
В ней я силу обрел
Настоящих борцов —
Как они, чтоб горел
Каждый день до конца!
Чтобы сын мой хотел
Походить на отца...

ПЕРВЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ

*Светлой памяти
моего первого инструктора,
летчика-истребителя,
старшего лейтенанта
Михаила Васильевича Молчана*

«Пятачок» – километр так на так
В окруженьи озер и озерец.
И пчелой на посадочный знак,
Как на мед, выгребает моторец.
– С перелетом нельзя!

С недолетом нельзя! –
Машут травы степные,
под крылья скользя.
В шлемофон баритончик комэска бежит:
– Сел нормально!

Теперь направление держи!
...Зарулил, газанул и умолк
«Як» зеленый... Приехали, здрасте!
Извлекает механик мешок,
За инструктора бывший в баласте.
Вот спешит сам старлей:
Нет улыбки милей, –
Как сто лет
не встречался со мной на земле!
Так поздравил,
что сплющились пальцы у рук...
Первый
самостоятельный
круг!

ПЕСНЯ ПИЛОТОВ

Таинственно мерцают гермошлемы,
И, отрешившись от забот земных,
Друг старый, в бой учебный поведем мы
Сегодня лейтенантов молодых.

Нам повезло, и мы с тобой успели
Познать пилотов фронтовых слова,
И эти огнедышащие стрелы,
И добрый Як, и старенький По-2.

И нашу верность летному искусству
Еще не раз на деле подтвердим,
Не по глиссаде — по шестому чувству
Мы там садились, где не сесть другим.

И вновь врывались в яростные дали
По падавшим, отстав от нас, громам,
И там, где только ангелы летали,
Дневные звезды открывались нам.

Над взлетной полосой на туч вершины
Вскарабкалась бессменная луна,
Посеребрила грозные машины,
Посеребрила головы и нам.

Стартуем прямо в лунное сиянье,
Уходим в ночь в локаторных лучах,
Военные пилоты, россияне,
Мы держим небо на своих плечах.

Таинственно мерцают гермошлемы,
И, отрешившись от забот земных,
Друг старый, в бой учебный поведем мы
Сегодня лейтенантов молодых.

ГОЛУБОЙ МАГНИТ

Я вижу небо, черт возьми!
Я, сколько влезет, небо вижу!
Огромный голубой магнит
Меня влечет, а я – недвижим.

Я – было время – в эту высь
Подняться мог, как птица волен!
Но вот откуда-то взялись
В недвижимых членах когти боли.

И отдалилась эта даль:
Юдоль земная не простила,
Что, не жалея, покидал,
Что называл ее постылой.

Что в ранней юности посмел
Смеяться и играть судьбою,
Что непослушно вниз глядел,
А – жадно! – в небо над собою.

И пусть сегодня он стеснен –
Бескрайний мир оконной рамой,
Я не разбит, не побежден
И – явно не несчастный самый!

Пускай попытка не сбылась,
Мечту загнать в хомут – нелепо!
Одно обидно: надо пасть,
Чтоб видеть, как прекрасно небо.

НАШ СТАЛИНГРАД

Двести дней и ночей
 грозный бой не стихал.
Был пожаром объят Сталинград.
Содрогалась земля,
 раскалялся металл,
Но не дрогнул советский солдат.

Сталинград – это слово
 солдат в бой ведет.
А враги лишь услышат, дрожат.
Знать, особая сила
 в том слове живет:
Сталинград, Сталинград, Сталинград!

Твердой верой горя
 отстоять Сталинград,
Всюду гибель несли мы врагам.
Под ногами у нас
 от осколков гранат
Стал железным Мамаев курган.

Приказала страна
 уничтожить врага,
Враг был в клещи
 железные взяты.
Черной кровью своей
 враг окрасил снега.
Вражью силу сломил Сталинград!

ПЕСНИ ДОВОЕННЫХ ЛЕТ

Песни довоенных давних лет
Нам в новейших записях вернули,
А на них войны зловещий след,
И они прошли свой путь сквозь пули.

Песни про любовь и про мечту,
День счастливый – светлый и манящий,
Так вы и остались на посту:
Не пришел на смену разводящий.

Оборот и снова оборот
Под иглой пластинки тихо тает.
Словно льдинку северных широт
Теплое течение размывает.

Песни шутят, а в глазах – слеза,
А по горлу тысяча царапин:
Будто отличаю голоса – мамин
И, почти забытый, – папин.

Девочки и мальчики тех лет
Бабушками, дедушками стали,
Но и в час космических ракет
Песен детства петь не перестали.

Кто сказал, что это примитив,
Кто сказал, что это в стиле ретро?
Не ослабевает в нас мотив
Строек и веселых песен ветра!

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ БЕРЕГУ Я...

Двадцать лет берегу я
 планшет и погоны.
Двадцать лет пронеслось! —
 А как не было их:
Входит память в строку
 караулом бессонным,
Именами далеких друзей боевых.
...Потихоньку и мы
 подвигаемся в деды.
А тогда —
 сплошь безусыми были, юнцы.
В наш призыв —
 вскоре после Великой Победы —
Только очень немногих
 проводжали отцы.
Потому и погоны храним полевые —
Знак священного долга,
 ведь каждый готов
По сигналу вернуться
 в ряды боевые,
Заслонить, как отцы,
 сыновей от врагов!
С нас и спрос — по двойной,
 по особенной мерке!
Чтоб над Родиной вновь
 не нависла война.
Пусть — покуда живем —
 на вечерней поверке
Выкликают по списку
 и нас старшина!

ПАМЯТЬ

Все мне кажется, что и я виноват,
Хоть нету моей в том вины,
Когда просыпается с криком солдат
Давно отгремевшей войны,
И воду холодную пьет у окна,
И курит, присесть позабыв,
И давит на плечи ему тишина,
Как землю обрушивший взрыв.
На смену свою раньше всех на завод
Спешит ветеран потому,
Что там, среди людей, он скорее найдет
Забвение сну своему...
Все меньше и меньше становится их —
Огнем опаленных солдат,
А вдоль бесконечных дорог фронтовых
В могилах друзья их лежат.
По праздникам выйдут, надев ордена,
Герои, что рядом живут,
И празднуют с нами весь день допоздна,
Военные песни поют.
А в будни не носят высоких наград —
Горька их святая цена:
Живет она в памяти старых солдат —
Осколком у сердца — война.
Все мне кажется, что и я виноват,
Хоть нету моей в том вины,
Когда просыпается с криком солдат
Давно отгремевшей войны.

ФРОНТОВИКИ

Кто шел дорогами войны,
Друзей-товарищей теряя,
Тот знает: нет для них цены —
Для этих дней, начала мая.

Кто чашу ратного труда
Испил во мраке ночи лютой,
Тот не забудет никогда
Цветов любимого салюта.

Кто видел в пепле и в дыму
Родные города и села,
Тот не позволит никому,
Чтоб это повторилось снова.

Фронтовики, фронтовики,
Идем мы вашими путями,
Нет, никогда, фронтовики,
Не выветрится наша память!

И вам, познавшие сполна
Скорбь матерей, утраты, беды,
Наградой мирная весна
И светлый праздник —
День Победы!

СЮДА ПРИХОДИМ

Где шли бои, там камни обомшели,
Шумят деревья на ветру листвою.
У памятника павшим, у траншеи,
Растет огонь,

как жизнь, всегда живой.

Сюда приходим с мыслями собраться,
Отсюда все, что сделали, видней.
И здесь путям-дорогам начинаться
Твоих, Отчизна, юных сыновей.
Прошла война

сквозь все дома и души,

Дела, воспоминания и сны...

Как это много — тишину послушать! —
Ведь столько лет

в России нет войны.

К нам едут из-за гор и океанов,
Из дальних стран, со всех материков —
Увидеть: кто такие россияне,
Живущие в стране большевиков?
Смотрите —

как живем мы, чем гордимся,

К какой звезде полет ракет стремим,
И никого на свете не боимся,
И никому на свете не грозим.
Да, мы хотим,

чтоб все друзьями стали,

И просим вас не забывать одно:
Когда свободу мы свою спасали,
Спасли и вашу тоже, заодно...
Цветы живые, поклонившись низко,
Кладем к неувядаемым огням.
У нас в стране так многоobeliskов, —
Так дорога святая память нам.

Борис МИХАЙЛОВ

Борис Николаевич МИХАЙЛОВ родился 23 февраля 1911 г. в Перми. Рано начал работать, в 23 года стал профессиональным журналистом.

Член Союза писателей с 1935 г. Неоднократно избирался ответственным секретарем Пермской писательской организации.

Автор сборников «Июнь», «Заря над лесом», «У синих гор», «Родник», «Заветное» и др.

Ушел из жизни 8 марта 1976 г.

НАШ ОТВЕТ

Улицы в молчании суровы.
Ночь еще. Но нынче не до сна.
Радиоприемники настроив,
Сводку ожидаем... Ночь мутна.

Но пошли в атаку огневые
Летчики, танкисты и стрелки,
Красные стальные боевые
Славные советские полки.

Будь ответ решителен и грозен:
Силу вражью слошим и сомнем.
Полчища захватчиков отбросим,
Больше не поднимутся —
добьем!

Слейся, весь народ,
в одной заботе,
Грудью встав за Родину свою!
Если не в бою, то на работе:
Будем на работе, как в бою!

24 июня 1941

НОВИЧОК

Он точит гильзы для снарядов,
Не слыша ветреного дня.
А там весна в поселке рядом.
И в бабки лупит ребятня.

«У Кольки налитый панок,
У Васьки взгляд острей...
Но я тружусь, и мой станок
Идет! Иди быстрее!»

«Быстрее!» – парнишка шепчет шуму.
Кипи, работа, горячо!
Сейчас одной захвачен думой,
Торопит время новичок:

«Снарядов ждут фронтовики.
И где-то там отец...»
Нагнулись ветки у реки,
И щелкает скворец.

И пахнет пахотой согретой,
И тень проносят облака.
Он старше стал. Встречает лето,
Как взрослый, в цехе у станка.

И все послушнее резец,
И стружку вьет ключом...
На фронте ждет письмо отец,
И есть писать о чем!

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Привезли на завод комсомольский билет,
По краям опаленный войною.
Был хозяин его девятнадцати лет —
Он зарыт под разбитой сосною.

Подступившего горя ничем не избыть,
И на миг тишина водворится...
Но клянутся друзья ничего не забыть,
Только злей и упорней трудиться.

Соберут самолет вне заданий и смен.
Так приказано памятью светлой
И подсказано сердцем... От зова сирен
Утром вздрогнули тихие ветви.

От домов поселковых к седым корпусам
Собираются тропки витые,
Золотые цветы убегают к лесам...
Как любил он цветы золотые!

Неподвижные руки лежат на груди,
Отдышавшей ветрами сражений...
Боевой самолет, пролети, прогуди
Над холмом без травы и без тени!

НА ПОЛУСТАНКЕ

Глухой уральский полустанок.
Платформы, зло отгрохотав,
Затихли, звякнули устало,
И встал на выгрузку состав.

Железный лом, дождем омытый:
Брони погнутые листы,
Где, желтой ржавчиной покрыты,
Линяют черные кресты.

Напрасно вражеские танки
Ломились бешено в бои —
На их помятые останки
Садятся шумно воробьи.

Рвались добаться до Урала.
И вот он — край лесов и руд,
Где груды мятого металла
Для переплавки приберут.

СТАЛЕВАР

Ты приходил и как попало
На койку падал, засыпал.
Одна жена, наверно, знала,
Как ты с работы уставал.
С рассвета снова у мартена
Был на посту. Вдыхая жар,
Подряд, бывало, по три смены
Тогда работал сталевар.
Далёко мысль твоя летела:
— В бою с друзьями б надо быть!
Но для того и сталь кипела,
Чтоб из нее твой гнев отлить,
Калить, ковать стволы орудий.
И было ясно, как в бою:
Ты заслоняешь так же грудью,
Как воин, Родину свою.

ВЕЧЕР

Устала, а все-таки надо
Еще посидеть у окна.
На сером заборе плакаты.
На белых плакатах война.

Закат за домами напротив
Багровые хмурит края.
А где-то далёко в полете
Забытая юность твоя.

Уж кудри у ней поседали –
Погладить бы легкой рукой!
Ушла она в темной шинели –
Прижаться бы теплой щекой!

И все говорить не смолкая,
Сквозь глупые слезы смотреть,
Как слабость твою упрекают
Глаза, повидавшие смерти!

ПИСЬМО

Я тот же. Я много бы мог написать.
Не все уместится в конверте.
Я жив и здоров, но, по правде сказать,
Бывал недалёко от смерти.

Средь гула орудий тверды голоса.
И вправду о смерти поется,
Что если ей прямо посмотришь в глаза –
Она от тебя отвернется.

Александр СНИТКО

Александр Трофимович СНИТКО родился в 1939 г. Закончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор поэтических сборников «Отчий дом», «Станица», «Молюсь за всех за вас», «Во имя твое».

Член Союза писателей России.

Живет в Перми, работает в областной независимой газете «Звезда» заведующим отделом писем.

БОМБЕЖКА

До сих пор мне снится та бомбежка:
вздрагнула и вздыбилась земля,
все тогда исчезло, даже ложка –
ложка деревянная моя.

Где она? Где хата? Где игрушки –
прыткий мяч и всадник на коне!..
За рекой, за дальним лесом пушки
грозно говорили о войне.

Долго я боялся, что осколки
снова песню смерти пропоют.

Те осколки, острые да колкие,
и сегодня спать мне не дают.

Я пишу, конечно, не про ложку
(разве в ложке дело – право, нет) –
про детей, что за одну бомбежку
повзрослели на десятки лет.

Нам за то не выдали медали –
от врага мы не спасли страну.

Мы на фронт немного опоздали,
но не опоздали на войну.

АКАЦИИ

В то лето страшной оккупации,
в тот смертный год для всей страны,
у дома нашего акации
кудрявы были и стройны.
Но в лето страшной оккупации,
в дни горя матушки-земли,
у дома нашего акации –
я точно помню – не цвели!..

СТАРАЯ РАНА

Я часто слышу: дело прошлое –
война. Мол, нынче гладь да тишь,
и что ты в том нашел хорошего,
что снова раны бередишь?..

А рана старая болит,
хоть не моя она, а братова.
Он ранен в зиму сорок пятого,
но рана до сих пор болит.

Под сердцем у него сидит
кусочек вражьего металла.
Война давно отгрохотала,
а рана старая болит.

И брат не спит, и мать не спит,
и мне всю ночь покоя нету.
Скрипит сосна за хатой где-то,
а рана старая болит.

И от Заеловских высот
до деревушки под Саратовом
война до сей поры идет
и ноет, ноет рана братова...

СТОЙ-БЕГИ

Быль

Его Серегой звали.
Земляки
за прыткость дали кличку
Стой-Беги.
Тяжелые, в два пуда, сапоги
Серегины,
по кличке Стой-Беги,
мелькали здесь,
а нынче — вона где!..
Он, наш Серега,
словно ерш в воде.
Он, наш Серега,
что щепка в огне.
Еще рассвет не брезжится в окне,
еще в затоне дрыхнут рыбаки,
а он уже с уловом,
Стой-Беги.
Он все летел-спешил,
сюда, туда.
Весь непокой,
как вешняя вода.
Отчаянный,
что стрежень у реки,
Серега
по прозванью Стой-Беги.
Его в деревне звали
Стой-Беги,
а он с войны вернулся
без ноги.
И с той поры повсюду
стар и млад
ему Сергей Петрович
говорят.
Хоть помнят,
особливо старики, —
не без причины был он
Стой-Беги...

На сапогах комками глина –
из боя в бой, и как тут быть! –
от Сталинграда до Берлина
их было некогда помыть.

Вся гимнастерка в пятнах пота
да и в крови –
следы от ран.

Погоны – в них не позолота,
земля всех европейских стран.
«Не на смотре, не на параде, –
шутил, смущенье пряча в ус. –

Коль не убьют, домой вернусь,
приду – такому будут рады».

Вернулся...

В доме половица
скрипела так, как до войны.

Лишь постарела молодница,
лишь очень выросли сыны.

Вернулся,
будто бы с работы.

Жене сказал:

«Готовь обед...»

В седых висках росинки пота,
в глазах остановилось что-то,
чему войной не дан ответ.

БАЛЛАДА О РЖИ

О том попробуй Расскажи:
погиб солдат,
такое дело...
А в вещмешке,
в тряпице белой,
нашелся узелочек ржи.
Обыкновенной русской ржи,
что в поле колосится летом.
Она с бойцом прошла полсвета
от той межи – на рубежи.
И сохранила рук тепло,
и запахи роскошной нивы,
крестьян святое ремесло
ржаные зерна сохранили.
На безымянной высоте,
где вековые камни стыли,
друзья ржаные зерна те
в могилу бережно зарыли.
Не все на веру принимай,
но правду говорят крестьяне:
там, на могиле, каждый май
рожь стебелечки к небу тянет.

ПАМЯТНИК СОЛДАТУ

Он стоит, живой как будто.
Скатка за спиной.
Вот сейчас махнет попутной:
– Подвези, родной!
Громыхает пятитонка,
Но не машет, нет...
Он стоит в краю поселка
столько мирных лет...

ВЕСЛЯНА
(Отрывок из поэмы)

...Русоволоса, в платье легком,
Девчонка шла навстречу мне.
Она нужна,

как воздух легким,
Была вечерней тишине.
Она под горочку спускалась
И исчезала без следа,
Чтоб в синих недрах заплескалась
Живая темная вода.
И всем сердцебиеньем частым
Я знал, парнишка молодой,
Что шла она за нашим счастьем,
Когда ходила за водой.
Летела в платице крылатом,
Звенели ведра под горой...
Я на войну ушел солдатом.
Она – военной медсестрой.
И где-то

над могилой братской
Зажглась звезда в конце пути,
И ей в наш край Коми-Пермяцкий
Теперь дороги не найти.
Весляна под горой струится –
Прямой дорожкой к луне.
Любовь, Аленушка, сестрица,
Не ты ли повстречалась мне?
Как долго ты меня искала,
В крутую горку годы шла,
В пути всю воду расплескала,
Ни капли мне не донесла!
Я отойду,

в сторонку встану.
Пускай, не ведая забот,

Как ты когда-то,
на Весляну
Твоя ровесница идет.
Пусть ветер рвет
с волос косынку
И, словно в давние года,
На ту знакомую тропинку
Из ведер плещется вода.
И в грозной шири океана,
И в малой струйке родника
Я разглядел тебя, Весляна,
Моя таежная река.
Твоим поэтам, плотоведам
Ты вся до капли дорога –
С шугой
и с поздним половодьем,
Когда в тайге сойдут снега,
С пришедшей на берег рябинкой,
С волной, от солнышка рябой,
С твоей стальной голубинкой,
С твоей особинкой любой!
Весляна,
видел я воочью
Твой труд, печаль и торжество.
Не потому ли этой ночью
Так остро чувствовал родство
С леском, лугами по заречью,
Вон с тем усталым косарем,
К которому малыш навстречу
Бежит – рубаха пузырем.
Все дальше с новыми вестями
Течешь, прозрачна и чиста, –
Любовью, родами, смертями
С верхов до устья обжита...

Перевел с коми-пермяцкого В. Радкевич.

Любовь БУТКЕВИЧ

Любовь Алексеевна БУТКЕВИЧ родилась 1 октября 1924 г. в деревне Ведерниково Пермской области.

На фронт призвана 8 марта 1943 г. Старшина медслужбы хирургического полевого подвижного госпиталя, входившего в состав 38-й армии 1-го Украинского фронта. По дорогам войны прошла от Курской дуги через Польшу и Германию до Чехословакии. Домой вернулась в ноябре 1945 г.

Работала в санчасти МВД и на телефонном заводе. Выпустила книгу воспоминаний «Солдаты милосердия», печаталась в сборниках Пермского книжного издательства «Молодой человек», «Бойцы вспоминают», в журнале «Урал».

ШЕЛ СОЛДАТ ЧЕРЕЗ ВОЙНУ

Шла война. И шла весна.
Шли одной дорогой.
Цель была уже ясна —
Потерпеть немного.
По войне четвертый год
К той весне желанной
Шел солдат путем невзгод
К победе долгожданной.
Грохот, скрежет, свист и вой —
Все осточертело!
Шел солдат упрямый, злой,
С сердцем очерствелым.
Далеко оставил дом:
Долг — святое дело!
Вдруг умолк орудий гром,
Лишь в ушах звенело.
Сколько длилась тишина,
Кто бы знал — поведал.
Тут промолвил старшина:
«Братцы, знать, Победа!»

СЕРГЕЮ ПЛАТОВУ,
расписавшемуся на рейхстаге

Был для нас сюрприз приятен.

Впрочем, дело было так:

Пред победой, в сорок пятом,

Предстояло взять рейхстаг.

Фронтowej дорогой длинной,

Что, известно, нелегка,

Шел солдат. Он до Берлина

Путь держал издадека.

Человек обыкновенный,

Оказалось, наш земляк,

И хотел он непременно

Посмотреть — что за рейхстаг.

И скажу я вам, ребята,

Было все не просто так,

Но сбылась мечта солдата:

Вот он — перед ним рейхстаг.

Не в приказе, на бумаге,

Как обратный путь начать,

На поверженном рейхстаге

Ставит подпись, как печать.

А фотографом случайным

Был тот миг запечатлен,

На газетных и журнальных

Он страницах занесен.

Фотография со славой

Облетела шар земной:

«Отзовись-ка, смелый, бравый,

Неизвестный нам герой».

На обложке «Огонька»

Узнают ребята

Бывшего фронтовика:

«Это дядя Платов!»

ПАМЯТЬ (или незабываемое)

Не пришлось нам воевать,
Быть в строю солдатом,
Из винтовок ни стрелять,
Ни бросать гранаты.
Но пришлось поврачевать
В полевых палатках
И фронтовикам подстать
Были в жарких схватках.
Мы войну сполна познали
С беззаботных юных лет —
Пол-Европы прошагали
За армейцами вослед.
Вот и Польша перед нами —
Краков, Кросно, Рыманув —
Все истерзано врагами,
Все и в гари, и в дыму.
И Германия пылала.
«Поделом!» — считали мы.
(Дети бедные страдали —
Взгляды ужаса полны).
Поздно Гитлер убедился
В крахе всех своих идей.
Он позорно отравился,
Избежав суда людей.
Помню, чехи нас встречали
В день такой торжественный —
Всех цветами осыпали,
Слышались приветствия.
А цветов — цветы повсюду
И ликующий народ!
Этих встреч я не забуду,
Пусть полсотни лет пройдет.
Вот она — Победы радость,
Триумфальный марш солдат!

Это нелегко досталось —
Тем и ратный подвиг свят.
«Мир!», «Победа!» и «Спасибо!»
И приветствие «Наздар!».
Все так радостны, счастливы:
Наконец-то МИР настал!

СПАСАЛА ВСЕХ...

Война без крови не бывает.
Враг всех подряд упорно бьет...
Земля, объята простирая,
Людскую кровь без меры пьет.

Вот снова наши наступают.
Упал солдат — ведь не стальной,
Бессильный, кровью истекает,
В глазах кружится шар земной.

Товарищ мой, — страны спаситель —
Ты будешь жить назло врагу.
Я — донор, жизни покровитель —
В беде любому помогу.

Я всех спасу. Совсем неважно:
Грузин, татарин ты иль — брат.
Мне важно то, что ты отважным
В бою был Родины солдат!

ВАЛЬС ПОБЕДЫ

Нам было всем по восемнадцать —
Задорной юности расцвет.
Кружиться б в вальсе, да влюбляться,
Встречать с любимыми рассвет.

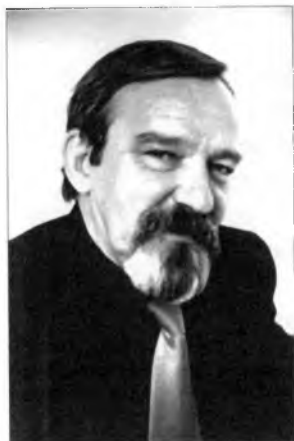
Но мы пошли в военкоматы:
Покой нарушили враги.
Мы взяли в руки автоматы,
Надев из кирзы сапоги.

Не до веселых развлечений —
Все оставляли на потом.
Терпели столько огорчений,
Шагая огненным путем!

Нам так хотелось быстрым маршем
Войну осилить наконец.
И жили верой: с нами — маршал,
А он стратег и наш отец.

И он сказал: — Еще немного,
И час победы наш пробьет.
Сползает зверь в свою берлогу,
Где скоро духом изойдет.

Придет победа — жить спешите.
Сам вам устрою перепляс.
А я сронила: — Приглашаю
На первый вальс лишь только вас!

Александр СТАРОВОЙТОВ

Александр Федорович СТАРОВОЙТОВ родился в 1948 г. в поселке Северный Коммунар Сивинского района Пермской области.

Закончил филологический факультет Пермского пединститута. Работал в органах народного образования, с 1989 г. – директор Пермской областной библиотеки им. А.М. Горького.

Член Союза писателей.

* * *

Мне дедушка в парной
подставил спину:

– Потри... зудит...

Гляжу – на шраме-шрам!

– Откуда столько?

– В сорок пятом...мина...

– И жив остался?

– Иль не видишь сам?

Улегся поудобнее на полке:

– Ты не усердствуй...

тронется металл...

– Какой металл?

– Да минные осколки...

Их доктор наш не все тогда достал.

Не понимаешь? –

Жизнь спасал, не спину...

– Не понимаю.

– Потому что мал...

– Но как бы я сейчас по морде двинул!

– Кому?

– Фашисту, что в тебя стрелял!

* * *

Дядя Федор машет тростью:
– Заходите, братцы, в дом!
Дом хорош, когда в нем гости,
Посидим, чаек попьем...
Мы к нему – как в улей пчелы.
Принимает всех – привык.
Дядя Федор – он веселый,
Да к тому же фронтовик.
О войне он помнит столько! –
Говорит и говорит.
О себе ни слова только –
Дядя Федор-инвалид.
Спросишь – скажет:
– Был в пехоте.
Научился землю рыть...
А чаек вы слабо пьете,
Может, свежий заварить?
Что? Медали? –
Вон медали –
С пиджака глядят на вас.
Их так просто не давали –
Вот и весь мой, братцы, сказ.

* * *

Мы научились жить без доброты.
Да что без доброты! – Без милосердия.
Как будто все сердца из пустоты.
Да что сердца! – У многих и предсердья!
В тенетах непонятной суеты
Наш муравейник круглый
в бездну мчится.
Мы научились жить без доброты,
Сумеем ли когда-то разучиться?..

* * *

Ты помоги, родная, мыслить здраво.
Мне не понять

мужской башкой своей,

Кто и зачем

дает Отчизне право

У женщин забирать их сыновей?

А может быть, она не виновата? —

Святая безысходность,

так сказать,

Поскольку у российского солдата

Всегда была и есть

вторая мать.

* * *

Намотался по тряским дорогам,

Позапутался в судьбах людских,

И не верю ни в черта, ни в бога,

Ни в уютное счастье двоих.

Но, тебя оставляя за дверью,

По ночной отправляясь тропе,

Вновь я в утро счастливое верю,

В светлый лучик в крошечной судьбе.

* * *

Смерть начинается до смерти:

И то — не так, и так — не то...

Живешь не просто в круговерти —

В прелюдии к прыжку в «ничто».

И, может, в эти-то минуты

Спешит родиться та строка,

Которую поэты-плуты

Даруют людям на века...

Геннадий ЕФИМОВ

Родился в 1940 г. Воспитывался в детских домах. Окончив школу и техническое училище, работал сельским киномехаником. Отслужил в армии.

Стихи публиковал в кунгурской газете, а также в пермской областной молодежной газете и в сборнике «Молодой человек».

ПОБЕДА

Она пришла не в сорок пятом —
Ее венцом был этот год.
Она в тот миг пришла к солдатам,
Когда в овчинку небосвод
Увидел их упавший сверстник,
Что первым был в войну убит
И раньше всех из неизвестных
Солдат в земную твердь зарыт.
И сколько эту твердь ни рвали
И ни вздымали в небеса,
И сколько с нею не мешали
Слез, пепла, крови и свинца —
Был шаг Победы неколеблем.
А за чертой фронтов, вдали,
Не находя опоры в небе,
Успокоенья у Земли
Искали женщины. И никли.
И без отцов рожали нас.
Но утверждали наши крики
Победу в тот печальный час.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Повисли ветви низко-низко,
Струясь прохладною листвою
Над этим скорбным обелиском
С пятиконечною звездой.

А от него – раздолье взгляду:
Россия в дымке шахт и нив,
Заводов и плотин громады
И строек новые огни!

...И снова братские могилы
Недавних и далеких войн,
Березы возле них застыли,
Храня бойцов последний сон.

И боль сынов их...
Ведь обратно
Уже не встанут из земли
Отцы, что за людское братство
В могилы братские легли!

Мы замираем перед ними,
Как на посту, –
И так стоим!
Ведь срама мертвые не имут –
За все – ответ держать живым!

БЕРЕЗА

«Во поле береза стояла...»

Ты не спишь между зорями,
Вспоминая в ночи,
Как тебя опозорили
В лютый год палачи.
Не к осине плакучей
Их тропа привела –
И веревка те сучья,
Как змея, обвила.
Петлей шею сдавило.
Край любимый, прости!..
Нет над тою могилой
Ни креста, ни звезды.
Только мечутся пламенем
Твои листья над ней,
Уносимы ветрами,
Словно искры с ветвей.
Здесь мальчишечьи горны
Про героя поют,
Здесь могучие корни
Слезы женские жгут,
Шепчут губы: спасибо...
В алом свете земля.
О Россия, Россия –
Березка моя.

Семен ВАКСМАН

Учился в Московском нефтяном институте им. И.М. Губкина. Работал на Дальнем Востоке, геологом в тресте Перм-нефтегеофизика. Стихи пишет с 1955 г. Печатался в журнале «Дальний Восток».

* * *

Я помню в детстве голос Левитана
В тот самый первый день,
В последний час...
Когда, казалось, в воздухе витала
И обнимала каждого из нас
Победа,
Вдаль простертая, как знамя.
Он смог то слово
Так произнести,
Чтоб и навеки оставалось с нами
На дне его сокрытое «прости»,
Чтоб в голосе уральского металла,
Звеневшим тою сталью листовой,
Армия Рыбалко грохотала
Танками по пражской мостовой.
И в дальнем громе отозвалось тихо:
— Толбухин, Рокоссовский, Баграмян...
И колокол —
Гастелло, Талалихин —
Крыло в крыло идущих на таран...
И диктор всем казался великаном!
Он был обыкновенный человек,
И, говорят, стеснялся телекамер.
С годами его голос чуть померк.
Он по привычке поднимался рано,
Впрягался в круглосуточный «Маяк»...
И сын мой сыну своему
Да скажет так:
Я помню в детстве
Голос Левитана.

Владимир МАЙОРОВ

В послевоенные годы в периодической прессе Перми нередко можно было встретить немногословные запоминающиеся стихи за подписью В. Майоров. Все они автобиографичны. Некоторые из них вошли в литературно-художественные сборники «Молодой человек» и дошли до сегодняшнего дня как свидетели жизни человека суровой судьбы.

Я ПОРОХА НЕ НЮХАЛ

Нет,
Я пороха не нюхал.
Отец убит в сорок втором,
А я, малыш с раздутым брюхом,
Тогда лишь ползал под столом.
Да!
Я пороха не нюхал,
Хоть кровь лилась народная...
Мне в рот последнюю краюху
Совала мать голодная.
Я пороха не нюхал,
Да!
Но чтоб угрозами морочили?
Не выйдет больше, господа!
Историей
Мы
Ворочаем!

МЫ

Жили мы
обыкновенно,
Любили
и были сильными.
Мы реки
вздували венами,
Рельсы
тянули жилами.
Про нас говорили:
«Творят чудеса!»
Но как бы ни мерили,
Мы в дело
Верили,
и, веря в себя,
Мы в чудеса не верили!

* * *

Отлынивать
мне не пристало:
В работе
себя
не щадя,
Знаю,
если устал я, —
День
прожит
не зря!

ГЕОЛОГ

Плюется

вьюга

в ярости,

Ревет,

как сто чертей.

Разбитый от усталости,

Продрогший до костей,

Иду тайгой завьюженной

С трудом,

за шагом шаг.

Бьет по спине натруженной

Нагруженный рюкзак.

Вот шаг,

еще движение...

Земля качнулась,

рухнула.

Валюсь в изнеможении

В сугроба мякоть пухлую.

Хохочет вьюга,

тешится.

Спешит похоронить,

А я кричу ей в бешенстве,

Что этому не быть!

Не быть!

Не сдамся!

Устою!

Встаю —

земля шатается,

Но чувствую,

да, чувствую,

Что вьюга

выдыхается!

Владимир РАДКЕВИЧ

Владимир Ильич РАДКЕВИЧ родился в 1927 г. в городе Белом Смоленской области. В 1941 г. был эвакуирован в Башкирию. В 1949 г. окончил Пермский госуниверситет. Работал инспектором отдела культуры облисполкома, заведующим сельским клубом, журналистом.

Автор сборников «Добрый путь», «Просека к солнцу», «Камский мост», «Стихи разных лет», «Уральская лирика» и многих других.

Член Союза писателей с 1959 г.

Ушел из жизни 7 июня 1987 г.

ОТ НАС УХОДЯТ СТАРШИЕ

Памяти К.В. Рождественской

От нас

уходят старшие,
безвременно почившие —
частицей нашей

ставшие,
работать нас учившие.
Их сердце остановится,
а нам —

трудней становится
без очень нежной
хмурости,
без очень нужной
мудрости.

И все-таки
 прислушайся:
Земля, как прежде,
 вертится.
В их светлое присутствие
мне почему-то
 верится.
Не верю
 слуху вздорному,
что вот — пришел конец.
Нет, просто сердце взорвано
на тысячи сердец,
и новые
 галактики
от взрыва образуются.
И это —
 в их характере,
в посмертной
 их разумности,
Что сделано —
 не рушится.
И крепнет
 в нас самих
честное содружество
мертвых и живых.

МОЛОДЫЕ СОЛДАТЫ

Клятву выполнив свято,
годы, годы подряд
Молодые солдаты
в чистом поле лежат.
Смолкнул танковый скрежет,
и вокруг тишина.
А для них, как и прежде,
полыхает война.
И солдаты остались
в этой огненной мгле,
Навсегда окопались в родимой земле...
Встаньте,
Гляньте же снова на простор голубой!
Ведь Победа давно вам
протрубила отбой.
Бродит брага в бочонках,
набухает зерно.
Дома в отчей сторонке
ждет вас хлеб и вино.
Ждет осенняя пажить,
кузня в дальнем селе.
Но свинцовая тяжесть
придавила к земле.
...Журавлиные стаи
да небес синева.
Из костей прорастает
молодая трава,
И в ржаной позолоте,
и в пылице полевой —
Вы встаете,
встаете
для жизни живой.
Вот как крепко сродниться
вы с землею смогли! —
Сами стали частицей
нашей русской земли...

СТУДЕНТЫ 41-го ГОДА

Мы — земля, мы — трава,
мы — глаза незабудок и льна,
В чистом поле березы над нами,
как сестры, нагнулись...
На суровую практику нас посылала война,
Мы с войны до сих пор не вернулись.
Мы — в дождях, мы — в слезах материнских
заплаканных глаз,
Мы — простой обелиск,
что над братской могилою замер.
Но мы просим:
считайте поныне студентами нас,
Мы сдавали России
последний нелегкий экзамен!
Пусть останется в памяти каждый
и весел, и юн,
Как в то время,
когда из студенческих песен и сессий
Вырвал нас навсегда этот год 41-й, июнь,
И поставил пред выбором новых,
военных профессий.
Ваша юность — другая.
И в песнях другие слова.
И меж нами иные не видят
ни капельки сходства.
Но мы в жизнь вашу входим
по честному праву родства.
Или, если хотите,
по строгим правам первородства.
Ах, какие дожди над осенней Россией опять!
Тихо падают капли
с ветвей наклоненной березы.
Словно плачет над нами Россия,
как старая мать, —
Сколько лет все не выплачет
те материнские слезы...

БАЛЛАДА О БАНКЕ ВАРЕНЬЯ

Зачем ты, война,
у мальчишек их детство украла —
И синее небо, и запах простого цветка?
Пришли на заводы
работать
мальчишки Урала,
Подставили ящики, чтобы достать до станка.
И вот неподкупной зимою военного года,
Когда занимался над Камой холодный рассвет,
Собрал самых лучших рабочих
директор завода,
А было рабочим —
всего по четырнадцать лет.
В усталые лица глядело суровое время,
Но каждый в себе
довоенное детство нашел,
Как только рабочую премию —
банку варенья —
Перед ними, мальчишками,
кто-то поставил на стол.
И вот над заводом,
над лесом, в снегу задремавшим,
Среди подступившей внезапно к сердцам
тишины,
Повеяло чем-то давно позабытым,
домашним,
Как будто бы не было больше на свете войны.
...Ах, банка варенья,
простое и верное средство
Напомнить о том,
что, как жизнь у людей ни горька,
Но будет еще у мальчишек
и солнце, и детство,
И синее небо, и запах простого цветка!

ОДНОРУКИЙ ПЕЧНИК

Махры не просыпав ни крошки,
Он ловко сигарку свернул.

— А ну,

поработай немножко! —

Андрюшке, меньшому, кивнул.

У сына отцовская хватка,
Такой же раздумчивый взгляд,
По-мастерски держит лопатку,
Ровняет, как в ниточку, ряд.

Но, чувствуя важность событий,
Дыханье отца за спиной,
Он хвастает:

— Батя, смотрите,

Как вы, я умею... одной!

«Рука у тебя золотая», —

Отцу говорят мужики.

Эх, как же ему не хватает

Зарытой под Ржевом руки!

В мозолях, из мяса и кожи,

Живую — еще бы одну!

Чтоб в клубе похлопать в ладоши,

Обнять, да покрепче, жену.

...Щекою к шинели припала,

Смеялась, ревела ревмя...

— Ты вот что, Андрюша, — не балуй.

Работать сподручней

двумя!

Ефрем АКУЛОВ*

Ефрем Фотеевич АКУЛОВ родился 20 мая 1926 г. в деревне Жуланы Еловского района Пермской области. С начала войны – тракторист в родном колхозе. 13 ноября 1943 г. был призван в Окружную школу отличных стрелков снайперской подготовки при Уральском военном округе, которую закончил с отличием. На фронте – снайпер. Имеет ранения, награды. В сентябре 1950 г. демобилизован.

С ноября 1950 г. в Перми. Многостаночник завода им. В.И. Ленина.

Лауреат Государственной премии СССР. Лауреат областной журналистской премии им. А. Гайдара.

Свое первое стихотворение опубликовал в дивизионной газете «Гвардеец» 1 февраля 1947 г. Издал два сборника – «Своими словами» и «На исходе века».

* * *

Прости-прощай,
отцовский край родимый,
Печаль и радость выпил я до дна.
Прощай, земля
в тоске неодолимой, –
В моих глазах –
сплошная пелена.
Так тяжело.
На сердце нет покоя,
В груди тоска
бездомным псом скулит,
Как будто только вышел я из боя,
Где все мои погодки полегли.

* Подборка стихов с рабочего стола автора.

Как с неба гром, депеша на отца –
Убит под Ельней, где и похоронен.
Читала мама с ужасом в глазах
И утопала в поднебесном звоне.

Вдруг безнадежно рухнула она,
И на полу подранком-птицей билась.
Ревели сестры, где-то шла война,
А в нашем доме жизнь остановилась.

Шагнули молча с братом от крыльца,
Как будто были в чем-то виноваты.
Он – оставался дома за отца,
Я уходил принять судьбу солдата.

Нет, я с судьбой своей не разойдусь,
Она за мной крадется светотенью.
По дням былым забвенья я страшусь,
Страшусь не смерти лютой,
а – забвенья.

ДОЛГ

Друг мой милый, сядем рядом,
Память сердцу дорога.
Ты в войну точил снаряды,
Я – свинцом разил врага.

Был солдатом я по званью.
И в походах, и в бою,
Через дали расстояний
Руку чувствовал твою.

Мне она была опорой,
Лютым недругам назло.
Время, время – поезд скорый
Далеко нас унесло.

Но не с краю наши хаты,
Не страшись, иди вперед.
Мы – родной страны солдаты
И хозяйева ее.

И сегодня ради жизни
Долг исполним до конца.
Арсенал родной Отчизны –
Наши верные сердца.

МАРШАЛ ПОБЕДЫ

Борису Валентиновичу Ширшову

Когда на сердце слезы закипают
От горьких слез и мелочных обид,
Я мемуары Жукова читаю
И он со мной о жизни говорит.
Велик и прост. И речь его речиста.
Высоких дум живой и резвый строй,
Как ручеек по камушкам струится,
Своею зачарованный игрой.
Не раз меня он спас от мыслей бранных,
Живу во власти сказочных надежд.
Он с нами был в баталиях военных,
Когда мы брали Наревский рубеж.
Мы шли в огонь, и страх нам был неведом,
В нас зрел накал и таял страха лед.
Мы верили: где Жуков – там Победа,
Там лютый враг поверженным падет.
Теперь долдонят: «Жуков – не мессия,
Сам на огне неистовом горит».
А он и ныне, верный сын России,
О нашем долге с нами говорит.
Он среди нас и наших обелисков.
Он был и есть у самых главных дел.
Он спас Планету от чумы фашистской,
А сам от зла укрыться не сумел.
И кружит воронье, и тьявкают шакалы,
Спешат над Русью шабаш завершить.
Но даже в святотатстве небывалом
Жив Жуков наш и вечно будет жить!
Душою чист, в полете мыслей – светел,
Он никому за прошлое не мстит.
Идет бессмертный Маршал по Планете,
Над ним кумач победный шелестит!

ИСПОВЕДЬ ФРОНТОВИКА

Ивану Александровичу Якунцову

Идут к закату наши дни и годы.
Все чаще сердце просит: «Пощади!»
Да, мы из тех, кто вынес все невзгоды,
В чьих жилах сталь растворена в крови.
Проходят годы по забытым тропам,
По нашим рубежам и по сердцам.
Тогда на нас молилась вся Европа
И предрекала смерть фашистским псам.
И мы фашизму принесли крушение
На остриях испытанных штыков...
Бойцов, кто пал, безмолвное прощенье
Не покидает нас, фронтовиков.
Не страховались мы от лютой смерти,
Нас можно было сжечь или убить.
Старуха-смерть в железной круговерти
Одних взяла, другим велела жить.
Своею кровью мы тушили пламя
С надеждой — мир и счастье обрести.
Побед и скорби долгой наше Знамя
В ветрах тоски поныне шелестит.
Все вынесли — нужду, страданья, войны,
Своих пройдох и подлости, и лесть.
Мы честно жили, кончим жить достойно,
Не посраим земли отцовской честь.
Какие б ветры нам в лицо ни дули,
Любой накат готовы мы принять:
От поцелуя женского до пули...
Мы поклялись в душе — не отступать.
Мы, Родина, с тобой. Вот — наши руки!
Мы — воины и пахари твои.
Благослови на радости и муки,
На черный труд и смертные бои.

Былой покой теперь немногим снится,
Бедя пришла к нам мягкою стопой.
Теперь лишь олух может веселиться,
Искать душе безоблачный покой.
Все тот же враг пришел по наши души,
Что в грозных битвах одолеть нас мог.
Преступно жить, спокойствие не руша,
Когда земля уходит из-под ног.
Друзья мои! Во все глаза смотрите,
У всяких бед – коварный почерк свой.
Теперь мы все живем на динамите,
Дамоклов меч – над каждой головой.
Судить готов я и судом суровым
Всех, кто укрылся шляпой от идей.
Один за всех нас смерть принять готовый,
Другой – жалеет вздоха для людей.
В средневековые дверь для нас открыта,
Где все для низложения нас есть.
Поднимемся ли глыбой монолита,
Чтоб защитить страну свою и честь?
С крутых небес не канет к нам подмога,
Чтоб укротить беспамятных и злых.
Стучится в дверь к нам жуткая тревога,
Но бьет баклуши совесть у живых.

* * *

Шла война, все сметая, крушила
И со многими счеты свела:
Одних в землю навек положила,
А других до рожденья взяла.

Мы в работе себя не щадили,
Научились под ношей терпеть.
Хлеба чистого вкус позабыли,
Разучились смеяться и петь.

А война по России гремела,
Разрушала дворцы и дома.
Пол-Европы разрушить успела
И в Берлине загнула сама.

* * *

Я не в силах забыть
тех героических ребят.
Что ты, память, со мной сотворила?
Предо мною они на поверке стоят,
Уступили могилы громилам.
И моя там дорога прерваться могла.
Все отведал: свинца и тротила...
Может, мамина жалость
меня сберегла,
Может, пуля стрелка пощадила?
Тем, кто в храмы идет
честь погибшим отдать,
Тем, кто носит цветы к обелискам,
Благ великих земных им спешу пожелать,
До земли поклоняюсь им низко.

СКОРБЯЩАЯ

И день, и ночь вдова солдата
Стоит у воинских могил.
За что ее наш век двадцатый
Судьбой жестокой наградил?

Стоит она под небом синим.
Как память горькая войны:
Черты измученной России
В ее чертах воплощены.

Детей своих похоронила
И мужа не смогла сберечь.
Они погибли. Их могилы
Судьбою суждено стеречь.

Чета берез в прозрачной тени
С листвы росой ее кропит.
Несут цветы ей в день весенний...
Склонив главу, она скорбит.

Идут дожди, метели свищут.
Но ни в мороз и ни в пургу
Она укрытия не ищет.
Уйти не хочет к очагу.

Никто сменить ее не в силах.
Над ней проносятся года.
Как дань бесценная России, –
Над ней – полночная звезда.

Как видно, час ее не пробит.
Все ловит бранных битв грома...
Она от воинских надгробий
Уйдет в бессмертие сама.

128

С Октябрьских дней

коварный спрут-нувориш

Пророчит нам на дно морское лечь.

Когда ж ты, Русь, судьбу свою оспоришь,

Решишься спруту щупальца отсечь?

УБЕРЕГИТЕ РОДИНУ СВОЮ!

Листаю свои школьные страницы

Минувших дней мальчишеской весны...

Нас позвала страна с врагами биться,

И стали мы солдатами войны.

Как все бойцы военного призыва,

Мы шли в огонь с отцами наравне,

Стояли в центре каждого прорыва

На кораблях и танках – на броне.

Нас в клочья рвали бомбы и снаряды,

Огонь кинжальный резал наповал,

Но жили мы. И смерть искала гадов –

В ответ гремел наш взвихренный металл.

За отчий край наш были мы в ответе,

За честь страны, за славный наш народ.

Кто мог предположить, что нашим детям

Ишачить доведется на господ?

Мы головы свои склоняем низко

Над павшими, что сгинули в бою

И заклинаем вас у обелисков:

Уберегите Родину свою!

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты...

Расул Гамзатов

Клин журавлей летит, и даль сквозная
Волнуется в бездонной тишине.
Они летят и сверху окликают
Всех тех из нас, кто выжил на войне.

Их клик печальный наши души будит,
И возвращает в юность матерей.
Известно им, что нынче гибнут люди
Не только под обстрелом батарей.

Они, как будто, видят все и знают,
Взгляд от земли не в силах отвести.
Нас из тревожной выси призывают
Встать на крыло и Родину спасти.

Тревожно сердцу. Боль в душе вскипает,
Седая память горечью пылит.
Страна моя бесславье пожинает,
О прошлом безутешная скорбит.

В крови, в огне исходит на коленях
Перед врагом с протянутой рукой.
Гробы, гробы – бесславье поколенья –
Везут с Кавказа на родной покой.

Неужто срок всей жизни нашей вышел?
Ты осознать все это, друг, сумей.
Мне кажется: не журавлей я слышу,
А плач России – Родины моей.

* * *

Из дальних мест в края родные,
Сдается мне, короче путь.
Я слышу Камы позывные,
Легко вздымающие грудь.
Здесь предо мной лежит упрямо
Во всем величьи город наш:
Проспекты, парки, берег Камы,
Сосновый бор, веселый пляж,
Дворцы и трубы заводские,
Мои друзья, мой теплый дом,
Потоки шумные людские
И Ленин в сквере городском.
Ликуй и здравствуй, заводская,
С душой распаханною, Пермь —
Моей державы мастерская,
Урала Западного твердь!
В дыму, в огнях электросварок
Мне дорог ритм рабочий твой.
Твой каждый день —
 стране подарок
Когорты нашей трудовой.
Я чту тебя! От дня рожденья
Одной мы связаны судьбой.
Высокой волей, вдохновеньем —
Единой плавки мы с тобой!
Мне по душе твой нрав суровый,
И повторять готов я вновь:
Лишь под твоим надежным кровом
Живет вселенская любовь!

Геннадий СЕМЕНОВ

Геннадий Федорович СЕМЕНОВ родился в 1918 г. в деревне Россия-Носкова Курганской области. Рано остался без родителей. Бедствовал, голодал, мерз, не находя приюта. Товарищ по несчастью уговорил поехать вместе в Свердловск, к близким родственникам его родителей. Здесь Геннадий окончил семь классов.

В 1937 г. приехал в Пермь и устроился работать на речной пароход. А осенью перешел в завод авиастроителей и остался здесь на всю жизнь – так прикипел к станку, к верстаку, к своей рабочей бригаде. Размышления о жизни рождали стихи.

Ушел из жизни в 2003 г.

* * *

А мне запомнилась война
Не по военной обстановке,
А тем, как лихо пацана
Наш бригадир лупил в кладовке.
Во гневе волю дав рукам,
Когда не справился советом,
Хлестал парнишку по щекам
И приговаривал при этом:
– Совсем изнежился, щенок!
Как в доме отдыха, видали?!
Сейчас же станешь за станок
И срочно сделаешь детали!

И вдруг осекся, потный лоб
Ладонью вытер виновато,
Потом мальчика в охапку сгреб,
Прижал к груди его, как брата.
И... я принес вам эти дни –
Картинку чистого былого...
Обнявшись, плакали они –
Солдаты фронта трудового.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Молодые, ладные,
Еще до женихов,
Уходили в армию
Прямо из цехов.
– Веселей, безусые!
Есть приказ: вперед!
В бой за землю русскую
Посылал завод.
В небе тучи клочьями,
Дыбом твердь земли.
Честь свою рабочую
Парни сберегли...
Караулы замерли,
В трауре страна.
На уральском мраморе
Живут их имена.
Идем со смены вечером –
На миг замедлим шаг.
Героям – память вечная
И слава им в веках!

РАБОТА

*Памяти членов фронтовой
бригады им. Н. Гастелло*

К молоту рука прикипела.

Дело!

Рубашка прилипла к телу.

Дело!

Бригада с утра не ела.

Дело!

Дело!

Дело!

От Черного моря до Белого

Страна моя дело делала.

Огромный грохочущий цех –

Работы хватало на всех.

Трудно? Сожмись в кулак.

Устал? Покажи натуру!..

Падали на верстак,

Как будто на амбразуру.

* * *

Никто не придумает правил.

Никто не наметит нам срок.

Ищи себя там, где оставил,

Где сладить с собою не смог.

Бессилен и вождь и мессия.

На нас этот держится дом.

Не просто народ – мы Россия,

А все остальное потом.

* * *

Умирал солдат, после войны,
Полсотни лет спустя, в постели...
Его друзья с задымленной стены
С желтых фотокарточек смотрели.
И яблоня была тогда в цвету,
И широко весну катили реки...
— А все ж мы взяли эту высоту! —
Сказал солдат и замолчал навеки.

* * *

Я на погибших слез не трачу —
Они оплаканы давно.
О нерожденных детях плачу —
Убитых загодя войной.
Земля качнулась бы от стонов,
Коль знала б истину она.
Да разве двадцать миллионов
Убила прошлая война?
Она и ныне все гуляет,
И не унять ее страстей.
Сейчас уж внуков убивает
У неродившихся детей.

* * *

Мы все войной опалены.
Одни еще дымят, другие уж потухли.
А трети на виду у всей земли
Перебирают остывающие угли,
Все ищут чью-то там вину.
Ее где не было, и там ведь ищут...
И превращают всю страну
В покинутое Богом пепелище.

ДОЧЕРИ РОССИИ

Р.П. Путинцевой,

Е.А. Соколовой

Уходили девчонки в армию
В восемнадцать неполных лет.
И представьте себе, как парни, мы
Им глядели тогда вослед!

Мы глядели с тревогой и завистью,
Стыд не скроешь – в глазах у всех.
Было нам от вокзала тягостно
Возвращаться обратно в цех.

И стоять за станком, под крышею,
Не берет где ни дождь, ни мороз.
Еще долго, ой долго, слышали
По-над Камою стук колес.

Привыкали девчонки в армии,
Фронтная судьба вела.
А над лесом уральским, Пармою
Песня девичья все плыла.

В цех врывалась она с закатами,
На рассвете будила нас...
И старались мы быть солдатами –
Это знает рабочий класс.

Да, в чумазах спецовках воины!
Да, геройски глаза горят!..
А хотелось нам быть достойными
Вас, ушедших на фронт девчат.

РОДИНЕ

Знамена, знамена, знамена...
Ликуя, смеясь и трубя,
Вспомни, Родина, поименно
Всех, кто погиб за тебя.

Тех, кто на поле брани,
И тех, в тоске и страхе
В городе Магадане
Или на черной плахе.

Вспомни их в этот праздник,
Не хмурия своих бровей.
Сколько их было, прекрасных
Русых твоих сыновей!

Славе совсем не известных,
Ушедших в свинцовую замять.
Если не можешь песней,
То вспомни, как мать, слезами...

БРИГАДИРЫ

В истории рыться не надо.
Правило это живет:
Гражданское слово «бригада»
Звучит как военное «взвод».
На фронте взводов командиры
Героев вели за собой,
А в наших цехах бригадиры
Друзей поднимали на бой.
Проходят, сменяются годы,
По-новому выглядит мир,
Но так же, как прежде, заводу
Ты славу куешь, бригадир.
Ты в самой и гуще, и буче.
Мораль и сложна, и проста:
К победе приводит не случай,
А четкий бригадный устав.
Умельцы! Трудяги! Задиры!
Простой хлопотливый народ.
Ударных взводов командиры,
Ведите бригады вперед!

БОГАТЫРИ

*А. Беклемишеву,
А. Медведеву*

Хвала тебе, пихтовая хвоя!
От юных дней тебе мое спасибо!
Поземка сизая мела,
Метель за цехом голосила.
Как будто полчища врагов,
Зима сильней кольцо сжимала.
В такие ночи у станков
Нас и клонило, и качало.
Слабели руки у ребят,
И от надсады ныли спины.
Пихтовый пили мы экстракт
По предписанью медицины.
Едва ль мы верили врачам,
Мы в средство верили простое:
Чтоб голод в брюхе не урчал,
Глуши, братва, его настоем.
И веселели враз глаза,
Улыбки с губ, глядишь, срывались —
Родные русские леса
В худых, ершистых нас вливались.
Вливалось солнце, хмель зари,
И знойный день, и вечер синий.
И шли к станкам богатыри —
Надежда матушки-России.

ПАМЯТЬ

Память — не камень на дне колодца.
Память, как пламя, бушует в нас.
Паня Поморцева,
О тебе начинаю рассказ.
Время, дай мне слова подходящие,
Помоги мне суметь и успеть,
Руки ее работающие
На республику всю воспеть.
Чтоб по всей по земле-громадине
Звуки песенные лились,
Чтоб мозоли твои и ссадины
Бриллиантами вдруг зажглись.
Бриллиантами, может, не к чему?
Непривычные мы к пустякам.
Просто стало чтоб чуточку легче им,
Работающим твоим рукам.
Чтобы сердце упрямей токало,
Чтоб не гирей ложился год,
О великом таланте токаря
Чтоб узнал весь честной народ.
Пусть он вспомнит о ней на празднике
За веселым столом обеда.
Из таких вот, из нас, из маленьких,
Вырастала тогда Победа.
Мы служили как надо Родине,
И сопутствовал нам успех...
Ничего, что остались без ордена...
Не хватает наград на всех.

ПОБЕДА

У прошлого облик суровый.
А ты одного не забудь:
Победа – короткое слово,
Но длинен к победе был путь.
Мы шли к ней ни много, ни мало,
А сколько нас совесть вела.
Испанское небо пылало,
Сгущалась фашистская мгла.
И мир безнадежно расколот,
Зиял неприкрытостью ран.
Алели пески Халхин-Гола,
Кровавил геройский Хасан.
Ботинок подкованных топот
На плацах Берлина гремел.
Все ниже склонялась Европа,
Все уже свободы предел.
Но прежде чем поле сражений
Собрало несметную рать,
Народа российского гений
Науку творил побеждать.
Основа была той науки –
Не прятать от ветра лица,
Не прятать от трудностей руки,
Не прятать от болей сердца!
Страна просыпалась рано,
Задолго до солнца и рос.
В шахту спускался Стаханов,
И поезд свой вел Кривонос.
Росла наша мощь год от года,
Чтоб сбить с них арийскую спесь,
И в этом родного завода
Заслуга немалая есть.
Мы были на подвиги скоры,
Вело нас сознание и честь.
Вливалась в стальные моторы
Звонкость рабочих сердец.
Народные слезы и беды
Вдруг силою стали земной,
И алое Знамя Победы
Как солнце взошло над землей.

Евгения ТРУТНЕВА

Евгения Федоровна ТРУТНЕВА родилась 4 декабря 1884 г. в Перми. В 1904 г. окончила гимназию и поступила на службу в управление Пермской железной дороги. С 1931 г. работала в библиотеке Пермского педагогического института, с 1939 по 1946г. — лаборанткой на кафедре. Первые стихи опубликованы в 1936 г. Член Союза писателей с 1943 г. Ее стихи издавались не только в Перми, но и в Москве, причем большими тиражами. Только-только прогремел салют, возвестивший миру о Победе, а Е.Ф. Трутнева первой из прикамских поэтов уже написала стихотворение об этом великом событии.

Ушла из жизни 23 апреля 1959 г.

ПОБЕДА

Солнце в трубу золотую трубит:

«Слава герою-бойцу!

Враг побежден, уничтожен, разбит,

Слава герою бойцу!»

«С врагами я бьюсь, — говорит

боец,

На это и жизни не жаль,

Но меч для меня ковал кузнец,

Крепка закаленная сталь!»

«Я выковал меч, — кузнец говорит, —

Он жаром на солнце горит,

Но сталь добывал из руды и огня

Мой брат-сталевар для меня!»

«Конечно, — сказал сталевар, —

металл

Я сам из руды достал,

Но в темные недра Уральских гор

Спускался не я, а шахтер!»

Шахтер отвечает: «Я добыл руду,
Забой у меня каменист,
Но я по стране поездов не веду, —
Привозит руду машинист!»

«Я езжу, — сказал машинист, —
по стране

Во все города и концы!
Но хлеб добывают и вам, и мне
Родные наши жнецы!»

«Да, это верно, я всех кормлю, —
Сказал машинисту жнец, —
Но землю, которую я люблю,
Сберег для меня боец!»

Александр ГРЕБЕНКИН

Александр Алексеевич ГРЕБЕНКИН родился 14 июня 1940 г. в деревне Верхняя Талица Удмуртии. В 1961 г. окончил Пермское речное училище, а в 1967 – Пермский политехнический институт. С 1967 по 1991 г. работал на пермских заводах: им. В. И. Ленина и «Машиностроитель». За труд поощрен медалью «Ветеран труда».

В 16 лет опубликовал в газете свое первое стихотворение.

Активно участвует в общественной жизни области, является членом Правлений отделения российского. Фонда мира, Областного Фонда культуры и Областного совета ВООПИК. Член Союза писателей с 1985 г.

* * *

На Урал, минуя перегоны,
Через всю Россию,
 в край лесной,
Каждый день печальные вагоны
Приходили в город тыловой.
Привозили боль, надежды,
 стоны
Через уцелевшие мосты.
И зияли на боках зеленых,
Словно раны,
 красные кресты...
И уже не в Бресте –
 на Урале
Шли солдаты
 в свой последний бой.
Их в палатах пули догоняли,
Что летели вслед с передовой...

ВЕТЕРАНУ

Незабываемые годы:
Из боя в бой, из боя в бой.
Прошел ты сквозь огни и воды
В своей шинели фронтовой.

Она тебе не терла шеи,
Ты был уверен твердо в том,
Что все равно воды из Шпрее
Черпнешь солдатским котелком.

С боями прошагал полсвета,
Пришел с Победою домой.
И до сих пор минует лето
В душе, обугленной войной.

И не берет солдата старость...
Как жаль – мы поздно узнаем:
Жизнь долгой в юности казалась,
Теперь короче с каждым днем.

И на асфальте проступают
Травинок первые ростки.
Уже на пятки наступают
Тебе твои ученики.

Им тоже нелегко порою.
Ты их в дороге поддержи!
И научи, как надо с бою
Брать в жарких схватках рубежи.

PHOTO

Я смотрю на старенькое фото:
Шпорами коня разгорячив,
Старший брат с лихого поворота
На скаку ворвался в объектив.
До сих пор никак я не поверю,
Что в бою под Ельнею сражен.
Если кто-то постучится в двери,
Кажется, что постучался он.
Только знаю – этого не будет,
Не вернутся павшие домой.
Но случись война –

меня разбудит

Он своей простреленной трубой.
Что ни год, я — старше,
он — все тот же.

Видно, время брата не берет...

Я смотрю на фото, и тревожит
На губах застывшее —

«Вперед!»

ВОЕННАЯ ХРОНИКА

Старый конь, шагая неторопко,
По деревне розвальни волок.
Были в них – железная коробка
И покрытый инеем движок.
Значит, снова в деревенском клубе
Застрекочет старый аппарат.
И опять настойчивые трубы
Позовут в сражение солдат.
И опять в краю чужом и дальнем,
Ожиданьям бабьим вопреки,
Будут снова под огнем кинжальным
Прижиматься к травам мужики...
Снова терпеливые солдатики
Завздыхают горько в тишине:
– Что с моим-то?
– Все ли там в порядке?
– Тяжко им, родимым, на войне!
Мать придет голодной и усталой.
Я прижмусь доверчиво к плечу.
Только о картине ей, пожалуй,
Не скажу ни слова.
Промолчу!

ЗВЕЗДОЧКА

Войну закончив под Берлином,
Отец вернулся весь седой.
И мне на память подарил он
Пилотку с красною звездой.

Ту звездочку хранил я свято
В коробке из-под папирос...
Прошли года...
Я стал солдатом,
Я сыну звездочку принес.

Сын рад был звездочке безмерно.
А дед вдруг сделался грустней:
В тот миг припомнил он,
наверно,
Своих отчаянных друзей.

Наверно, в годы фронтовые
Увел его глубокий след,
Туда, где все они – живые,
И всем –
по девятнадцать лет.

ДЯДЯ ЛЕША

На дворе метет пороша,
Плачет вдовушкой навзрыд.
Развеселый дядя Леша
С фотографии глядит.

В гимнастерке с кубарями,
Сбив пилотку набекрень,
Он живет, как прежде, с нами
И смеется целый день.

С затемненного вокзала,
В грозовую тишину,
Тетя Оля провожала
Дядю Лешу на войну.

И над низеньким перроном
Паровоз пары пускал.
– По вагонам!
– По вагонам! –
Старшина седой кричал.

И тотчас за ротой рота
Разместились в свой вагон.
И за дальним поворотом
Канул в Вечность эшелон...

На дворе метет пороша,
Плачет вдовушкой навзрыд.
Развеселый дядя Леша
С фотографии глядит.

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Прошла она дорогою кровавой
Под пулями до радостного дня.
Спасибо ей за то, что под Варшавой
Спасла от безотцовщины меня.

Я до земли готов ей поклониться.
Пускай давно окончилась война,
Но до сих пор работает в больнице
Сестрою милосердия она.

Пока еще не вспахана граница,
И слышатся солдатские шаги, —
К ней по ночам война в окно стучится,
Зовет ее:
— Сестрица, помоги!

ПРОВОДЫ

Лошадей поставив под березки —
Под густую лиственную тень,
На перроне бабы и подростки
Собрались из дальних деревень.

На дорогу в узелках продукты:
Соль, картошка и последний хлеб...
Ликовал победно репродуктор:
«Наши взяли город Кингисепп».

Город взят...
А сколько их не взято?
Сколько минных замерло полей?
И опять,
 опять,
 опять в солдаты
Провожают бабы сыновей.

ЕГОР

Егор домой вернулся
 в сорок пятом,
Обиженный судьбою
 на войне:
Он на пригорке,
 бомбами распятом,
Оставил ноги
 в дальней стороне.
Участок приусадебный нарезан.
Живи, солдат,
 наперекор всему...
Потом Егору сделали протезы
И новый дом построили ему.
Покрыли крышу
 цинковым железом,
Вокруг двора поставили забор...
И постепенно
 к кожаным протезам
Привык колхозный
 пасечник Егор.
И жизнь идет
 уверенно и споро.
Давным-давно
 он вынынчил внучат.
Все хорошо,
 да только у Егора
Всегда к ненастью
 ноженьки болят.

* * *

Не ради дани лживой моде,
Став лишним в собственной стране,
Старик в подземном переходе
Пел под гармошку о войне.

Стояли люди онемело,
Слова жгли душу, как огонь.
И горько плакала и пела
О черной долюшке гармонь.

* * *

Военный хлеб...
Он был колюч и черен.
И горьковат —
от слез и лебеды.
Тогда я был
совсем еще мальчонка,
Но мне
военной не забыть беды.
Воспоминаний
горькие страницы
Не потускнеют
в памяти моей.
Мне до сих пор
моя сестренка снится,
Как будто лишь вчера
протился с ней.
Пусть никогда
не встречу я сестренку,
Но вижу я ясней
день ото дня:
Лежит она и,
протянув ручонки,
Все просит, просит
хлеба у меня.

ИЗГОЙ

Был человек, а стал – изгой:
Стоит с протянутой рукой
У гастронома инвалид.
Власть потеряла всякий стыд.
Жизнь нищего, как страшный сон.
Он весь, как выжатый лимон.
Нет ни жены и ни детей, –
Один, как перст, в судьбе своей.
Сын старика в Чечне убит.
Жена на кладбище лежит.
И бывшему фронтовику,
Хлебнул он горя на веку,
Власть стала нынче корнем зла –
Его раздела догола.
В худом кармане ни гроша,
Скорбит усталая душа.
Печален стариковский взгляд,
Он сам себе теперь не рад.
Жизнь беспросветную влача,
Сгорает тихо, как свеча.

* * *

Такое позабудется едва ли,
Я этот день запомнил до конца:
На всю страну звучало – умер Сталин,
В котором люди видели отца.
В слезах стояли женщины и дети.
Плыл над страной
 часов кремлевских звон.
Поверить не могли мы вести этой,
Что навсегда людей покинул он.

И пусть горчит полынью эта дата,
Но к нам вернется правды торжество:
Великую Победу в сорок пятом
Мы одержали с именем его.

* * *

Нет, эти строки не случайны:
В них память сверстников моих –
Ребят, родившихся в начале
Сороковых...

Отцов на двадцать лет моложе,
Для мирной жизни рождены,
Мы все в какой-то мере тоже
Прошли дорогами войны.

Идут года...
Мы поседели.
Уже за тридцать нам сейчас.
Недаром в огненной купели
И жизнь, и смерть крестили нас.

Они судьбой вертели круто,
...И каждой праздничной весной
Огни победного салюта
Горят над нашей сединой.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЗАМПОЛИТЕ

Я был горнистом в нашей первой роте, —
Играл подъем, всегда на «ты» с зарей.
Бывало трудно, вы меня поймете,
В курсантской жизни нашей непростой.
Пусть пороха не нюхали курсанты —
Сияла всем военная звезда...
Из стен училищ в званье лейтенантов
Мы выходили в трудные года.
И замполит, не раз глядевший смерти
В лицо, в бою спокойствие храня,
Не прятал слез на утренней поверке,
Последней для него и для меня...
Утрами тополя у стен скрипели
И раздавался колокольный звон.
Провинция! Мы все пока что верили
В ее спокойный, безмятежный сон.
Обманчив сон был. Замполит, я понял,
Пройдя сквозь годы,
 твой счастливый взгляд.
Заветные курсантские погоны
Поныне святы для твоих ребят.
Другой горнист трубит побудку утром.
Чеканя шаг, идет за взводом взвод.
А замполит, когда мне очень трудно,
Ко мне на помощь вовремя идет...

ПОБЕДА

Вставало солнце майское
все выше
Над гребнем гор и зеленью
полян.
И вот, к любимым известиям
привыкший,
От счастья задохнулся
Левитан.
Победа!..
И я сидел, боялся
шелохнуться,
Не веря, что окончилась
война.
Из рук у мамы выскользнуло
блюдце.
— Ну, наконец-то! — молвила
она,
Победа!..
Дед, немощью прикованный
к постели,
Услышав эту радостную весть,
С кровати приподнялся еле-еле
И попросил вдруг
хлебушка поесть.
Победа!..
И понял я, что будет
вдосталь хлеба,
В ларе пустом
появится мука,
Коль солнышко в высоком
майском небе
Теплом согрело душу старика.
Победа!..

Валентина ТЕЛЕГИНА

Валентина Федоровна ТЕЛЕГИНА родилась 5 сентября 1945 г. в городе Уральске Казахстана. После окончания школы уехала в Сыктывкар, работала секретарем Верховного суда Коми АССР, нотариусом, секретарем народного суда в Воркуте.

Поэтическим творчеством увлечена со школьной скамьи. В 1972 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького и переехала в Пермь. Работала в газете Камского речного пароходства «Большая Кама». В 1969 г. вышла первая ее книжка – «Полынь».

Член Союза писателей с 1977 г.

* * *

Умейте радоваться жизни,
Она прекрасна и полна.
Умейте даже из окна
Увидеть уголок Отчизны.

Бывает светлая минута,
Когда спадет завеса с глаз,
Когда увидишь мир как будто
В последний или в первый раз.

И каждый звук, и каждый штрих
В душе счастливой отзовется,
Как очертанья звезд дневных
На дне глубокого колодца.

МЫ ПОМНИМ ВАС!

Мы помним вас, герои века!
Мы поименно знаем вас,
Кто гордым званьем человека
Не поступился ни на час.
Россия наша – всех времен –
Была героями богата.
Бессмертный перечень имен
Звучит торжественно и свято.
О них мы ныне знаем много,
И множество прекрасных книг
Написано прекрасным слогом –
И все о них, и все о них.
О вы, защитники народа!
В земле, быть может,

рядом спят

Солдат Двенадцатого года
И Сорок первого солдат.
Мы помним вас, герои века,
Герои мира и войны,
Чья жизнь – страница или веха
В огромной жизни всей страны.
Мы ищем вас, герои века,
Повсюду ищем тех из вас,
Кто честным званьем человека
Не поступился б ни на час.
Кто гати стелет на болотах,
Кто спит зимою у костров,
Кто словом поднимает роты,
В бою надежен и суров.
Кто за собою в нужный час
Ведет, как песня или знамя...
Они, неузнанные нами,
Живут и ходят среди нас.

* * *

«Жизнь – копейка,
а судьба – злодейка!» –
пошутил какой-то неудачник.
Эх, чужак,
а ты свое испей-ка,
полистай-ка память,
как задачник.
А каков он,
дел твоих числитель,
чем ознаменован знаменатель?
Все ли верно понял ты,
мыслитель,
из того,
что дал тебе Создатель?
Я свою судьбинушку не хаю.
И за счастьем призрачным
в погоне
каждый день
свой жребий вынимаю
из ее таинственных ладоней.

* * *

Как люди равнодушны и грубы!
Живя под небом,
отрицают небо.
Не Божьих истин ищут у судьбы –
кровавых зрелищ требуют
и хлеба.
Но, протестуя,
захлебнувшись криком,
неся в себе всеобщую вину,
из тысячи – один
по-волчьи, дико,
провоет вдруг
на звезды, на луну...

КОЛОКОЛ-БУНТАРЬ

У колокола вырвали язык,
Избили плетью бронзовое тело.
Чтобы кричать душа его не смела —
У колокола вырвали язык.

В Сибирь его!..
В Сибирь бунтовщика
Отправили этапом на рассвете.
Гремела цепь,
И нависала с плетью
Тяжелая надменная рука.

А он молчал.
Тайга вокруг молчала.
Но шла в остроги весть о чудесах:
В его остывших клеточках металла
Прошедших бунтов жили голоса.

Он затаился радостно и гневно,
Он размышлял:
«Авось да ничего!»
И сторож, мужичина здоровенный,
Украдкой молился на него.

ПРОВОДЫ

В ночном полутемном вагоне
Мы долго с сестрою не спим,
К стеклу прижимаем ладони,
Как будто бы в странной погоне
Ускорить движенье спешим.

Над пашнями – лунная дрема.
Зажглась и погасла звезда.
Мы едем из отчего дома,
Где мама, где все так знакомо,
Где так безопасно всегда.

Все мостики, речки да хаты –
В любое окошко стучись...
Вчера проводили мы брата,
Не Кольку уже, а солдата,
В солдатскую взрослую жизнь.

Был путь новобранцев тревожен,
Как путь улетающих птиц.
В строю они стали построже
И все друг на друга похожи
Неловкой суровостью лиц.

Так вот где кончается детство –
На проводах. И никуда
От мыслей тревожных не деться.
И прочно заполнили сердце
Перроны, гудки, поезда.

И снова – речонки
И хаты,
Которых не счесть на Руси,
Где хлебом и лаской богаты,
Где думы о Родине святы, –
В любую войди и спроси.

ДОРОЖНАЯ ВСТРЕЧА

Спеша к вечерней электричке,
К платформе «Мельничный Ручей»,
По старой ладожской привычке
Сошлись трое рыбарей.
Заспорили о тайнах клева,
О том, где рыбу лучше брать, —
Через минуту с полуслова
Друг друга стали понимать.
Их помотала жизнь немало,
Их судьбы были нележки...
И как-то вдруг понятно стало,
Что все они фронтовики.
Подобрались и построжали,
Былые вспомнив времена,
Друзей погибших имена,
Не занесенные в скрижали.
О них легенды не сложили,
По ним не проливали слез
Лишь потому, что им живыми
С войны вернуться довелось.
А мне под разговоры эти
Казалось, честно говоря,
Что встретились через столетья
Былинных три богатыря.
Быть может, где-то за кустами
Они оставили коней:
Им гикни, свистни — и к заставе
Помчат они своих друзей!..

Михаил СМОРОДИНОВ

Михаил Романович СМОРОДИНОВ родился 24 декабря 1943 г. в Перми. После школы окончил Пермский авиационный техникум им. А. Д. Швецова. Служил в Советской Армии. После увольнения в запас работал на заводе им. В.И. Ленина слесарем-сборщиком, производственным мастером. Был литсотрудником газеты «Мотовилихинский рабочий». Несколько лет вел литобъединение при заводской газете завода им. Я. М. Свердлова. Корреспондент областной газеты «Звезда».

*Первый сборник стихов «Пять утра» вышел в 1973 г.
Член Союза писателей с 1978 г.*

В АРМИЮ

Отчий дом и косые ворота.
Ворох листьев на шатком крыльце.
Словно тень сорок первого года,
тень разлуки на милом лице.
Мама, мама!

На мокром перроне,
где целуются,
плачут,
поют,

я держу неуклюже в ладонях
рук твоих уходящий уют.
Зычный бас:

«По вагонам, пехота!»

Что я вспомню,

что вспомню в конце?

Отчий дом и косые ворота.
Ворох листьев на шатком крыльце.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Убрали трап.

Конец стоянки.

Отчаливает теплоход,
и марш «Прощание славянки»
над пестрой пристанью плывет.
В нем столько нежности вселенской
и ожидания — до конца,
что я представил образ женский,
где синь-глаза —

на пол-лица;

а в тех глазах —

бойцы и танки,
что в день ноябрьский снеговой
шли под «Прощание славянки»
с парада

в битву под Москвой.

И горе в тех глазах, и гордость —
самой мелодии под стать, —
народный гнев

и непокорность...

Прощай, прощай,

я стану ждать.

Над пристанью

взметнулись руки,
и в сердце грозно растворен
родной и горький марш разлуки,
марш всех прощаний и времен.

НЕВСКАЯ ДУБРОВКА

...Вновь

пулемет во тьму строчит,
бьет зло, отрывисто

винтовка...

Больничный мой сосед не спит.

Ему забыться не велит

Дубровка –

Невская Дубровка.

Там на болота и поля
металлом

твердь небес упала.

Железной сделалась земля

и даже кровь

не принимала.

Сосед мой – бывший политрук,

что глыбу неба

в небо выжал

и возвратился, но – без рук.

Ведь там –

воронка на воронке,
на похоронке похоронка.

Все красное:

цветы, трава...

Но и чужая рать – редела!

Не зря державная Нева

с надеждой

на бойцов глядела.

ПОСТ ТИШИНЫ

Теплынь.

Сирени буйство.

Поздний час.

А вот усни попробуй ночью летней!
Позвякивает медь в копилках касс
идуших в парк автобусов последних.
Иллюминированный камский мост
летит стрелою тысячеметровой.
Мигающей букашкой между звезд
прокладывает путь ночной почтовый.
Беспечно спит, обняв котенка, дочь,
и ходики отсчитывают время...
А может быть, про тишину и ночь
наврал я в стенгазете батарейной,
что

тишина обманчива в час поздний,
и мне ль, ее хранящему, не знать,
что на постах

кусты умеют ползать,
деревья — красться,
темнота — стрелять?

Наврал?

Ну нет! Свет и в твоём окне,
Июнь беды
в строку

ложится тенью.

Не слишком доверяют тишине
поэты фронтового поколения.
И учимся у них мы неспроста
пост тишины оберегать до солнца.
Меняются солдаты на постах.
А Родина —
навек остается.

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА

Лег на заставу мрак вечерний тихо.
С овчаркой на обход ушел наряд.
В гнездо на старой груше аистиха
провизию несет для аистят.
Когда она со стороны заката
летит, едва крылами шевеля,
мне страшно:

ну, как выстрела раскатом
ее проводит чуждая земля?
Прости мне, мать, —

беды твоей касаюсь.

Не видывал я прежде птиц седых.
Скажи, где он теперь летит,

твой аист,
в необъяснимых небесах каких?
О, неужели снова

воля злая
людей земли сумеет раздружить?!
И небо, и любовь

границ не знают,
и всем бы нам, как небу,

вольно жить,
и гусеничным лязгом не порушить
покой земного дома своего...

Чернеет

колесо гнезда на груше.

Оно-то

не раздавит никого.

МИШКА-ТАНКИСТ

В лязганье траков,
 грохоте, дыме
крик умолкающий женский повис:
«Имя его назовите мне, имя!»
— Мишка-танкист!
Тезка!

Твои побратимы-танкисты
в бой за Белград,
не простившись, ушли.
В комбинезоне и шлеме ребристом —
так тебя жители и погребли.
И на Урале
не знать твоей маме,
как ты погиб —
балагур, гармонист.

Глажу ладонью надпись на камне:
«Мишка-танкист».

Тезка!

Спешил я к тебе через дали,
вечный должник и наследник бойцов.
Вижу, как ты
из горящих развалин
вынес двойняшек — спасенных мальцов.
Вижу:

стреляют фашисты, зверея,
вслед тебе.

Кровь залила колею.
Виджу я:
 женщина, тихо старея,
носит цветы на могилу твою.
Взрослыми стали спасенные дети.
Ты перед прошлым и будущим чист.
Только бы не было гроз на планете.
Мишка-танкист.

Мишка-танкист...

БЕРЕЗКА

Снесены
 четыре этажа
бомбой
 пятисоткилограммовой.
Запустенье.
 Пыль.
 Кирпич и ржа.
Никого и ничего живого.
Но
 светла,
 улыбчива,
 горда,
смотрит вниз березка,
 как невеста.
Как же ты вскарабкалась туда,
на кирпичный горб
 стены отвесной?
Мужество ценя
 и жизнь любя,
возводя ряды кварталов длинных,
люди
 жить оставили тебя,
сохранив как памятник руины.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Еще ракета не взвилась,
но темноты завесу плотную
обнюхивают, притаясь,
тупые дула пулеметные.
Мы ждем, дыханье затаив.
Нельзя и почадить махоркою.
Черна река в оправе ив,
и дышит ночь

полынью горькою.

Застыла, кажется, луна,
и даже шар земной
не вертится.

Сторожко смотрит тишина на спусковой

крючок
ракетницы.

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА

Разве думал в сраженьях о славе
солдат?

В рукопашных бывал,
артналеты — изведаль,
и считал он превыше чинов и наград,
что, живого,

его обнимала
Победа.

В города, как в историю, —
с боем входил...

На ступеньках рейхстага,
прошедший полсвета,

он махру доставал,
самокрутку крутил

из обрывка газеты
грядущего века.

ПАМЯТЬ

Не помню я
брусчатки отклик звонкий,
Победы нашей непреклонный шаг.
С чего же
вдовый вопль над похоронкой
и до сих пор звучит
в моих ушах?
Не помню,
как беда родного края
горчила в материнском молоке,
как «мама» в первый раз сказал,
не зная,
что говорю
на русском языке.
Не с тем ли молоком и вправду,
разом
входила в кровь
печаль родной страны,
и речь ее –
сплетенье былей, сказов,
и память горьким-горькая войны?

СНЕГ В ХАТЫНИ

Так где ж ты был,

« всевидящий господь »,

КОГДА ЖИВЫХ

жгли в огненной геенне?..

Снег,

снег летит,

и обретают плоть

изб и людей клубящиеся тени.

Стоят.

Стоят, воздевши кулаки.

В СНЕГУ ТОМ,

СЛОВНО В ПЛАМЕНИ И ДЫМЕ.

КОСМАТЫЕ, КАК УЖАС, СТАРИКИ

и женщины с младенцами грудными.

Снег пролетает серый, как зола.

как пепел — снег.

безмолвный, бесконечный.

Хатынь, Хатынь!

Одни ль колокола

приказывают помнить,

ПОМНИТЬ ВЕЧНО?

Что им отвечу я, что им скажу?

Жив Дирлевангер?*

Жив, по слухам, Борман?..

Заснеженной Хатынью прохожу –

и кажется снег белый

черным-черным.

* Дирлевангер – эсэсовский палач Хатыни.

НА КЛУХОРСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Его зарыли в шар земной...

С. Орлов

Их
 не зарыли
 в шар земной,
хоть на Клухорском перевале
гремел
 и днем и ночью
 бой,
и очень многих
 убивали.
Их риск –
 канатоходцев риск.
Здесь ранен даже пустяково,
боец
 срывался в пропасть,
 вниз,
в объятья трещин ледниковых.
И замерзал
 последний вскрик...
Неся в себе
 былого бремя,
с гор
 саркофагом
 полз ледник
из лет военных –
 в наше время.
Дополз – как тягостная весть...
Мы лед скололи.
 Стало страшно:
там наш боец и «эдельвейс»
сошлись
 в посмертной рукопашной,
не зная, что войне – конец.
В единоборстве небывалом
ты все же победил, боец!
Взгляни –
 наш флаг над перевалом.

СОЛДАТСКАЯ ВДОВА АНЮТА

Была, влюбленная и кроткая,
невестой вечер,

ночь женой,

а ночь июньская короткая,
и та оборвана войной.

Заледенела вся по первости,
как похоронка в дом пришла,
но в женской,

самой верной верности,

раз обещала ждать —

ждала.

Один, настырный, как по графику,
ходил —

не ухарь и не франт,

фуражку мял.

На фотографию

смотрел.

Смотрел на черный бант.

Видать, была ему ты нужною,
пригрезившись в огне атак.

— Оставь!

Я и теперь — замужняя.

— Будь жив он, я б отбил,

а так...

Давно по имени и отчеству
вдову Анюту стали звать,
и стало равным одиночеству
надежное:

«Я буду ждать».

Салютом стынут гладиолусы,
воспоминания горчат,
и руки

слепо гладят волосы

несуществующих внучат.

ПАМЯТИ НИНЫ ЧЕРНЕЦ

Гостевали

в том полуподвале,
где ты с мамой и дочкой жила,
где стихи до рассвета звучали
и клубилась табачная мгла.
Уходили из полуподвала...
Поспешала ты вслед за порог,
всех незримым крестом осеняла
и шептала:

– Храни-то вас бог.

А тебя?

Кто хранил тебя, Нина?
Ты – казалось мне в те времена –
своей детскостью странной хранима,
беззащитностью защищена...
Не вернуться в скрипучие сени.
Этим строчкам не ведать листа:
«Взмах прощальный,
Вокзала ступени.
Пустота,
пустота,
пустота».

Кто же думал в прощальную пору,
поднимаясь из мрака на свет,
про подвал,
что страшнее, чем «полу»?
Как темно там!

И выхода нет.

Нина ЧЕРНЕЦ

Нина Николаевна ЧЕРНЕЦ родилась в поселке Юг Пермской области. Окончила Пермский педагогический институт, преподавала в школе литературу и русский язык. Работала на заводе им. Я.М. Свердлова.

Занималась в литературном объединении при Пермской областной писательской организации.

Стихи Н. Чернец публиковались в литературных сборниках «Молодой человек», «Современники», «Княженика», «Семицветье», в журналах «Смена» и «Урал». Автор двух книг: «Берега» и «Послушай со мною моих снегирей». Вторая книга вышла после ее смерти.

* * *

Уйду далеко, упаду в траву.
Перед высоким небом онемею.
Так кто я есть? Так чем же я живу?
Коль не права — на что права имею?

Ни отступить, ни повернуть нельзя.
Придавит жизнь — не совладай-ка с нею.
Быть женщиной — нелегкая стезя.
Но быть любимой — вдвое мудренее.

Вот я сейчас со всеми — и ни с кем.
И, будто тяжесть страшную подъямлю,
толчками кровь колотится в виске
и стуки сердца проникают в землю.

Из прожитого не воротишь дня.
И нужно ль это мне, скажи на милость?
Но лишь за то, что ты любил меня,
я б снова только женщиной родилась.

* * *

Брести, задыхаться и падать,
чугунных не чувствовать ног.
За черной стеной снегопада
маячит вдали огонек.

Сквозь ветер, холодный и резкий,
в слепую снегов круговерть
дойти до того перелеска
и поле еще одолеть.

И не было б счастья на свете,
во весь не подняться бы рост,
когда бы их не было — этих
последних немеренных верст.

* * *

Давай с тобой поговорим
О нашей боли и тревогах.
До света утренней зари
Осталось времени немного.
Попробуем понять с тобой
Где да и нет, где или — или.
Как душу вынести живой,
Как жили мы и чем мы жили.
Посмотрим, что там впереди,
За тем, за дальним поворотом.
Попробуем себя судить.
Себя судить, а не кого-то.
С травинки скатится роса,
А там и солнце в окна брызнет.
Минует ровно два часа,
Останутся две разных жизни.

* * *

Все укрываем, как больное самое –
Наука повзросленья, видно, впрок, –
Что сердцу светят просто руки мамины
Да сморщенный березовый листок.

О нет, ни капли мы не обворованы!
Лист облетел, а мы который год
Глядим в себя светло и очарованно
На этот желтый медленный полет.

И суть, и суетность, бедой не тронув,
Встают неслышно на свои места.
Идет тепло от маминых ладоней –
И жизнь, как поле снежное, чиста.

* * *

Казалось – исчерпаны силы,
а друга – зови не зови...
И падали вы и скользили,
и губы смерзались в крови.

Пусть голос, от стужи охрипший,
расскажет про тот гололед.
Имеющий уши – услышит,
имеющий душу – поймет.

Шагаем мы, стиснувши зубы.
Сменяет атаку парад.
Победно трубят наши трубы,
сурово и гордо трубят.

Знамена пылают пожаром.
И даль от пожаров красна.
Откройте глаза, комиссары,
очнитесь от тяжкого сна!

У нас здесь такие события!
Законы Вселенной поправ,
вы с кожанок землю стряхните
и с серых стряхните папах.

Из битвы, где правды не прячут,
где смертный гуляет огонь,
сегодня нас вынес горячий,
пришпоренный яростно конь.

Но только не просто, не просто
на свете давать нам впервой
без ваших папах краснозвездых
последний, решительный бой.

Почти угасли силы птичьи,
почти ослабли два крыла.
Зазря журавль потерю кличет —
синица руки заняла.

Живу себе и горя мало,
что день прошел и сутки прочь.
Что я могу? Когда бы знала,
нашла бы чем беде помочь.

Журавушка, не плачь, не сетуй.
Пусть не сегодня, не сейчас, —
я выпущу синицу эту,
напрасной ношей утомясь.

Утоптана стезя людская —
куда пойду? К чему вернусь?
И ты куда зовешь — не знаю.
Но я тянусь к тебе, тянусь.

Пусть, что должна найти теперь я,
хоть перышком да обозначь.
Жива, цела твоя потеря.
Уймись, журавушка, не плачь.

Наталья ЧЕБЫКИНА

Наталья Владимировна ЧЕБЫКИНА родилась в 1941 г. в Перми. Работала воспитателем детсада, учителем, библиотекарем. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Печаталась в журналах «Смена», «Урал», еженедельнике «Литературная Россия», коллективных сборниках «Молодой человек» и др.

В 1973 г. вышел первый сборник ее стихов «Время свадеб».

* * *

Детство, детство!

Город госпитальный.

Было зло, а помнится добро.

Вырастали не под звон пасхальный,

А под сводки Совинформбюро.

Очереди мокли и молчали.

Застывали редкие слова.

Дожидались. Хлеб свой получали

Грубый и колючий, как трава.

Мы картошку мерзлую искали,

Пестики, чтоб в кашу истолочь.

Мы работали. Мы промышляли,

Чтоб хоть чем-то матери помочь.

Мы во всем

быть взрослыми старались,

Жизнь была сурова и проста.

На одно лишь только обижались —

На чужое слово «сирота».

ПЕСНИ ВДОВ

*

Что с того, что заведу фермой?
Что с того, что я баба-бой?
Что с того, что мне жить не первой,
Не последней, наверно, вдовой?

Не рубаха своя ближе к телу —
Не носили мы этих рубах.
Не березой — берестой белой
Мы белели на черных полях.

Бабья доля, что ветер с поля,
Пахнет пивом ржаной пыльцы.
И не жалости нет, и ни боли —
Только песни во все концы.

Не поважены, а продублены
От ладоней до синих глаз,
Мы не только навеки полюблены —
Мы научим любить и вас.

*

Приходите ко мне на помощь —
Крышу крыть и ворота чинить.
А потом погуляем за полночь —
Будет что и поест и попить.

В погребце не порожние кадки,
Хватит шанег на все село.
Что изба без мужицкой хватки?
Только лодка с одним веслом.

Только лодочка-одновеселка –
Без сноровки не погребешь:
Покачнешься – и видели только,
Опрокинешься, пропадешь.

Натрудили мозоли до крови,
Но ведь песни, как прежде, звучат.
Были вдовы, а стали свекрови.
Дети выросли – нянчим внучат.

*

Мчится времени поезд скорый,
Расстилая в полнеба дымы...
Шла война уже год который,
Без мужей жили трудно мы.

И от горестной женской печали,
Что и сильную свалит с ног,
Вечера вместе мы коротали,
С кипятком ели тощий паек.

Заждались из кромешного мрака
Похоронку иль счастье свое.
Сердце то ли измучилось плакать,
То ль от радости близкой поет.

В сорок первом оплакан сыночек,
Ранен муж подо Мгой тяжело.
Пели женщины «Синий платочек»
Так, что сразу стихало село.

Облака проплывали угрюмо
Над излучиной Камы-реки.
И одна была вечная дума –
Лишь бы выжили там мужики.

*

Красотою особою женской
Мы не радуем, может быть, глаз.
Каждодневный наш труд деревенский
На земле этой создал нас.

С детских лет мы работали в поле
И хозяйничали в дому.
Знает цену крестьянская доля
Хлебу черному своему.

А теперь дом, как полная чаша,
Видом радует сердце и глаз.
И повзросли дочери наши
Посильней да покраще нас.

Вот таких называют: березки.
Про таких говорят и поют.
Наши доченьки – вдовьи слезки,
Неприметный тяжелый наш труд.

*

Жизнь – река. Широка, глубока.
Нас с тобой под волнами не сыщешь.
Вот и сядем с тобой у шестка
Над горячей вечернею пищей.

Под веселые трели сверчка
Ткется ровно беседы нить.
Может, правильно, жизнь – река.
Только нам не тонуть, а – плыть.

Мы с тобою не легкий пар:
Знаем душу свою и лицо.
Ты подсыпь угольков в самовар,
Самых огненных, с искрецей.

Завари подушистой чаек.
Нам с тобой болтовня ни к чему.
Час потехе, работе срок
В нашем поле
И нашем дому.

ВОКЗАЛ

Ты помнишь вокзал сорок пятого,
Народ, осаждавший перрон?
С надеждой своей непонятною
Торчали мы там впятером.

И шли эшелоны с теплушками,
И каждый вагон был открыт.
Мы плакали, пели и слушали,
Как плачут другие навзрыд.

Стояли, никем не примечены,
Вот так от темна до темна.
Мы всех обнимали невестреченных
И трогали их ордена.

И пахли шинели суконные
Махоркой и гарью земли.
Мы знали, что есть похоронная, —
Поверить мы ей не могли.

ОТЦУ

Мне столько же лет,
Сколько лет тебя нет.
Жестокий отсчет
С сорок первого начат.
А мать поседела
И все еще плачет
И не перестанет,
Покуда жива.
Помочь ей бессильны
Любые слова.
Мать горя хлебнула,
Пока вырастали...
А ты не узнаешь,
Какими мы стали.
А мы не узнаем,
Какими б мы были,
Когда б в сорок первом
Тебя не убили.
И внуков тебе
Не качать на коленях.
Такая судьба
Твоего поколенья.
Мне столько же лет,
Сколько лет тебя нет.
Простые, сухие,
Скупые слова...
Отсчет будет длиться,
Пока я жива.

ЧЕТВЕРТАЯ РОТА

Отцу посвящаю

Смотрите, как пески горят,
Весь берег смертью перепахан.
Мы перешли пределы страха,
Но мы не отошли назад.
А был ли этот шаг назад
Возможен для четвертой роты,
Когда за невским поворотом
В блокаде замер Ленинград?
Пускай отбиты от своих...
Пока не кончились патроны,
Нас с места этого не стронут,
Во всяком случае, живых.
Мы написали по письму
Между бомбежкой и атакой.
Понес их в город Коля Шмаков,
И, счастье, повезло ему.
Добрался, выжил он тогда
Среди свинца, ревущей стали.
Но мы об этом не узнали
И не узнаем никогда.
Мы здесь, на берегу, остались —
Сто шесть бойцов и замполит.
Мы трое суток продержались.
И я последним был убит.
Пусть нет могил среди песка,
Нас немцы наспех закопали.
А мы тогда еще не знали,
Что мы переживем века.
Не знали, что за поворотом
Стальным щитом стал Ленинград
И что весь фронт, как наша рота,
Ни шагу не ступил назад.

Федор ВОСТРИКОВ

Федор Сергеевич ВОСТРИКОВ родился 21 февраля 1942 г. в Куйбышевской (ныне Самарской) области в семье потомственных хлеборобов. Детство и юность прошли в деревне, в заволжских степях. После окончания в 1960 г. средней школы трудился в совхозе животноводом.

С 1962 по 1966 г. учился в Куйбышевском культурно-просветительном училище, после окончания которого работал баянистом, заведующим клубом.

С 1969 г. живет на Урале. В 1969–1972 гг. прослушал курс журналистики при Пермском государственном университете. Публикуется с 1961 г.

Член Союза писателей с 1993 г.

22 ИЮНЯ 1941 г.

В России ночь. Ни всплеска и ни гула —
Качалась тихо сонная луна.
А на рассвете мир перевернула
Размашистою молнией война.

В пожарищах деревни задыхались,
В пожарищах стонали города.
Солдаты, умирая, не сдавались,
А видели Победу сквозь года.

И верили в Победу небывало,
Отстаивая гордый Сталинград.
Не эта ль вера в битве побеждала,
Вела в бессмертье вечное солдат?!

ОБЕЛИСК

Обелиск поставили в деревне,
На открытье стар и млад пришел.
Тоненькая веточка сирени
Поднялась на белый частокол.
Вспомнил каждый дорогое имя –
И зажглись рябинами венки...
И, скорбя, в молчании над ними
Головы склонили земляки.
И старушка сухонькая строго
Молвила, крестясь на обелиск:
«Ну, теперь спокойна,
 слава Богу,
Все в деревню детки собрались».

ВЕЧНА. 1945-й

Прошедшие пожарища и беды
Изравленной, истерзанной земли,
Бойца ведут к своей большой Победе —
Уже салюты видятся вдали.
Уже сирень невестится в долине
И грач из лужи мирно воду пьет.
Русланова в поверженном Берлине
Про «Валенки» российские поет!

ХЛЕБ

Кружит август птицей в небе.
В поле страдная пора.
Снова думушка о хлебе
И глубинна, и остра.
Хлеб легко ли доставался
Нам в любые времена.
Лютый голод в дом врывался,
Землю дыбила война.
На коровушках пахали,
Люд от бед и горя слеп.
Но и все же выживали,
Хоть дороже злата хлеб.
Душу верою лечили
И в пургу, и в дождь, и в зной.
Как нас прадеды учили:
За Отечество – стеной!
А теперь любовь и веру
Развенчали ни за грош.
И трубит эфир без меры
Фальшь, бессовестность и ложь.
Ни Отечества, ни хлеба –
Правят недруги земель.
Нам осталось только небо
Над больною головой.
И кричит в полях оратай:
«Как спасти свою страну,
Если Русь у “демократов”
Столько лет уже в плену?!»

РУССКИЙ СОЛДАТ

Шагал вперед солдат во имя мира,
Не кланяясь фашистскому кресту.
Когда в бою не стало командира,
Он поднял взвод – и взяли высоту.
За ним, как тень, по свету смерть бродила:
Ползла за Одер, корчилась в дыму...
Его ждала славянка и любила –
До смерти ль было, смертному, ему?!
Солдат в бою солдатом оставался.
Но прежде чем вернуться в отчий дом,
В империи германской расписался
Российским историческим штыком.

КОЛОСКИ

Вдали пылало взорванное небо –
Не прекращалась смертная пальба.
Как выжить нам, когда ни крошки хлеба,
А ребятишек полная изба?
Не пожелать врагу такой недоли.
К тому ж не знать: вернутся ль мужики?
И бабы шли в заснеженное поле
Искать спасительные колоски.
А вьюга запечатывала тропы –
Не высмотреть ни полюшка, ни вех.
И матери лопатили сугробы,
Как через сито, просевали снег.
И радость выпадала – находили! –
Колосья прижимали к пиджакам.
Как никогда и в церкви не молились –
Дрожа, молились этим колоскам!

ВДОВА

Спина, как серп, у бабы Катерины,
Хлебнула бед за век горючий свой:
Из Курска муж, а сын из-под Берлина
Вернулись похоронками домой.
Кого угодно боль такая свалит.
Она не помнит, как пережила.
Лечили раны ей ржаные дали
Да бабки-вековухи из села.
Родных солдат, войною убиенных,
Вдова не забывала ни на миг.
Как трудно было Родине – в три смены
И за себя трудилась и за них.
Когда луна калитку припорошит,
Выплакивала горюшко ветле.
И незаметно, как под тяжкой ношей,
Все гнулась,
 гнулась к матушке-земле.
Во сне себя красавицей видала,
А рядом парень – вороха кудрей!
О, как она мучительно страдала,
Старухой просыпаясь на заре.
Смахнув слезу рукою крючковой,
В корыто снова пичкала белье...
А со стены, не старясь, два солдата
Смотрели виновато на нее.

* * *

Война убила сыновей,
Убила нерожденных внуков.
Пришла и старость без детей,
А без детей не старость – мука.
Да так и жили бобыли.
Восьмидесятый год начался –
Сначала бабушку отнесли,
А следом и старик собрался.
Но все же горше оттого –
И есть ли в утешенье слово! –
Что не осталось никого
В селе из рода старикова,
Чтоб принести с родных полей
Цветы живые на могилу...
Война убила сыновей –
Род землепашеский убила.

* * *

Не успокоюсь, не угомонюсь,
Внимать не буду всяким уговорам,
Пока над миром сеют боль и гнусь
Приспособленцы, склочники и воры.

Людским судом их праведно судить.
Мы, современники, за все в ответе.
И доброту обязаны хранить.
На нас глядят доверчивые дети.

ОДНОФАМИЛЕЦ

На кладбище военном есть могила,
В могиле той – однофамилец мой.
Двадцатилетний парень из Тагила
С войны лежит под старою ветлой.
Над ним парят, раскинув крылья, птицы,
В зеленых днях качаются ветра.
За краткий век успел ли он влюбиться
В девчонку из соседнего двора?
В каком краю березовом России
Она живет и помнит ли его?
Ах, сколько над землей рассветов синих
Повыцвело со времени того,
Когда купались луговины в росах,
Когда в ночи склонялся над стихом.
Когда цветы дарил своей курносой,
Когда ребята звали женихом?!
О, молодость: веселье и беспечность.
Мечта и радость – только позови!
Казалось, жить на свете бесконечно,
И создан мир для песен и любви.
Но гром война по небу прокатила –
Пожарища и смерти без конца.
На битву мировую проводила
Девчонка повзрослевшего бойца,
Ждала его. И верила – вернется!
Но под Смоленском был тяжелый бой.
Солдат упал у черного колодца,
Закрыл и нас, и Родину собой.
Чтоб Ярославны ввек не голосили
Ни в нашем крае, ни в чужом краю.
Чтоб я, мой сын и внуки бы носили
Фамилию славянскую твою!
Она – во мне и в радости и в беды,
Моею стала верой и судьбой.
И в будний день, и в день большой Победы
Иду к тебе, однофамилец мой.

Иду к тебе, заранее тревожась,
О пережитом думаю, скорбя.
А если б я в своем родном Заволжье
Опередил в рождении тебя?
Упал бы я под пулею мгновенной,
Лежал бы я под старою ветлой? —
Тогда бы ты на кладбище военном
Стоял в поклоне молча надо мной.

ВЕТЕРАН

Танкист, дошедший до Берлина,
В поволжском городе живет.
Ему война теперь – былина,
Да спать с годами не дает.
И лес, и даль в предсмертном стоне
Уходят в ковельскую ночь.
Подбитый танк в болоте тонет,
И снова некому помочь.
А немец прет, пути сменяя,
Остервенело, напролом.
И смерть костлявая крутая
Однополчан берет в полон...
Стихает гул в просторе голом,
В окошко тычется туман.
И тянется за валидолом
Войны Великой ветеран.
Одна мечта: излить бы душу,
Излить немедля, не потом,
Чтоб кто-нибудь его послушал,
Да пуст давно угрюмый дом.
Лежит хозяйка на погосте,
У дочерей – судьба своя.
И не всегда сберутся в гости,
И тают верные друзья.
Но вот спроси у ветерана:
Ну, как живется, холостяк?
В ответ по-воински чеканно:
«Порядок в танковых частях!»

Гавриил РАДОЩЕКИН

Родился в 1925 г. в городе Воткинске. Трехмесячным был привезен в Пермь.

В 1939 г. Радощекин закончил 7 классов и поступил в механический техникум им. Н. Г. Славянова. После окончания техникума получил направление в г. Юргу-2 Новосибирской области. Работал производственным мастером, начальником планово-распределительного бюро, был избран комсоргом цеха. Здесь организовал выпуск стенгазеты «Комсомольская Стрела». С первого номера газета заняла позицию критического обозревателя в стихах, автором которых был редактор Г. Радощекин.

В 1947 г. Радощекин был откомандирован в Пермь на завод им. В. И. Ленина, где связал свою судьбу с заводской многотиражкой «Мотовилихинский рабочий» и стал самым активным завсегдаем литературного кружка, который вели пермские писатели.

ГРЕМИ, НАШ ХОР...

Греми, наш хор, гармонией отменной
И голосами звонкими на всю Россию пой!
Про нашу Мотовилиху военную,
Чьи пушки немцев били под Москвой.

Еще под Сталинградом замороженным,
Под грозною Орловскою дугой
И под Берлином, растревоженным
Уральской сталью боевой.

Живи, наш хор, и песенною россыпью
Людей труда сердечно поздравляй,
Шагай по сценам разным

гордой поступью
И о певцах своих не забывай!

Мы родиной из нашего Союза!
В Союзе жили мы, учились и росли
И каждому народу дружбы узы
Мы свято, бережно по жизни пронесли.

Трудились мы, себя позабывая,
Для нас главнее не было вовек:
Жила бы ты, страна моя родная,
Где так дышал свободно человек!

Лукавый к нам пришел.
Он был из правых.
Он занял трон, чтоб рай наш загубить.
Ему Советы были не по нраву,
И он сумел их подлостью убить.

Крушил страну, мучил святые души!
Не стало враз ни хлеба, ни тепла...
Он Ленина, наверное, не слушал,
Ведь на Союз напал из-за угла.

Жизнь сломана. Чуть теплится другая:
Влачим себя на жалкие шиши.
Страна Советов!
Где ты, дорогая?
Приди, вернись и скверну сокруши!

Авенир КРАШЕНИННИКОВ

*Авенир Донатович КРАШЕНИННИКОВ
родился 7 января 1933 г. в Мотовилихе.*

*Работал на заводе имени В.И. Лени-
на. В 1953 г. был призван в ряды Советс-
кой Армии. После демобилизации с 1956 г.
работал в газетах, на радио, телевиде-
нии, в книжном издательстве.*

*В 1973 г. окончил Высшие литератур-
ные курсы при Литературном институ-
те им. А.М. Горького в Москве.*

Член Союза писателей с 1964 г.

Ушел из жизни 14 ноября 1991 г.

ЛЕГЕНДА О СОВЕТСКОМ ТАНКЕ*

Им конец был готов заранее...
Шли три парня на полигон
В опаленной зеленой рвани,
Слыша крики своих вдогон.
Позади – переплет колючек,
По бокам – автоматов лязг.
Под ногами – веселый ключик
Захлебнулся, в грязи увяз.
Впереди – может, снова муки
Или пули короткий стон...
Опустив по-крестьянски руки,
Шли три парня на полигон.
Дух солярки,
походный, острый,
С малолетства знакомый дух,
Парни жадно вбирали в ноздри,
В рот, обтянутый с голодух.

* Во время Великой Отечественной войны фашисты использовали захваченные советские танки как мишени, а вести их на пушки принуждали пленных танкистов.

На зеленой лесной полянке,
Будто в зыбком бредовом сне,
Встала башня родного танка
В узловатой от ран броне.
Парни тихо броню ласкали,
Обнимали ее, как мать,
Прижимались к бугристой стали
И готовились умирать.
Был приказ им – идти на пушки,
На разрывы гранат и мин.
«А потом ви домой отпушен
По российский калин-малин».
У окошка шумит калина,
За деревней – в ромашках луг...
И последний, ссутулив спину,
Глянул в небо,

захлопнул люк.

Дрогнул танк, словно в жилке каждой
Знойной крови прошел багрец,
Вдруг забилась

святая жажда

Заключенных в него сердец.
Он рванулся, стреляя дымом,
Страшен шрамами и броней,
Безоружный,

непобедимый,

На окопы и шквал стальной.
Он из боя вошел в легенду,
Не давал он фашистам спать...
А из люка,

седой и бледный,

Парень в небо глядел опять.
Было пепельным небо это.
Но калина в садах цвела,
И живительный луч рассвета
Рвался к западу
Из ствола.

ПРОДАВЕЦ КОРЗИНОК

Безногий дядька продает корзинки,
Как ни гляди, ни щупай — хороши...
А лес-то рядом,
В полверсте от рынка,
Да не добраться, сколько ни спеши.
Бродил, бывало, в дебрях, как сохатый,
Следы читал на хвоистой земле,
Ружьишко терлось по спине покатою,
Лишь ветерок посвистывал в стволе.
Бродил, бывало, ветками исхлестан,
Пропитан потом, чадом головней,
И в кузовок, сплетенный из бересты,
Малину брал детишкам да жене...
А вспоминать другое бы не надо.
Все капала с кустов малина вниз,
В воронку от тяжелого снаряда,
Где ползал он, зубами землю грыз.
И вот теперь лозу приносят внуки.
Медовая лесная благодать
Зеленым соком окропляет руки.
И нелегко в изгибах передать
Широких веток тонкие узоры,
Веснушки солнца на листе густой,
И запахи задумчивого бора,
И буйных трав полуденный настой...
Вдавлив колеса
В хрусткий гравий рынка,
Облизывая пересохший рот,
Безногий дядька раздает корзинки,
А деньги
не берет.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ОБКОМА

Ему все тропки

здесь знакомы.

Везде найдет себе ночлег
Усталый, тощий человек
Из Кокчетавского обкома.
Он любит чая аромат
И пьет кумыс из круглой чашки,
Ему дают делить барашка,
Когда затеют бешбармак.
А на заре опять «победа»
Летит по лезвиям стерни
Туда, где песня недопета,
Но где сердца ему сродни.
Да, нынче не было погоды.
До срока степь опалена,
Но он концы не прячет в воду,
Не льет елея и вина.

Когда глаза в него направят
И сыплют злобу из горсти,
Он по врагам стреляет

правдой

И правдой

мужество растит.

В глаза бессонница смеется,
И боль бросает в лед и зной,
А он идет

навстречу солнцу,

Как древко Знамени,

прямой.

Борис БУРЫЛОВ

Борис Николаевич БУРЫЛОВ родился в 1933 г. в деревне Мокино Верхнемуллинского района Пермской области в крестьянской семье.

С 1947 г. живет в Перми. Учился в техникуме. Служил в армии. Был рабочим. Закончил Всесоюзный заочный лекторий журналистики в Москве.

Журналист, литературный работник многотиражной газеты «Дзержинец». В этой газете в 1955 г. опубликовано его первое стихотворение. Позднее стихи Бориса Бурылова печатались в различных газетах и журналах.

Первый сборник поэта «Утро мое» увидел свет в 1966 г.

* * *

Да, войны не видали мы,
Ребятыя деревень глубинных, —
Ни окопной тревожной тьмы,
Ни налетов
 смертей
 ястребиных.

Ах, война,
 не твоя ль вина,
Что отцов мы не помним толком?
Ты зачем задела, война,
Наши души
 каленным осколком?!

ПРИЗЫВНИКИ

Как свежа синева поднебесья!
Будто нет ни войны, ни слез...
Под гармони горланя песни,
Из района летит обоз.
Распахнув заливчатски ворот —
Пусть посмотрит, мол, вся родня —
По призыву катится в город
Необстрелянный молодняк.
На ветру растрепались кудри,
И безумный в глазах восторг...
Обдувает сиренью утро,
Обливает зарей восток.
Озоруют, свистят мальчишки,
Прибаутка-шутка вольна,
И, знакомая лишь понаслышке,
Где-то там, далеко, война...
Песня в палевой дымке тонет,
У околицы ей вослед
Долго смотрит из-под ладони
На ногу из осины дед.

ПОДОРОЖНИКИ

Провожали отца в путь-дороженьку,
Да на ратные на дела.
По обычаю подорожников
На прощание мать напекла.

Он в походе и на привале
Вспоминал расставания час:
Подорожники напоминали
О России,
 о доме,
 о нас.

И светили лучом-фонариком,
Если даже черным-черно...
В каждом кренделе да сухарике
По слезинке запечено.

А потом благодатный запах
Вещмешка, что в хлебной пыли,
Он с собою понес на Запад,
Как дыханье родной земли.

...Если вновь позовет дороженька
На жестокий и праведный бой,
Напеки мне, мать, подорожников,
Дай частицу России с собой.

Была их жизнь — суровый труд и бой, —
Кто Родину прикрыл на поле ратном.
И многие уходят на покой,
На тот покой —
На вечный,
Безвозвратно.
Они, конечно, к нам еще придут
В картинах, книгах,
Фильмах и театрах:
Сердце огонь священный
Принесут,
Чтоб высветить наш путь
В большое завтра.
И нам, друзья, их дело продолжать.
А что мы, в самом деле, лыком шиты?
И не от нас ли ждет Отчизна-мать
И верности,
И песен,
И защиты?
Наследство непростое —
Вся страна,
Ее заводы, и поля, и недра.
А коли так —
Давайте жить сполна
И не беречь себя,
А тратить щедро.

Шла война.
Дымилось полсвета.
Где-то смерть все живое жгла.
А в Прикамье, встречая лето,
Буйным цветом сирень цвела.

С веток зрелые росы льются.
Под кустами – прохладная тень.
И сестра моя старшая, Люся,
Походила на ту сирень.

Быть бы Люсе счастливой невестой,
Да настал горячий денек.
Словом, все, как в известной песне
Про разлуку,
Про огонек...

Он ушел, как Родиной велено,
Лишь конец у песни не тот.
Он упал, навывлет простреленный,
У Синявинских взрытых высот.

Может, плакала Люся – не знаю.
Только ночью метель мела:
Полетели сирени стаи,
На ветру сгорели дотла...

* * *

Юноша склонился над станком,
Кажется, еще вчера склонился...

Вот он распрямился нелегко,
Поглядите — инеем покрылся.
Сколько зим прошло
и сколько лет!
А кругом в работе молодые.

У м и р а ю т
ц а р с т в а
н а з е м л е,
Но всегда живут мастеровые.

* * *

И в час, когда мне очень трудно,
Когда повсюду неуспех,
Махнув рукой на пересуды,
Я прихожу в кузнечный цех.
Здесь все — в порыве, все в движении —
Огонь и ветер, громобой!
И в этом яростном кружении
Я становлюсь самым собой.
И что мои лихие лиха,
И что там недругов возня...
Как будто солнца малый вихорь
Задел дыханием меня.
И снова я для дел разбужен,
И песню за собой веду.
О, как он мне бывает нужен,
Рабочий люд, рабочий дух!

Писем не было много дней.
Не спасли тебя, мать, молитвы.

.....
Серый лист.
Круги штемпелей.
С фронта дальнего,
С поля битвы.

Ты взяла казенный конверт —
Обожгло внутри, опалило.
Покачнулся весь белый свет.
И земля ходуном заходила.

Ты увидела, мать, в этот миг
Над собою небо с овчинку.
Твое сердце стиснуло крик
И надолго ушло в починку.

В.И. Радкевичу

Год качнул крылом — и не видно.

Годы-лебеди, вы куда?..

Никогда не буду солидным,

Но задумчивым буду всегда.

Тонет облако в синем разливе,

Ветер гасит искры зари...

Был ли я на свете счастливым?

Чем людей и себя одарил?

.....

В будни, в праздники и на тризны

Шел, забыв про обиду и месть,

Чтоб сказать вам правду о жизни

И о том, какие вы есть.

И когда находил участие,

И когда находил привет —

Выше радости, выше счастья

В жизни не было мне и нет.

Год качнул крылом — и не видно.

Годы-лебеди, вы куда?..

Жить в самом лишь себе — постыдно.

В людях жить — беда не беда.

Анатолий ГРЕБНЕВ

Анатолий Григорьевич ГРЕБНЕВ родился 21 марта 1941 г. в селе Чистополье Кировской области. После средней школы окончил Пермский медицинский институт, а затем в 1976 г. – Литературный институт им. А. М. Горького (заочно).

Работал врачом в участковых, городских больницах Кировской области и города Перми.

Первые стихи были напечатаны в 1959 г.

Член Союза писателей с 1978 г.

Лауреат областной премии им. А. Гайдара.

КРУГОВОРОТ

Уж каркал ворон над Россией,
когда отец мой

до зерна
посеял поле

ржи озимой
и позвала отца
война.

И всколосилась даль сквозная
в четыре звонкие конца!

Когда косили рожь,
отца
скосила пуля разрывная.

Но каждый год,
но каждый год,
поднявшись нивой животворной,
земной

вершат
круговорот
отцом
посеянные зерна.

Не в те ль времена Святослава,
в моем древнерусском краю
я вижу,
как мальчик кудрявый
бежит босиком по жнивью.

Бескрайней подхваченный волей,
держа в узелочке обед,
бежит он по желтому полю,
которому тысячи лет.

Известно уже мальчугану
зловещее слово – война.
Отец его –
в битве с врагами,
мать – в поле с темна до темна.

Той, давней,
но памятной яви
я, видно, забыть не смогу.
Не я ли тот мальчик,
не я ли
в страду к своей маме бегу?

Не я ли тем августом ясным,
хоть ростом – всего в полснопа,
стараюсь завязывать свясла
и ставить снопы на попа.

Не я ли у дня на изломе,
колосья зажав в кулаке,
уснул в золотистом суслоне,
как в сказочном том теремке.

И мать моя – мать-Россия,
солдатка, горюха, вдова,
над будущим пахарем-сыном
забылась в слезах у жнитва.

9 МАЯ

Хоть пули давно отсвистали,
но в шелесте скорбном —
до звезд
из русских костей прорастает
печаль надмогильных берез.
Той боли забвенье не спрячет —
она не просохнет в крови.
И снова ликують и плачут
у братских могил соловьи.
Гремят соловьиные хоры
в рассветной редющей мгле,
смыкая и радость
и горе
на майской победной земле.
И пыль с дорогого портрета
смахнет полотенцем вдова,
в тоске одиноких рассветов
все той же любовью
жива.
Ах, мама!
Вернешь ли обратно
счастливые годы свои!
Гремят
над Россией
набатно
минувшей войны соловьи.

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

Ивану Байгулову

Разве будет земля эта пухом,
если мерзлая – друг мой, прости! –
в крышку черную тяжко и глухо
из моей упадет горсти?

Как тут надвое сердцу не рваться?
Гляну в узкую тесную тьму –
разве мыслимо там оставаться,
оставаться совсем одному?

Разве есть утешение в плаче?
Каждый скорбную думу таит,
потому что ведь так иль иначе
то же самое всем предстоит.

Зарекаюсь бороться с судьбою
и молю об одном только я:
чтоб в мой час,
 как сейчас над тобою,
так же тесно стояли друзья.

И, украдкой глаза вытирая,
мой последний оплакали путь.
Ах ты, мама,
 землица сырая,
понежней к нам, родимая, будь!

У ОТЦОВСКОЙ МОГИЛЫ

Опять я сорвусь и поеду,
тревожимый прежней тоской,
по старому горькому следу,
в деревню за Волгой-рекой.

Проеду,
 пройду пол-России,
но долгие версты не в счет:
как будто какая-то сила
меня в это место несет;

как будто какая-то сила,
под сердцем схлестнув времена,
у братской безмолвной могилы
рывком остановит меня.

У этой могилы я встану —
ну вот

 и дороге конец.
И тихо я
 в землю врастаю.
Ты слышишь ли сына, отец?..

Вскипят перед бурей деревья,
и стихнет все в мире опять.
Расколется молнией время,
и дрогнет,
 и ринется вспять.

Могильные камни колыша,
подземный прокатится гул.
«...Я слышу, сынок, тебя,
 слышу,
да выйти к тебе не могу».

«Отец, мне тебя не хватает,
а то бы я славил житье.
Мой сын без тебя подрастает,
Я дал ему
имя твое...»

«Сынок, есть у жизни пределы.
Обнять мне тебя не пришлось.
Врастают в пробитое тело
коренья могильных берез.

Но если, как искрою, высечь
Из тьмы нас
живою слезой —
поднимется нас десять тысяч
из этой могилы со мной».

МАТЬ

То ли дождик во мгле
припускает,
то ли во поле
вихорь ревет –
плачет мама моя,
причитает,
проводжает меня до ворот.
Мать, не надо!
Я снова приеду.
Но не слышит,
за мной семеня.
Что-то шепчет еще
напоследок
и тайком еще
крестит меня.
И опять ее плач
отдается
обжигающей болью во мне.
А она отстает,
остается,
исчезает
в дымящейся мгле.
Мать, прости мне.
Слова неуместны.
Эту боль
не излечат слова.
В восемнадцать ты –
лебедь-невеста,
в тридцать лет ты –
кукушка-вдова.
И, с оравой, мал мала меньше,
началось оно,
это житье,
что по тяжести
каторжной
женской
уж скорей не житье,
а бытье.

Ты в заботах без ласки
строжела,
но и нынче,
скорбя в тишине,
ты отца,
что лежит подо Ржевом,
привечаешь,
живого,
во сне.

Мать, прости мне.
Нас вдаль разметало.
Век свистит,
наши дни торопя.
Эта горькая память,
не старясь,
пусть хранит, как и прежде, тебя.

* * *

Отец погиб в бою за Волгу.
Война давным-давно прошла.
Но мать почти полвека долгих
Еще жила, еще ждала.

Не ведал он про вдовью старость.
И в нем, с минуты смертной той,
Она, как светлый сон, осталась
Далекой, милой, молодой.

Меня сомненье глухо гложет:
Как в том заоблачном краю
Солдат узнать в старухе сможет
Жену желанную свою?

ПРОГУЛКА С СЫНОМ

Пойдем со мной – какие разговоры!
У нас в такую пору каждый год –
и кисленки,

и луку лугового
на заливных лугах
невпроворот!

И по всему невспаханному полю –
хочу я,

чтоб испробовал и ты, –
среди стерни

растут в такую пору
форсистые и вкусные песты.
А чуть попозже – как не удивиться!
Как говорится,

только наклонись:
паслен и клевер,

дягиль,
медуница,
и заячья капуста,
и анис!

Вот только хлеба не было
ни крошки,

Дай бог,

чтобы тебе не довелось –
с крапивою и куколем лепешка
все горло исцарапает

до слез.
Ты от меня узнай, а не из книжек –
тогда,

едва не сваливаясь с ног,
траву Россия ела,

чтобы выжить,
чтоб ты сейчас

без горя жил,
сыночек!

Где ж та удаль, что шла подбоченьясь,
Где ж те песни, что чудились мне?
Почему, как последний лишенец,
Прохожу я по отчей земле?

Почему на земле этой древней
Торжествует по-прежнему зло?
Так же грабят и гробят деревню,
Так же грабят и гробят село!

Те же древние страхи и страсти —
Как бы завтра вконец не пропасть.
Так же рвут горлопаны на части
Трижды клятую пахарем власть.

Об утратах почти не жалея,
Постою у старинной межи.
Ничего нет на свете милее
Безыдейного шелеста ржи!

Иван ЛЕПИН

Иван Захарович ЛЕПИН родился 21 августа 1939 г. в деревне Красавка Поныровского района Курской области. Рано лишился родителей, воспитывался у сестры. После пятого класса поступил в ремесленное училище, получил семилетнее образование и профессию токаря.

С 1956 г. — на Ново-Горловском машиностроительном заводе. Токарь, слесарь-ремонтник, разметчик. Здесь работал и одновременно учился в школе рабочей молодежи и посещал занятия литобъединения при редакции городской газеты «Кочегарка».

Получив аттестат зрелости, поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. В 1969 г. переехал в Пермь. Работал редактором, старшим редактором Пермского книжного издательства Перми.

Член Союза писателей с 1978 г.

Ушел из жизни 17 июня 1992 г.

БАЛЛАДА

Деревню нашу обошла война,
не тронута фашистами она:
у нас остались целы хаты все,
что редко в среднерусской
полосе.

Добита ненавистная война.
Пролита нашей кровушки сполна.
Домой с Победой из родных полков
вернулись вскоре...
восемь мужиков.

А тридцать
пали за тебя,
страна.
Деревню нашу обошла война...

В саду колхозном летчик похоронен.
Все лето на могиле —
ноготки.

Железный обелиск предельно скромн —
спят под такими целые полки.

Никто его фамилии не знает —
он умирал в горячечном бреду.
Враг над деревней нашей
небо занял,
а он вернул.
И вот лежит в саду.

Ни орденов при нем
и ни медалей...
Но помню я большое торжество:
мы клятву пионерскую давали
над тихую могилу его.

Ему мы пели солнечные песни,
мы думали под первый в жизни марш:
не главное,
чей был он —
курский,
пермский, —
а главное,
что был он летчик наш.

И до сих пор он в памяти —
героем
живет,
годам прошедшим вопреки...
В саду колхозном летчик похоронен.
С землей давно его могила вровень.
Цветут на ней все лето ноготки.

ХЛЕБ

Хлеб наш черствый
был черней полночи —
пополам с мякиной,
с лебедой,
пополам с военной бедой...

Но тогда мне и другой
запомнился.
Источал по хате он неслыханный
и неповторимый аромат.
Немец смачно в рот его запихивал,
Как обойму в страшный автомат.

Белый хлеб!
На нем лоснилось масло.
Немец с наслаждением жевал.
Только он подмигивал напрасно:
попроси,
мол.
Нет, не купишь красных!
Я до боли челюсти сжимал.

Я крепился,
пальцы рук ломая...
Немец слопал хлеб свой наконец.
И шептала еле слышно мама:
— Молодец,
Ванюша,
молодец...
Молодец,
сыночек,
молодец...
И глотал я слезы,
как свинец.

1947-й

Он вспоминается,
как вскрик,
и вздрагиваю я,
не скрою...

Мне — восемь лет.

Отец погиб.

Мать умерла.

Я жил с сестрою.

Еда все лето —

лебеда,

день изо дня —

все та же кухня.

Да на беду

еще беда:

В деревне многие опухли.

И я опух.

Ручищи — во,

мордашка —

словно рос на булках.

Палило солнце в небе гулком,

трава,

деревья —

все мертво.

Но мы,

сироты той войны,

в запасе жизнь теперь имели...

И шлялся без работы мельник.

И больше нас

ждал новины.

И на последние рубли

Сестрица к школе мне

не булку —

штаны с рубахой

да обувку...

Сорок седьмой —

вблизи,

вдали...

* * *

Пахали больше на коровах
поля колхозные тогда.

Солома с крыши
да полова –
Вот вся буренушек еда.

В плуги впрягали их
и в сохи
(о, труд послевоенных лет!).
Морщины на лицо эпохи –
не борозды – ложились вслед.

И нашу тихую комолку
пахать сумели приучить.
По вечерам она негромко,
бывало,
в стойле замычит,
как бы оправдываясь слабо,
косясь на впалые бока,
что нынче снова принесла нам
не больше кружки молока.

* * *

Война...
В солдата целится солдат,
Взвихряли землю смерчи из свинца.
А я чем был в три года виноват?
За что убили у меня отца?

Я никому и пальцем не грозил,
И ничего чужого не просил,
Я только хлебом бредил без конца.
Ужель за это у меня отца?..

А он еще ко мне приходит в сны...
И –
Пот холодный с моего лица.
Идут десятилетия без войны,
Все ближе тень погибшего отца.

Половодье войны унесло
всех родных моих,
я же остался
и,
как птица
 с подбитым крылом,
тщетно силясь
 взлететь,
трепыхался.

О, сиротское детство!..

Все ж
я и ныне не верю,
что выжил...
Кто сухарь нес,
кто —
пару галош,
кто —
листочки потрепанных
книжек.

Земляки выручали меня,
Боль мою затворяли на ставни:
— Коль подумать,
мы все —
родня.
Не горюй,
в беде не оставим.

В каждой хате —
ты кровный,
наш,
и долги отдавать не усердствуй....
Что взамен им сегодня дашь?
Можно —
сердце.
А хватит ли сердца?

СТАНОВОЕ

Алексее Шитикову

Становое,
Становое...
На таких вот Становых
с непреклонной головою
Русь стоит с времен седых.
Тут истоки мощи нашей
самых-самых чистых проб:
что ни хата —
хлебопашец,
что ни хата —
хлеботорб.
Но внезапно
вражьей черни
тень упала на село:
что ни хата —
извещение
в рамке траурной пришло.
Мы в войне ожесточенной,
на путях ее крутых
целых двадцать миллионов
потеряли становских.
Но отец твой
той весною,
улыбнувшись небесам,
«Победило Становое!» —
на рейхстаге написал.
И опять шумит пшеница
среди обугленных полей,
а в садах чарует птица —
мирный курский соловей.
Мужики о жизни бают —
про коров, сенаж, овсы...
И никто не забывает
завести в дому часы.

9 МАЯ 1945 г.

Как будто ожидали чуда —
на митинг стар и млад пришел.
И удивлялись сами:
люда
в селе,
что в городе большом.

А ребятня носилась с гиком,
и распаляло крепче то,
что не бранился
и не шикал
на нас,
озорников,
никто.

Но вот притихли все.
И ветер
в ряду переднем знамя взвил.
И председатель сельсовета
Победу нашу объявил.
Потом с трибуны выступали
вчерашние фронтовики,
и бабы слезы утирали,
и зло курили мужики.

Как будто боль им лили в душу
и жгла она,
нещадно жгла.
Потом оркестр играл «Катюшу»
и молодежь плясать пошла.
А ребятня опять меж взрослых
носились вскачь,
удивлена,
что вдруг окончилась так просто
и даже весело
война.

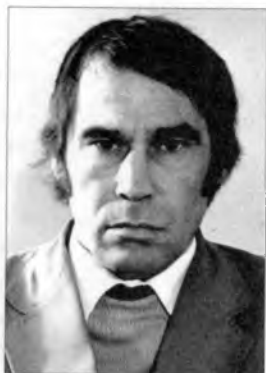
Виктор БОЛОТОВ

Виктор Мартынович БОЛОТОВ родился 6 января 1941 г. в городе Балхаш Казахской ССР. После гибели на фронте отца семья переехала на Алтай, на родину матери. Окончил школу, служил на Тихоокеанском флоте. Работал в районной газете на Алтае, в Новосибирске, в многотиражке Березниковского титано-магниевого комбината.

В 25 лет издал первый сборник стихов «Наедине с людьми».

Член Союза писателей.

Ушел из жизни 11 июля 1978 г.

БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ, ЗЕМЛЯ

Благословенна будь, земля,
мне силы давшая и душу.
Ты в путь-дорогу позвала,
и вот я – путник твой идущий.
О, Родина, любовь моя...
Простор, пшеницею шумящей.
И даль, зовущая меня,
и чувство горечи щемящей...
То чувство неподвластно мне,
вдруг ранит душу тихой болью.
Ведь каждый вздох
и взлет в стране
рожден одной к тебе любовью.
У горя считаны часы.
Не наведу излишней тени.
Следы от маминой слезы –
и на космической ступени.
Я – путник, я иду к тебе.
И ты горишь светло и ало
в стихе, в любви, во всей судьбе
тревожным светом идеала.

СЕЛЬСОВЕТ 46-го

Сельсовет послевоенный

Пламя

памятных годов:

тут огонь

семилинейный

жгли до третьих петухов.

Степь да степь

впотьмах лежала,

волки были во снегах,

но Совету надлежало

все обдумать,

что и как.

И считай, что все на свете

знали в нашем сельсовете!

Не от умных

агитпропов

всяк историю постиг,

географию Европы

тоже знали не из книг

уцелевшие от смерти —

только их и не взяла —

семь мозгов и семь кисетов,

семь воителей села...

Сельсовет табак курил,

разговоры говорил.

Тут знакомы-раззнакомы,

кровью сроднены вполне,

обсуждались

Жуков,

Конев —

сослуживцы по войне.

Круто и неоднократно

за каких-то пять минут

политическую карту

перекраивали тут!

Одноногий председатель
проницательно молчал,
а его дружок-приятель
на Америку серчал!
Степь да степь
впотьмах лежала,
волки выли по ночам,
но в мозгу –
одна держава
и не место мелочам!
Самосад в кисет сминая,
заикались и про то,
как нагрянет посевная.
Отвергали:
– Это что!
Только
в мировой лавине
бились
в тишине сельца
их военно-полевые
воспаленные сердца!
Затянув
ремень потуже,
в день вступали трудовой.
На краю беды-бедущей.
На своей передовой.

ВОСПОМИНАНИЕ О ФЛОТЕ

Прохожу по дальним берегам,
по хребтам
могутно спящих сопок.
По границам, граням и годам,
в нашу память
вписанным особо —
молодостью,
песнею, судьбой...
Нас качает
ветер океана,
залихватский,
праздничный, шальной,
но — идем,
железный шаг чеканя!
Жизнь проста —
и вечность впереди.
Мы идем, как волны в океане.
Жизнь проста!
Лишь Родина в груди,
мы одно — и сердце и дыхание!
...Нелегко
узнать самих себя:
так, как пелось,
больше не поется.
Лишь в груди, как прежде,
отдается —
молодость,
и песня, и судьба...

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ХОР

Какому б ни быть разговору
вокруг громогласных имен,
но только народному хору
душа отдается в полон.
Раздвинут дворцовые стены,
и в бархатный их полумрак
ворвутся вдруг степи да степи
и думой объятый Ермак...
Какие бы песни ни пели –
бывают и ноты не те! –
но древняя спевка артели
звучит в них во всей полноте.
В заснеженном Доме культуры
под музыку ветров степных
я видел, как трудно колдуют
над песней прабабок своих.
Доярочки и педагоги –
в лубочном румянце щека –
старательно ищут дороги
к старинной душе ямщика.
И песен слова повторяют –
забытых, далеких, родных...
Старушки слезу утирают,
когда консультируют их.

ПАМЯТЬ

А те года, те годы —
все идут...
Им никогда не изойти, кончаясь.
Бойцы непостаревшие бредут,
от неизменной тяжести качаясь...
Там ничего уже не изменить
ни времени, ни человеческой воле:
стоит июль, и раскален зенит,
лежит солдат посередине поля.
И машет мама медленным платком —
бредут бойцы,
им нет конца и края.
И щурит очи
сумрачный нарком,
поля, фронты и души озирая.
Однако же какая тишина...
Года идут все по тому же кругу.
Без звука та же
падает стена,
гремят бои, а —
не слышать ни звука.
И вновь бойцы бредут...
И в тишине
те годы долгий счет свой
обозначат:
мужчина глухо закричит во сне,
и женщина, бессонная, заплачет.

ПРЕДКИ

Такие же люди, что и мы,
но только канувшие в Лету,
они нам кажутся людьми
как на подбор – одни атлеты.
Куда до них да нам с тобой
при всем-то их авторитете:
парит над ними Дискобол
уже которое столетье.
Они живут и в наших днях,
последний подвиг свой содеяв –
над миром брэнности подняв
своих героев и злодеев.
Они пред нами предстают,
на вечный бой и славу вышед,
без наших болей и простуд,
прямей сердцами, ростом выше.
И, собственно, как ни крути,
они сильнее всесторонне:
талантливее их вожди,
практичнее их Цицероны.
И, скажем, тут без дураков,
им есть по праву чем гордиться:
прослойка в несколько веков
под их сандалями пылится...
Их распри, будни – все во мгле:
от их решительного шага,
как вечный праздник, на земле
остались
гений и отвага.

Торжественность
военных ритуалов!
Все замерли.
Нисходит генерал...
А впрочем,
дела нет до генералов.
Тут царствует и правит
ритуал.
— Равнение налево! —
седоватый
командует полковник.
Миг — и вот
произвели, как учено, солдаты
голов необходимый поворот.
Полковник
руки приложил как надо.
Одна — к бедру,
другая — к козырьку.
Чеканит шаг.
А шаг согласно ладу —
под барабан.
Молчание в полку.
Все лица, словно лики, величавы.
С усердием сопит мой друг-сосед.
Дыхание и доблести и славы
Неуловимо веет надо всем...

КОГДА УСЛЫШУ МАРШ ВОЕННЫЙ

Когда услышу марш военный...
А он в неслыханной тиши
гремит, гремит во всей Вселенной
до уголков моей души.
И, полный грусти изначальной,
прощальной грусти всех времен,
любимый голос твой печальный
услышу в нем,
услышу в нем.
Узнаю в громе барабана
свои нелегкие шаги.
Увижу поле,
поле брани,
сотру кровинку со щеки.
А дом родимый – за плечами,
и сердце – сжатое в тиски.
Две доли –
мужеской печали
и вдовьей боли и тоски.
В притихшем мире – громыхает!
Но на груди у тишины
он тихо-тихо затихает –
солдатик, на груди жены,
сквозь сто смертей
вернувшийся с войны...

МЕМУАРЫ

Есть прелесть в любых мемуарах,
загадки причудливый сплав
с судьбой, что уже миновала
и вновь ожила, миновав...
Высокое мужество сердца —
дожить до глубоких седин
и снова —
по собственным срезам,
сквозь время —
один на один...
И снова окажетесь в детской,
где темная тайна тепла.
Да, детская,
если взглядеться,
пожалуй, и вправду была.
Хотя и поверить не просто,
но руку продень в полумглу,
и милые братья и сестры
еще притаились в углу.
Потом уже несколько голо:
гимназия, первый арест...
Поспешный словарь протокола
имен, и событий, и мест.
Потом уже, если удастся,
мы смутно во мгле разглядим:
душа —
уголок государства —
сквозь огненный грохот и дым...

Виктор ШИРОКОВ

Виктор Александрович ШИРОКОВ родился в 1945 г. в Перми. Окончил Пермский медицинский институт. Работал врачом, служил в Советской Армии. В 1976 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работает журналистом.

В 1974 г. в Перми вышла первая книга его стихов «Рябиновая ветвь». Затем в Москве были изданы сборники «Поиски весны» и «Рубеж». Немало сил поэт отдает художественному переводу.

* * *

Я к тебе обращаюсь,
Наставница строгая – Армия,
Всех надежд наших лучших
Защитница верная – Армия!
И стоит за простыми
Открытыми строками – Армия –
Чувство гордости русской
За славу твою беспримерную!
Сколько вражеских полчищ
С земли нашей выставила,
Сколько сел, городов
Отстояла,
В сражениях выстояла!
До земли тебе, Армия,
Низко кланяюсь –
Чем порадую?!
Ты прими в сыновья,
Послужу тебе
Верою-правдою!

ОТЕЦ

1

У отца – застарелая рана.
Что ни дело – с натугой, с трудом.
Но – от боли – проснувшийся рано,
он обходит стареющий дом.
И обводит хозяйственным взглядом
стены, плинтусы, пол, потолок:
Все ли сделано, все ли, что надо?
Что еще он сработать не смог?
Сын уехал, прижился у тестя,
стал отрезанный вроде ломоть;
жил бы здесь – все бы стало на место,
перестало бы сердце колоть.

2

Старику моему одиноко.
На работе жена.

А дочь
целый день в институте...
У окон
с кошкой, что ли, сидеть?!
Невмочь.

Не умеет без дела.

Собрался
и, надев полушубок, с утра
два часа у ворот «огребался» –
снег валит, и все дуют ветра...

3

Снег слепящий, колючий, сыпучий,
чуть огреб – наметает опять,
так и мысли нахлынули тучей –
и работою не разогнать.
Май придет – с огородом забота:
и удобрить,

и перекопать.
Попросить на подмогу кого-то?
Самому?..

Отвлечется опять.

Три броска – деревянной лопатой.
От работы занает спина...
И другие припомнятся даты,
и очнется под сердцем война.

4

Госпитальные жесткие койки.
Холодна белизна простыней!..
Нет, ничто не забыто.

Нисколько!

Все со временем стало видней.
Тяжесть самой тягчайшей работы
с очень кратким названьем – война.
Болью в сердце, тревогою, потом
до сих пор обжигает она.
Нет, и здесь – у замерзнувшей Камы –
боль не скрыть, не сломить, не снести...
Зарастают окопы, но шрамы –
никогда им не зарости.
Вот и мысли о лете не лечат.
Что-то медлят сегодня часы.
Может, сын постучится под вечер,
навестит...

Хорошо, когда сын...

И, поставив лопату к ограде,
снег смахнув с полушубка рукой,
в дом заходит, не сетуя на день.
Век не ведал бы слова «покой»!
Что ж, пожалуй, время обеда...
И на стол собирает еду...

5

...Я сегодня опять не приеду.
Снежной тропкой к отцу не пройду.
Быстрой жизни проста теорема:
днем – работа, а за полночь – сон...
Только в отпуск и выберу время
попроведать, отвесить поклон...

Он поймет.

И простит.

И беседу

не спеша за столом заведет.

«Вырос парень... —

Нагнется к соседу. —

Ох и рослый же нынче народ!»

В огороде покажет клубнику,

огурцы, парниковый уют.

«Как, сыночек, живем?..

Погляди-ка!»

И глаза на мгновенье блеснут.

6

Ветер в окна с разлету стучится,

словно хочет войти человек...

Мне и за полночь нынче не спится.

Дверь открою...

На улице снег...

ПОКОЛЕНИЕ

Взрослеет наше поколение
Родившихся в конце войны,
Уже стремимся к покорению
Небес,
Тайги
И целины.

Широкоплечие —
Запальчиво
Спешим
В хозяева земли...

А все ли помним,
Чем заплачено
За то,
Чтоб так мы жить могли...

А в ту,
Великую Отечественную,
Под орудийный разной
Ребята,
Не дожив до отчества,
Шли в первый,
Шли в последний бой.

Не ради славы или ордена
Шли,
Презирающие смерть —
Во имя Родины.
И Родине,
И нам
Забыть их не посметь!

Как позабыть
Те годы горькие,
Когда в любой семье страны
Хранятся письма-треугольники,
Осколки горестной войны!

Мы
Эти фронтовые письма
Как завещание
Храним,
Поем отцов лихие песни,
Но с чем-то внутренним
Своим.

Работаем,
Дела иные
Встречая на пути своем,
И только Родину
Россией
Все так же ласково
Зовем!

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Нам черный хлеб порой в новинку,
И мы отыскиваем в нем
То запашистость,
То свежинку,
Забыв как будто о былом, —
Когда от лебеды был горек
Хлеб даже красных годовщин;
Хлеб сам напомнит,
Как историк,
Как был он хлебом первых строек,
Правдивой сеткою морщин.

Вкусив сполна работы черной,
Мы видим,
Как мечта светла,
Как с каждым годом все упорней
Творятся новые дела.
Когда присядем в спецодежде
Мы на привале трудовом,
То достаем его,
Как прежде,
И этот черный хлеб надежды
Руками чистыми берем!

ДУБОСЕКОВО, ПОЛЕ БРАННОЕ

(Из поэмы)

*« — Что знаю о своем отце? Мне не было и четырех лет, как началась война. Отец уходил на фронт летом 1941 года. Он тогда сфотографировался со мной, тот снимок сейчас в Центральном музее Вооруженных сил СССР. На еще мокром негативе выцарапал буквы: «И за будущее дочки ухажу я на войну». Надпись звучит как поэтические строки. Отец сочинял стихи...
Каким был отец, знаю по рассказам матери, родных, панфиловцев, с которыми он воевал...»*

*Из рассказа дочери Василия Клочкова.
Газета «Правда», 1974, 5 марта*

Дубосеково. Разъезд.
Стрелки. Насыпь. Шпалы. Рельсы.
Без конца из дальних мест
здесь в Москву проходят рейсы.
Выйди. Почву тронь ногой.
Зазвенит она, как камень.
Взбудоражена войной
и овеена веками.
Вслушайся, такая тишь!
Простучит состав, и снова
на ушедшее глядишь,
видишь признаки былого.
Наклонись. Земли комок
заверни в платок. Не надо
слез и клятв. Вдохни дымок
разорвавшихся снарядов.
Проведи рукой. И впрямь
жжет и режет, как осколки.
Ощути сегодня сам —
сколько пуль и павших сколько!
Как походные ремни,
перекрещенные строго,
здесь сошлись слова и дни,
люди, судьбы и дороги.

Здесь, на подступах к Москве,
высшею проверкой стали
мужество людей, идей
схватка, бой сердец и стали!

*

Война пришла кино и книгой,
еще была «война» – игрой,
вот так я встретился с Великой
Отечественною войной.
Что я слышал о настоящей
от очевидцев?..

Мой отец
лишь нынче вспоминает чаще,
как ранило, как жег свинец,
как пять тяжелых операций
он перенес, как на столе
пять раз случалось оказаться...
Но это лучше, чем в земле.
В мой мир война врывалась книгой,
взрывая мозг, лишая сна.
Запоминал тогда я мигом
героев наших имена:
Дубинин. Кошевой. Матросов.
Панфиловцы. В пятнадцать лет
вставало множество вопросов,
и я на все искал ответ...

*

...Немцы шли, как на прогулку.
Крупным шагом.
В полный рост.
Эхо вздрагивало гулко.
Шли на собственный погост
возле русского окопа.
...В жуткой, мертвой тишине
свист стегнул. Пошла работа.

Молотьба. Косьба. До пота.
Как траву на целине,
выкосили фрицев ближних...
Следом новые спешат...
Крика своего не слышно.
Ад.
Вот схватились в рукопашной
двое. Дышат тяжело.
Пар над каждым, как над пашней.
В крупных каплях потный лоб.
Вот казах бутылки мечет
в танк с драконьей чешуей...
Полдень, а похоже, вечер:
расстелился дым густой.
Все смешалось в едком дыме.
Но Клочков вдруг увидал
танк, на миг подъятый дико
на дыбы... И вновь пропал
зверь стальной. Катилось ржаво
металлическое ржанье!

*

Снова небосвод алеет.
Кажется, и бой слабеет.
Передышка.
Посчитались:
наших — девять...
тридцать — тех...
Восемнадцать танков встали —
первый горестный успех...
...Кого нет - тех
помнить ВЕЧНО!
...Конкин, Емцов...
всем ПОКЛОН,
самый низкий и сердечный!..
Первый в том бою урон.

*

А бой не закончен... Взгляните,
врагами закрыт горизонт.
И рвутся с Отчизною нити,
и сузился маленький фронт.
Фашистские грузные танки
похожи на вздувшихся жаб,
фашистские топчут останки,
меж трупов фашистских кружат.
Второй эшелон. Горы стали
с землею мешают людей.
Солдаты смертельно устали.
Скорей бы уж, что ли, скорей...

Разносится четко и мерно
звнящего голоса медь:

«Друзья!

Нам придется, наверно,
на этой черте умереть!
Огромна Россия, а все же
нельзя ни на шаг отступить!
Москва позади! Это то же,
что дочка, жена или мать.
Москва позади! Это больше,
чем дочка, жена или мать.
Да есть ли великое столь же?!
Нельзя ни на шаг отступить!»

*

Простившись последним объятьем,
с тревогой и болью в глазах
погибли, как кровные братья,
москвич, украинец, казах...
Погибли не только герои,
но с ними ушли навсегда
огни несвершившихся строек
и звездных миров города.

Стихов недописанных яркость,
все, что накопилось в душе, —
все сплавилось, вылилось в ярость
на том огневом рубеже.
Под танком взорвался Василий,
поэт, политрук, человек...
Кровинка великой России
скатилась на смерзшийся снег...

КОГДА-НИБУДЬ ВСПОМНЯТ

Без точки.

Он верил в народ и страну.

И ЗА БУДУЩЕЕ ДОЧКИ
УХОЖУ Я НА ВОЙНУ

Мы – дети лет послевоенных,
а что мы знаем о войне?
В своих вопросах откровенных
мы узнаваемы вполне.

Что нас влечет, зовет и мучит?
Понятия добра и зла
не только книжны и научны –
к нам память крови перешла.

Живем тревожно, беспокоясь
за поколение свое...
О наша память – наша совесть,
мы не свободны от нее!

Единственная несвобода,
что человечеству нужна!
Нам памятнее год от года
Отечественная война.

И мне, ровеснику Победы,
сегодня не заснуть опять.
Спешу по фронтовому следу
в те годы - тех людей понять...

Нина СУББОТИНА

Нина Ивановна СУББОТИНА родилась в г. Свердловске. Окончила филологический факультет Пермского государственного университета. Работала в Пермском медицинском институте. Стихи публикует с 1967 г. Печаталась в коллективных сборниках «Молодой человек», «Современники», «Княженика», «Город на Каме», «Истоки».

ОГНЕВУШКА

Дед мой спину всегда выправлял над бедой,
Над войной, голодухой и прочим.
Все летят с языка развеселой лужгой
Прибауток любимые строчки.
— Нету кур — не горюй, ведь осталось перо,
Будет внучке на свадьбу подушка.
Не гляди, что у нас на Урале серо,
Поищи-излови Огневушку!
Разгорится в душе золотишкой мечта,
Что скакала девчонка над кладом,
С полной торбой пойдешь — и не влезть в ворота,
От упрямства мечта станет правдой.
Ты ищи Огневушку, ищи ее след,
Ты готовь для удачи сети.
И, как дети, светло улыбается дед,
И, как дед, улыбаются дети.
Не сберег дед на свадьбу мне, что говорить,
Ни полушки, ни пестрой подушки,
Только слово его самоцветом горит
И все пляшет его Огневушка!

ОРЛЕНОК С АЛОГО ПОЛЯ

Молчаливое Алое поле.

Алый всполох над горькой ольхой.

Пойман-связан — в последней позе,
в командирской папахе большой...

Как отстал ты от красных конных,
убежавший от мамки пострел?

На рассвете кончаются войны.

На рассвете — расстрел.

С глаз гранитных росу ночную

Не смахнуть кулаком сухим.

А тогда, не плача, качнулся
и упал...

По веревкам тугим

свято тихие росы льются.

Но ворвется к мальчишкам другим

вечный реквием революций

как живой революции гимн!

* * *

Болезнь не дает мне забвенья,

Но чувствую я не свои —

Твои пулевые раненья,

Навылет раненья твои.

В тревожную ночь после боя,

С надеждой встречая рассвет,

Не знал, что твоею судьбою

Я стану, спустя тридцать лет.

О, как понимаю я нынче,

Не тронутая войной,

Что ты для меня был вынянчен

Военной сестренкой одной.

И брежу я, как в медсанбате,

И, словно крылом осеня,

Та девочка в белом халате

Спасает сегодня меня.

«КУПИЛИ ВАНЕ...»

Она пришла наутро, как обычно,
Воротничок был выглажен и чист.
А в классе на доске под хохот зычный
От наших танков убегал фашист.
Дежурный стер рисунок, сожалея,
Приготовляя доску для задач.
И класс замолк,

немножечко взрослея
В предчувствии удач и неудач.
Она взяла с доски кусочек мела:
«Купили Ване яблок полкило,
Он разделил...» —

Внезапно побледнела,
Болезненно дыхание свело.
«Считайте, сколько у него

осталось?» —

Ученики склонились, как один.
А в сердце у нее опять металось:
«Купили Ване... Ваня, Ваня! Сын».
Она, сутулясь, отошла в сторонку,
Глядела в палисадник под окном
И трогала в кармане похоронку,
Не веря слову страшному о нем.
В каникулы швырял на шкаф

задачник...

И яблок-то почти и не едал...
Ее хороший беспокойный мальчик
Отмаялся, отпел, отвоевал...
Писал ей в письмах фронтовых

нечастых,

Что жив-здоров, что раны ни одной,
Что научился

все делить на части,

Bce.

что случилось с другом и страной.

Делил табак.

Делил горбушку с солью.
А кровь свою до капельки пролил.
И нет его.

И мать диктует с болью:
«Купили Ване...»

Ваня разделил.

ДЕРЕВЯННОЕ СОЛНЦЕ

Сыну Алексею

С холма увидишь Каму, мост и трубы
На городской окраине Висим,
Увидишь дом, узорчатый по срубам,
Домами-этажерками тесним.

Резное солнце – из кругов и клиньев.
Наверно, в доме есть скобленный стол –
Он у скамьи стоит обычно длинной,
Чтобы подсел любой, кто ни зашел.

Наверное, калитка распахнется,
Как только повернешь ты за кольцо,
Ковш для воды немедля попадется –
Захочешь – пей иль сполосни лицо.

Все так и было – и водицы дали,
И сразу потеснились на скамье,
Как будто бы родные долго ждали
Не самого последнего в семье.

Как хорошо, что в городе огромном
И в заводской грохочущей черте
Есть островок, своим укладом скромным
Напомнивший о русской доброте.

Пусть дом стоит, в сегодняшних заботах
С трамвайной околесице дружа,
И в деревянном солнце на воротах
Пускай сияет русская душа!

МАЛЬЧИК

Ой ли, ой, там над полюшком

ЧИСТЫМ

Там забавушка-девушка павой

...Ты впервые читаешь былины,

Ты читаешь о русской силе

Чудодейство сейчас

И, двадцатого века змей,

Дай, былинушка, мальчикам

И мою возьми от меня,

Ты прошла, через пепел, могилы.

Дай, былинушка, мальчикам

Мальчик должен сесть на коня.

Юрий МАРКОВ

Родился в 1945 г. в Перми. После окончания школы работал в шахтах Крайнего Севера, затем – бурильщиком в Березовской нефтеразведке. Печатался в различных газетах, в центральных литературных журналах и коллективных сборниках.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Сидит над упавшей звездой,
Что вечным огнем дотлевают,
Бродяга совсем молодой
(в морозы огонь согревает).
Он камни святые поправил
И дремлет в двадцатом столетии.
За что ж его дед воевал?
За что ж его прадеда плетью?!
Тепло от убитых идет.
Бродяга – не вор, не убийца...
И рядом библейская птица,
Нахохлившись, корочки ждет.

* * *

Опять мы — воздушный десант,
Заброшенный в чащи России.
На несколько дней провиант,
Чтоб ноги по свету носили.
Мы рвемся в глубины земли,
Мы строим временки и трассы,
Чтоб где-то машины прошли
И в небо впечатались асы.
Завязнув, режут трактора.
И лист на стекло ветровое
Слетит и возьмет за живое,
Напомнит: в дорогу пора...

* * *

Опять хоронят человека
И давит музыка в окно.
Сопланетянин легче снега
Идет торжественно на дно.
За ним закроются ворота.
По эту сторону друзья
Бутылку в сорок оборотов
Откроют молча, как князя
С полотен Нико Пиросмани.
Помянут друга своего
С тяжелым чувством: ну, а сами,
Далеко ль сами от него?
И выйдут в ночь,
Она, как Мекка.
Для всех, кто рвет живую нить.
Опять хоронят человека...
Но странно то в кошмарном веке,
Что есть кому похоронить.

* * *

Красное солнце зашло.
Черные тучи сгустились.
Больно, аж сердце свело –
Где это мы очутились?
Ветром с черемух смело
Тонкие, белые шали.
Холод, а в сердце тепло –
Это тепло от печали.
Сквозь дождевое стекло
Гляжу на лесные массивы,
Грустно, а в сердце светло –
Это светло от России.

Алексей ДОМНИН

Алексей Михайлович ДОМНИН родился 24 октября 1928 г. в Пензе. С 1934 г. жил в Перми. В 1946 г. окончил среднюю школу, а в 1951-м – историко-филологический факультет Пермского государственного университета. После этого работал в газетах, на радио, в книжном издательстве.

Печататься начал с 1949 г.

Член Союза писателей с 1967 г.

Ушел из жизни 12 июня 1982 г.

* * *

Сентябрь одет в печаль и чистоту,
И каждый кустик издали заметен,
Кленовый лист цепляется за ветер
И догорает искрой на лету.
А у костра над хмурою водой
Табун мальчишек сбился на откосе:
Им хорошо – что им чужая осень,
Совсем еще не пытаным бедой?
Но грянет звездный час для поколенья,
Для них, которым море по колена,
Настанет срок свою судьбу писать...
Так пусть растут, упрямы и красивы,
Ты приласкай сынов своих, Россия,
Им завтра в путь, им завтра – мир спасти.

* * *

Упал солдат, реку схватил
за горло,
Плечом поля родные пропахав,
И капли пота, крупные,
как зерна,
Разбились в брызги
в пыльных лопухах.

Струилось сердце трепетней
и тише...
Разжались пальцы, вдруг отяжелев.
Уснул солдат воробышком
неслышным
На теплой, нежно дышащей земле.
Она плыла, несла его куда-то,
Омыв ресницы искрами росы.
И токали на сердце у солдата
На двадцать лет отставшие часы.

* * *

Было всякое, жизнь и ломала и жгла
Так, что черные слезы из глаз.
Ни щепотки обиды, ни зернышка зла
Не оставил себе про запас.
И не зря я солдатскую кашу хлебал
И бедой запивал – не вином.
Пусть на поле моем зеленеют хлеба
И звенит соловей под окном.

Блекнут в памяти встречи и даты,
Не вернешь их — зови не зови.
Не пришли из похода солдаты —
Поубавилось в мире любви.
Те же речки в оврагах воркуют,
В путь машины уходят с утра,
А забытые песни тоскуют,
Как бездомный старик у костра.
Непривычен им, песенкам этим,
Городов суетливый уют,
Где отцов не выдавшие дети
Не зовут их к себе, не поют.
Разве вздрогнут, услышав случайно,
Как взахлеб полупьяной души
Вдруг застонет в прокуренной чайной,
На костыль опираясь, мужик —
Про Россию от края до края,
Как плыла по ней черная мгла,
Как шептал старшина, умирая,
Чтоб Маруська его не ждала...
Пахнет ветер грозой и укропом,
И покойно в домах, и темно.
Бродят старые песни по тропам,
Постучать не решаясь в окно.
Распахни им все окна и двери,
Их на праздник к себе позови —
Я не верю, ты слышишь, не верю,
Что убавилось в мире любви.

* * *

Бывает, вдруг надломится душа,
Любовь – и та пройдет с улыбкой мимо.
Нет силы жить, надеяться, дышать...
Но в жизни только смерть непоправима.

Кто знает, где шаги ее слышны?
Вот так однажды соловьиной ранью
Проснется эхо давней той войны,
И в травы я паду, смертельно ранен.

Мой старый друг, поведай, что с тобой?
Еще не грянул наш последний бой,
Нам жить и петь, надеждою хранимым:

И тянет сердце трудный свой возок,
И мир земной просторен и высок,
А в жизни только смерть непоправима.

* * *

Работа – тот же бой неравный:
Себе ни слова не прощать.
Судьбу земли, как боль, как рану,
Тревожным сердцем ощущать...

МАТЬ

Война была долга и холодна.
Стучались в дом коротенькие строчки:
«Пал смертью храбрых...». Замела война
Трех сыновей, найдя поодиночке.

Не глохнет горе. Дышит, как вулкан.
Вулкан, что сразу душу рвет на клочья...
Но сухонькая ловкая рука
Кому-то вяжет теплые носочки.

Вам – люди! Вы – теперь ее сыны.
Вы дети ей по жизни и по крови.
Не доиграйтесь, дети, до войны –
Вас от других напастей мать укроет.

Для них, сынков, старалась и жила,
И лезла, изработавшись, из кожи.
Но сердце, разогревшись добела,
В себе тепло хранить уже не может.

Оно всему подарит по лучу.
Оно весь мир охватывает властно.
У матерей я мудрости учусь,
Суровой, непосильной и прекрасной.

Алексей РЕШЕТОВ

Алексей Леонидович РЕШЕТОВ родился 3 апреля 1937 г. в Хабаровске. С 1945 г. жил на Урале, сначала в Боровске, затем в Березниках. В 1956 г. окончил Березниковский горно-химический техникум, получил специальность горного электромеханика. Долго трудился на калийном комбинате. В 1982 г. переехал в Пермь. Работал литературным консультантом при Пермской областной писательской организации.

Писать начал с 1953 г. Член Союза писателей с 1965 г. Лауреат областной премии им. А. Гайдара. Заслуженный работник культуры.

Ушел из жизни 29 сентября 2002 г.

* * *

Отец мой стал полярною землей,
Одной из многих, золотой крупинкой.
А я хотел бы, в мир уйдя иной,
Вернуться к вам зеленою осинкой.

Пусть в гости к ней приходят грибники,
И целый день звенит в листве пичуга.
А эти вот надежные суки —
Для тех, кто предал правду или друга.

ПЕХОТА

Израненное знамя.
Охрипшая труба.
Седая пыль похода.
Солдатская судьба.
Погода – непогода,
снега или дожди,
Пехота есть пехота.
Иди, браток, иди.
Прожженная шинелька,
худые сапоги.
Короткие привалы,
далекие броски.
Пускай иссякли силы,
утри кровавый пот.
Россия есть Россия.
Вперед, браток, вперед!

...Я, словно птица, хохлюсь,
когда в листках анкет
Пишу о том, что холост,
о том, что деток нет.
Зато всегда с охотой
и с гордой головой
Пишу, что я – пехота,
пишу, что – рядовой.

* * *

Горите, флаги красные, горите!
Я с детства помню слезы ранних вдов,
Заиндевевший громкоговоритель
И снег в морщинах сбившихся платков.
Я помню, как сирена завывала,
Я помню хруст оконного стекла.
Гремели взрывы... В печке остывала
Зола позавчерашнего тепла.
И умещались двести хлебных граммов
На сводке с фронта в двадцать строгих строк.
И первоклассник худенький упрямо
– Мы не рабы! – заучивал урок.

* * *

Голод. Очередь – резина.
За четыре дня вперед
Продавщица тетя Зина
Наши карточки берет.
Вот на хлебную буханку,
Как на кекс или бисквит,
Сняв почтительно ушанку,
Фэзэушница глядит...
Дети атомного века,
Все ли вы защищены
От осколков и довесков
Нашей памятью войны?

* * *

Убитым хочется дышать.
Я был убит однажды горем
И не забыл, как спазмы в горле
Дыханью начали мешать.
Убитым хочется дышать.
Лежат бойцы в земле глубоко,
И тяжело им ощущать
Утрату выдоха и вдоха.
Глоточек воздуха бы им
На все их роты, все их части,
Они бы плакали над ним,
Они бы умерли от счастья!

* * *

Когда стою у Вечного огня,
Когда читаю имена и даты,
Мне кажется – погибшие солдаты
Чего-то ожидают от меня.
Что ж я скажу им – слабый человек, –
Жизнь за меня отдавшим добровольно?
Что я в долгу у них
на весь свой век?
Что мне пред ними совестно
и больно?
Как надо стойко,
мужественно жить,
Не поддаваясь злу ни на мгновение,
Чтоб высшую награду получить –
Убитых молчаливое прощенье.

* * *

В ней золотые жилы не устали
Ждать, что за ними
дерзкие придут.
В ней кости
и зеленые медали
Солдат, которых девушки не ждут.
В ней все, в земле:
начало радуг,
хлеба,
Тонюсенькой черемухи, ручья...
И эту землю
на седьмое небо,
Живой и мертвый,
не сменяю я.

* * *

Ищите без вести пропавших,
Ищите древних, молодых,
Полотна дивные создавших,
В боях Россию отстоявших –
Ищите их! Ищите их!
На душных стенах одиночек,
В полуистлевших письменах
Ищите днем, ищите ночью
Их золотые имена...
Ищите их по белу свету,
Ищите мертвых и живых!
И если всюду скажут: – Нету! –
Найдите их в себе самих.

* * *

Свет звезды, которой закатиться,
Ярок, торжествующ, небывал.
Белый лебедь, прежде чем разбиться,
Так поет, как сроду не певал.
Что короче нашей жизни дивной?
Этим чувством нам и надо жить,
Чтобы было песней лебединой
Все, что мы успеем совершить.

ТИШИНА

Шел дымок от гильз еще покуда,
Снег шипел — и вдруг пришла она,
В дни войны похожая на чудо,
Хрупкая такая тишина.
И совсем по-мирному нежданно
Зазвенел солдатский котелок,
И совсем нежданно на поляне
Кто-то ясно разглядел цветок.
Кто-то, улыбнувшийся устало,
Пожалел и не сорвал цветка,
Будто это тишина стояла
На зеленой ножке стебелька.

* * *

Война прошла, прошла война.
Но барабанным перепонкам
Казалась странной тишина,
Обманчивой, чрезмерно полной.
На кровью политых полях
Уже пшеницу убирали,
Но все еще в госпиталях
Солдаты наши умирали.

* * *

Никогда не забуду,
 как во время войны
Из картошки из мерзлой
 мать пекла деруны.
Деруны на олифе
 и сластят, и горчат,
Но и этому рады
 я и старший мой брат.
Мы сидим в одеялах,
 за окошком мороз.
Письмоносец соседке
 «смертью храбрых...» – принес.
И она прибежала к нам –
 белее стены.
Мать ее утешает...
 И горят деруны.

Валерий ВОЗЖЕННИКОВ

Валерий Леонидович ВОЗЖЕННИКОВ родился 22 февраля 1941 г. в селе Сива Пермской области. В 1959 г. окончил Вережлагинскую среднюю школу, а в 1960-м – школу ФЗО паровозного завода города Вережлагина. Работал токарем в депо. В 1961-1964 гг. служил в рядах Советской Армии ракетчиком.

После армии окончил исторический факультет Пермского госуниверситета (1970 г.). Работает преподавателем истории в школе.

Писать стихи начал с 12 лет. Издал книги стихов – «Берег поля», «Зем-

ля и сердце».

Член Союза писателей с 1990 г.

РОССИИ

Чем заклинала годы долгие?

Околдовала чем опять?

Целую милую и горькую

Твою березовую прядь.

Всплеснешь руками

в млечной ледени,

То жницей во поле войдешь.

Скажи,

в каком тысячелетии

На самом деле ты живешь?

Непостижимую и ясную,

В цвету и в мареве снегов

Люблю –

всегда одну и разную,

Всю – до курильских ноготков.

И ты прости мое отчаянье,

Что не смогу сказать нежней.

Печаль твоя –

моей печальнее,

Любовь твоя –

моей сильнее.

ЗЕМЛЯ И СЕРДЦЕ

За елью ель цветет упрямо.
А сколь меж ними полегло?!
И пишет лес кардиограмму
Земли и сердца моего.
И звезды вечно небо кроют,
И, может, их призванье

в том,

Хоть ни одна из них не стоит
Живой ромашки под окном:
Чтоб нам позорче оглядеться,
В мирах не кануть без следа.
И что Земля?

Что как на сердце –
Одно на всех и навсегда?
Живу восторженно и тяжело,
И на тревожном берегу
Стою в распахнутой рубашке
И сам себя не берегу.
А коль уйду по склону лета,
Так ты, любимая, прости:
Была б жива

Земля-планета

И та, которая в горсти...

* * *

Не кукуй, кукушка, мне так много,
Не сули бескрайние пути.
Знаю, коротка моя дорога,
Да и ту бы вовремя пройти.

Только все ж

шепчу в своей неволе,
Над строкой оборванной склонясь:
— Слово, слово,

путник в чистом поле,
Ты спеши ко мне, не торопясь.
Не кукуй, кукушка...

Может статься:
Ляжет ель кромленной доской...
Смерти не боюсь,
боюсь расстаться
Со своею смертною тоской.

* * *

Когда доверюсь вечной доле,
Не поминай, земля, тот день.
А подними меня на волю,
Во что-нибудь переодень.
Но коль грехи мои не тяжки,
То всей любовью и судьбой —
Хочу в березовой рубашке
Встать у дороги полевой.
Я эти дали помню с детства!
Вот и сейчас о них пою...
И вновь, как прежде,
бьется сердце,
Почуяв родину свою.

Михаил СТРИГАЛЕВ

Михаил Лаврентьевич СТРИГАЛЕВ родился в 1938 г. в маленькой деревушке на Гомельщине в семье крестьянина. Закончил Минский политехнический институт, работал в Перми и заочно учился в Литературном институте им. А. М. Горького.

ИДУ НА ПОИСК

Мне с детства дорог
варяжский волок
и звездный полог над головою.
Я, как историк иль археолог,
иду на поиск, в века — на поиск.

Багряный сполох
в полнеба станет —
ведите к солнцу, следы язычеств!..
Откуда есть-пошла Россия,
мне скажут ветви, скрипя и тычась.

Волной ли Волги,
тропой ли узкой
пойдут навстречу стихи и люди, —
а твой, Отчизна, характер русский
загадкой будет, вовеки будет...

ЗАРЕВА

1

Воды вспять не идут волной.
Вот я Камы касаюсь рукою —
и мерещится: передо мной
Волга выгнула берег дугою.

И мерещится ельник мне,
тихий ельник, сбегаящий к водам.
Вдоль песчаной косы при луне
бурлаками бредут мои годы.

Вот восток разгорелся, горит.
Лба касаются мокрые ветви.
По Владимирке снова навзрыд
плачет в кронах порывистый ветер.

Мчатся птицы, поднявшие крик,
Русь... О родина... Вешние воды...
Вся ты, Русь, — лебединый клик,
журавлиный язык свободы.

2

Вот я Камы касаюсь рукою...
В красном Смольный, деревья, заря.
Комиссары встают предо мною
в заревах Октября.

Лица яростные, в движении —
свежий ветер гудит без конца.
По дворцовым летит ступеням.
Вглубь уходит — в сердца.

Краски буйны, остры, мятежны.
Чуть картавя, у броневика
волжский ветер, хмелящий, свежий,
разворачивает века.

Революции... Пляски зарев...
Ветер Волги – в глазах, в груди.
Сколько красных фронтов впереди?
Как расстрелянных комиссаров...

Да, работа твоя не сладка.
Но я вижу живой мечту:
Русь – как стартовая площадка
перед запуском на звезду.

3

Шли войска через Белую Русь,
и трубач безымянной части
мне трубу подарил на счастье:
– Помни Ленина, карапуз...

Будут ливни и грозы в Русь.
Будет Волги волн колыханье.
Будет ленинское сиянье
и великий людей союз.

Это – в каждом: Октябрь, Коммунизм,
звезд отчаянное свечение,
потому что каждая жизнь
начинается с жизни Ленина!

ЛЕЙТЕНАНТЫ ЗАПАСА

Я снова ладонь поднимаю к виску:
за часовым комендантского взвода
в зеленом бараке стоит начеку
одетая в хаки Работа.

По скулам широким, по сжатым губам,
по детскому подбородку,
по лейтенантским упрямым плечам
течет молодая погода.

В огромных очах день и ночь напролет,
усталые до отказа,
идут командиры бессонных работ,
идут лейтенанты запаса.

СМЕРТЬ КОМАНДИРА

Сухо треснули залпы –
и стягом зеленым
осенили березы печаль.
Сто белых стволов отсалютовали
полковнику
на заставе
имени Ильича.
По гудрону, взрывая моторами воздух,
плыли медленно тягачи.
И, брезентом накрытые на ракетах,
красные звезды,
командирские звезды
проплыли в ночи.
Не вернулся полковник
с переднего края,
не прошел мимо белых берез, –
на лафете в бессмертье его провожая,
молчаливые люди не выдали слез.
Я, прошедший с полковником
любовь и ненависть,
залпом пивший тайгу
в стрекотанье таинственном, –
кланяюсь юности, благородству,
светлому небу,
кланяюсь правде его строительств...

РАЗВЕДЧИКИ

Ивану Терешкову

Трава по колена,
тропою – путь.
Направо, налево
топчи тропу.

Налево, по отмели,
прямоком
идем, как охотники,
тростником.

Будто по двадцать нам
хмелящих лет.
Тихо и яростно
цветет бересклет.

А сколько намыто
песка на песок,
на пулей пробитый
белый висок!..

Меж ними останутся:
лес да заря,
локтя касание,
словно разряд...

Загадочный облик
да ответ воды,
да филина окрик –
шаг до беды...

Перед березой склоняю колени
и прошу отпущенья грехов —
пусть ветвей мимолетные тени
на лицо наплывают с боков.

Пусть задумчивый шорох отчизны
напоследок нагонит слезу,
осыпают на блудного сына
мимолетные тени росу.

Так отец мой у белой березы,
чтоб не суетной доля была,
в замечательный час сенокоса
окроплял молодые крыла...

Вот и я в нарастающем свете,
словно облако, тихо стою, —
и нещадно прохладные ветви
опускаются в душу мою.

Николай КИНЕВ

Николай Георгиевич КИНЕВ родился 23 мая 1942 г. в селе Ключи Суксунского района Пермской области. После окончания средней школы учился на филологическом факультете Пермского госуниверситета. Работал на заводе «Коммунар» на прямом производстве, корреспондентом и ответственным секретарем в районных газетах, собкором в «Пермских новостях» и «Звезде».

Член Союза писателей СССР с 1989 г.

* * *

В какие горькие пути
Душа моя ни попадала,
Не силилась с пути сойти,
Не чаяла в обход пойти,
А чтоб вернуться вспять — подавно.
Мы можем только отдохнуть
Единый миг — и оглянуться,
И окунуться, как уснуть,
В прошедшее — и содрогнуться:
Какие пни и пустыри,
И пропасти! Душа ломалась,
Но на седые костыли
Любви и веры опиралась.
Безлюдье, ангелы ль окрест,
Паденье ждет иль вознесенье,
Но я с себя не сброшу крест
В крови и в иное осеннем.
Все есть и будет на пути.
Вершины будут и теснины
И внуки в небе впереди,
И мама в гробе позади...
И бьется родина в груди —
И отдается в мозг и в спину.

НОЧНОЕ ВЯЗАНИЕ

Свет коптилки. Слепо ходят спицы.
«Посижу. А ты, сыночек, спи».
Мама вяжет фронту рукавицы,
Вяжет фронту теплые носки.
По утрам посылки отправляют
На передовую из села...
Где-то там бойцы распределяют
Долю деревенского тепла.
Жмутся друг ко дружке половицы,
За окошком не видать ни зги.
Мама вяжет бабам рукавицы,
Вяжет бабам теплые носки.
Завтра им на лесозаготовки:
«Робить», надсажаться,

холодать...

На обед – морозные «картовки»,
Долю тыловую заедать.
От бурана изгородь кривится,
Сердце умирает от тоски...
Мама вяжет детям рукавицы,
Вяжет детям теплые носки.
Им-то жить еще до коммунизма,
Им лечить да выправлять село! ...
У самой у мамы ревматизмом
Руки неустанные свело.
У самой у мамы взбухли вены,
Скручены жгутами на ногах...
Все мы у России сокровенной,
Все у мамы в вечных должниках.

КАРТОШКА

Она в князя не выбивалась,
В стихи и песни не прошла,
Когда ростками выбиралась
Из-под земли, когда цвела...
Так робко, будто понарошке,
Он набирался под ботвой,
Чернильно-белый цвет картошки,
Размытый дождевой водой.
Ей жизнь досталась на задворках,
А в это время на виду
Благоухали розы гордо,
Пионы пыжились в саду.
И хлебу, работаге хлебу
Достались красные слова.
Он – золотой, под синим небом –
Всему живому голова.
А ей все это и не нужно,
Она по-своему живет:
Она работает натужно,
Не уповая на почет.
Из-под земли, из самой глуби,
Через каменья и песок
В крахмально-сахарные клубни
Вбирает сокровенный сок.
Случайно ль в памяти народной,
В ее незримой глубине
Таится боль о непогодной
Весне и дальше – о войне?..
И цвет нездешних ярких трав,
Когда любой из нас в России
Картошке вымолвит спасибо
И вспомнит все, и будет прав!

СОВЕСТЬ

Наверно, в детстве это было,
Наверно, было так давно...
Я знать не знал, где сердце било,
А только знал, что есть оно.
И, неподсуден, безрассуден,
Я в жизни шел, куда хотел,
И я седым не верил людям,
Покуда сам не поседел.
И сердце – больше, чем со мною:
Не я в себе его несу,
Оно меня перед собою
В дороге держит на весу.
Так часто я отроги вижу
Зазывно-ясные кругом!
А сердце, подступая ближе,
Ведет меня своим путем.
Меня корежит и ломает:
Пожить, как раньше, самому!
Но сердце к людям отправляет –
И повинуюсь я ему.

БРАТЯ

Один упал на поле боя:
В минуту отгремела кровь.
Но заслонил – успел – собою
Нас, малышей, и отчий кров.
Другой в полях изнадсажался,
За брата был и за отца,
И как бы стойко ни держался,
Не избежал и он конца.
В земле они, войны герои,
Растет могильная трава...
Но с поседевшей головою,
Мать памятью о них жива.
Их вместе не свести старушке –
На разных кладбищах лежат,
Но фотографии в избушке,
Как прежде, рядышком висят...

ПУСТИТЕ МАЛЬЧИКА НА СЦЕНУ!

Пустите мальчика на сцену:
Он чистым голосом поет
О том, как в блиндажах военных
Перемешались кровь и йод;
Как мы боялись похоронок,
Как трудно, сладко было жить
И как голодный жаворонок
Над полем высохшим дрожит.
Откуда только у мальчонки
Ненынешняя маята –
Дискантиком нещадно-звонким
О тех рассказывать летах?
И как он знает эту повесть
(Под самым сердцем отдает!)?
Да это ж наша с вами совесть
Свирелью детскою поет!
Затем мы с вами воевали,
Затем терпели голода,
Что все висит, дрожа, над нами
Общевоеенная беда?!
Задень ее – она вернется!
Как тонок жизни волосок,
Как страшно: вот на крик сорвется
Щемящий детский голосок...

В ТРУДНЫЙ ЧАС...*

В трудный час – особенно важна
Правда, верой ставшая живою.
...Целый год в огне моя страна.
Памятное лето грозное...
...Был удар насилия жесток,
По земле, страданием опаленной,
Отходил с боями на восток
Полк – одной колонной батальонной.
Вел начштаба поредевший строй –
Командира подкосила пуля.
В тот недобрый год – сорок второй –
Грозным был последний день июля.
...Пред родным Отечеством в долгу
Не давала совесть нам покоя –
На высоком волжском берегу
Развернулось знамя полковое.
Канонады мерная волна
Наплывала с Запада знакомо.
Голосом, звенящим как струна,
Комиссар читал Приказ Наркома:
– Бейтесь храбро, осознав одно:
Д и с ц и п л и н а –
Стойкости основа.
Каждое село – Бородино!
Каждый выгон – поле Куликово!
Текст Приказа 227
Повторяли губы как присягу.
Родина повелевала всем:
Насмерть встать!
Не отступать ни шагу!
...И, усвоив это навсегда,
Выстояв в окопах Сталинграда,
Шли мы – через годы, города
К торжеству победного парада.
Красный стяг прославив на века,
Силы, крови, жизни не жалея –
Мы штандартов вражеских шелка
Бросили к подножью Мавзолея.

* Имя автора выяснить не удалось.

БЕССМЕРТЬЕ ЖИВОГО ОГНЯ*

Слепую, смертельную вьюгу
Ту помнишь, рабочий Урал:
Тогда ты такую кольчугу
Любимой Отчизне ковал,

Что бурей ветра прорастали,
И рушились стены, осев, –
Враги на себе испытали
Стальной Мотовилихи гнев!

А зори склоняют знамена
Над Камой, в густой синеве,
И помнишь ты, Пермь, поименно
Погибших своих сыновей...

И всё ж ни беде, ни заботе
Тебя никогда не согнуть –
В простой и бесстрашной работе
Уральского города суть!

Лучистая радость людская,
Бессмертье живого огня,
О, Пермь, ты – моя мастерская,
Начало рабочего дня.

Грядущее,
 обликом строгим
Входя в городскую черту!
И людям здесь,
 как новостройкам,
Ещё набирать высоту.

* *Имя автора выяснить не удалось.*

Игорь МУРАТОВ

Игорь Джелялович МУРАТОВ родился в 1952 г. Окончил физический факультет ПГУ. Стихи публиковались в пермской периодике, коллективных сборниках Пермского книжного издательства, журнале «Юность», альманахе «Поэзия», других изданиях. В 1988 г. в Перми вышла в свет его первая книга – «Линии жизни».

* * *

Свет, который светит в нас,
К сожаленью, не бесспорен,
Чуть подули – он погас,
У родных и близких горе.

Сквозь огромную страну,
От Урала до Якутска,
К поминальному вину
Сын не может дотянуться.

Телеграммою

беда

Очередь отодвигает,
Сын, успев, – не успевает,
Не успеет никогда.

Ни помочь ему ни в чем,
Ни страдание умерить,
Мы – никто

перед ключом,

Вдруг замкнувшим

эти двери.

Как должно быть велико
То прощальное мученье,
Чтоб ни словом, ни кивком
Не подать нам знак прощенья.

Еще один старик
оставил этот мир,
еще одна душа
замотана в эфир,

Еще одна ладья
затоплена в земле,
бумаги – под сукно,
медаль за труд – семье.

Я с этим стариком
немного был знаком,
при встрече он меня
приветствовал кивком.

И встреппенется вдруг:
– Ну, как твои дела? –
Участливость его
забавною была.

Да кто он мне? Старик.
А я ему? Юнец,
мальчишка, шалопай,
бездельник, сорванец.

А если так – ну что
я мог ему сказать?
Растерянно дерзить?
Пообещать дерзять?..

Все пристальней года,
все туже этот круг,
все реже стариков
встречаю я вокруг,
Все больше тех, кому
я сам кричу: – Юнцы,
вы крылышки в огне
встряхнули от пыльцы?
Ты скажешь: – Все
судьба...

– Судьба, – отвечау, – да.

Но больше старика
не встречу никогда,
Как будто я
его
обидел – он ушел.
И день, как правда, хмур,
угрюм и приглушен.

В ГОРОДСКОМ САДУ

Оркестра духового вздохи,
Его одышка, хрип грудной
Не соответствуют эпохе
Рациональной, молодой,
Настырной, джинсовой, летящей,
От крика тянущейся в крик,
Непонимающе глядящей,
Как он – уста в уста – приник,
Румянец дел его сердечных
Ее волчатам незнаком,
Для большинства он – как сердечник
С таблеткою под языком,
Он старомоден – нету веры,
Тут по-другому надо петь,
И натянуть как струны – нервы,
И всунуть их в электросеть,
Ей надо яростней, дешевле,
Не – горячей, а – сгоряча,
Такой, как он, – не по душе ей,
Не
по крутым ее
плечам!
...Вот на ротонде, на полянке
Играет он в последний раз...
И марш «Прощание славянки» –
Как будто
первый
трубный глас.

Валентин СТАРИКОВ

Родился в 1939 г. После окончания десятилетки работал на строительстве Конаковской ГРЭС и Воткинской ГЭС. Был секретарем комитета комсомола одного из воинских подразделений. Печатался как в местных, так и центральных газетах.

КАСКА

Помню, как под гусеницей лязгнув,
Скрежетнув по острому ножу,
Из-под плуга погнутая каска
Выкатилась прямо на межу.
Старое заржавленное диво
Мы, еще в ту пору пацаны,
Трогали руками – и брезгливо
Вытирали пальцы о штаны.
И, заметив пару рваных дырок
В тыльной части, порешили так:
Враг настигнут пулею в затылок –
Значит, удирал из боя враг!
Я представил: здесь, на поле боя,
Понял враг – пришла его пора.
Это смерть пришла, коль пред тобою –
Спину холодящее «ура!»
Повернулся враг – и пред кустами
Рухнул наземь – вышел весь запал.
А потом кровавыми руками
Он чужую землю обнимал.
А земля его не принимала.
Покатилась каска тяжело.
Эх, и сколько рурского металла
На российских пашнях полегло!
Яд змеиный растворен в железе,
Жалит кряду он который год:
То под плуг тупую каской лезет,
То в груди средь ночи полоснет...

БЕССОННИЦА

Не сплю всю ночь.
Покой, как пытка, тяжек,
И, припадая к новому стиху,
Я слышу стук тревожный
деревяшек:
Не спит сосед
в квартире наверху.
Я знаю, что его
по суткам сушит.
Пусть за окном — снега и тишина.
Но где-то смерть
людские судьбы душил.
Но где-то в этот час
идет война.
Он снова слышит
давний стон метели.
Перешагнув опасную черту,
На кулаках
поднявшись на постели,
Он иступленно
смотрит в темноту.
Вот на пол он
спускается ногами,
В глазах дав волю
бешеным кругам.
Жестокая,
назойливая память
Крутым огнем
проходит по ногам.
Не надо жалоб,
слов и агитаций.
Пусть ночью тени
бродят по стене.
Но стоило тогда
в живых остаться,
Чтоб стать живым
проклятием войне!

ИВАН-ЧАЙ

Лето красное в разгаре.
Только место примечай —
На пожарищах и горях
Расцветает иван-чай.

За версту по лесу видно,
Как пылает он огнем.
Птицы звонкие сюиты
Создают в лесу о нем.

Он пылает необъятно
Средь седых молчащих лип —
Гордый реквием солдату,
Что за Родину погиб.

Это соки в почве бродят —
Не сдержать их нипочем.
Это жизнь на горях всходит,
Бьет неистовым ключом!

Сергей МАЛЫШЕВ

Родился в деревне Мыс Соликамского района в семье учителей. После окончания Пермского пединститута и службы в армии переехал в г. Березники. Работал учителем физики, сотрудником газеты «Уральский калийщик», редактором газеты титано-магниевого комбината, литейщиком в цехе электролиза магния. Снова вернулся в газету.

И ЗАКАТЫ В ПОЛНЕБА

Жизнь казалась картинкой
за зимним оконцем,
Только изредка
паром врывалась в избу.
Кувыркалось над лесом
лохматое солнце.
Колобком забиралась
луна на трубу.
А потом я услышал про дальние страны,
Объяснили мне таинства ночи и дня.
Черный обруч ближайшего меридиана...
Где-то, верно, под ним —
деревенька моя.
Не попали на глобус ни ветер, ни травы,
Ни закаты в полнеба, ни шорох листвы,
Ни тревожная память, ни вечная слава —
Звездный взлет обелисков,
и просто кресты...

ПЕРЕД БОЕМ УЧЕБНЫМ

Перед боем учебным

у забытого дота

Мы вгрызаемся в землю —

комбат за спиной.

В полный профиль — окопы.

И — осколков без счета —

Позапрошлых и прошлых

нескончаемых войн.

В сорок третьем отец,

пришивая погоны,

Так мечтал, что с Победой

исчезнет вражда,

Но гремят и гремят до сих пор

полигоны,

И на картах чужих

чертит стрелы беда.

...Смотрят звезды ночные сочувственно, робко,

Как тревожно земля забывается сном.

Над казармою Марс, точно красная кнопка,

Вот и сердце стучит, как живой метроном.

* * *

В желтый сумрак ударил свист.

Дрогнул чуткий еловый лапник.

Лишь дымок над лесом повис,

Как разорванный в клочья ватник.

И уже не поднять, не вернуть...

Дня на фронте не воевали!

Только падали листья на грудь,

Как посмертные их медали.

КОЛЬЦО

Похоронка прилетела через год...

В цехе складчина старинная идет:

Все приносят —

кто полтыщи, кто пятак —

Не на дом, не на корову,

а на танк.

Тихим шагом подошла к столу вдова

И колечко золотое подала.

Обручальное колечко —

нет цены! —

От прабабки, из далекой старины.

Ты, кольцо, врага с родной земли гони,

Стань ты яростью стремительной брони!

Стань ты, золото, железом и свинцом

И сожми врага пылающим кольцом.

А с Победой Золотой Звездой

взойди

У отважного солдата на груди!..

* * *

Горел костер на берегу реки,
На безымянном берегу России,
Где сумерки прозрачны и легки –
Ни суеты, ни стереофонии.
Лишь волны мягко били в берега.
Но выплыл пароход, трубя устало,
И эхом вдруг откликнулась тайга
Пластинке той, что на борту звучала.
Печаль качнулась на ветру былинкой,
Как на огонь, метнулась к сердцу мгла –
Сквозь треск и шорох старенькой пластинки:
– Я всю войну тебя ждала...

* * *

Дед поверил в Россию Ленина,
Батя вынес ее из огня,
Я – из третьего поколения,
Что оставлено для меня?
То потухшее вдохновение,
То безликость праздного дня...
Я из третьего поколения,
Но четвертое спросит с меня.

Николай БУРАШНИКОВ

Николай Павлович БУРАШНИКОВ родился 28 ноября 1952 г. поселке Савино Чайковского района Пермской области. Участвовал в семинарах молодых литераторов Перми.

Стихи Н. Бурашникова печатались в газетах «Огни Камы», «Молодая гвардия», «Вечерняя Пермь», «Звезда», в коллективных сборниках Пермского издательства, в журнале «Урал». В 1988 г. в Перми вышел первый сборник его стихов «Дерево и тень».

Член Союза писателей с 1992 г.

Ушел из жизни 20 сентября 1999 г.

* * *

1

У родной избы, простоволоса,
Мать стоит, как старая береза.
Как тяжелой ветвью вековой,
Машет потемневшею рукою.
Облако над ней закрыло солнце:
Чем дорога сыну обернется —
Скатертью ли самобранной
Или полем бранным?

2

Ой ты, чужедальняя сторонка!
Будет скатерть-самобранка горькой.
Будет поле брани, дуб высокий.
Будет сон у молодца глубокий.
Будет сниться старая береза,
Что стоит одна, простоволоса.
Облако над ней закрыло солнце:
Скоро ли с дороги сын вернется?

К РОДИНЕ

Ты вся вот здесь,
где больно, Родина.
Ты вся вот здесь,
в моей груди,
в заботах,
с жизнью неустроенной,
с лесами,
птицами,
людьми.
Твои дела
еще наладятся.
Не зря ты в сердце.
Но – увы –
боюсь, оно
устанет маяться
и разорвется от любви.

ДЕРЕВО И ТЕНЬ

В поле дерево похоже на старуху.
Ходит тень там старая по кругу.
В поле семя буря занесла.
Дерево росло, и тень росла.
Триста лет на близость ропщут богу.
А расстаться все никак не могут.
И чего им друг от друга надо?
Дерево лохмато, тень лохмата.
Дует ветер. Дальний гром гремит.
Дерево скрипит, и тень скрипит...

ДАВНИЕ ПРОВОДЫ

Как на улице широкой
Парни с девками плясали,
Каблуками пыль взбивали
До луны высокой.

И стоял в деревне топот!
Гармонист играл со свистом!
И швырял в гулянку листья
Одуревший тополь.

Только двое пить не пили,
Не плясали, петь не пели:
Тишины они хотели,
В поле уходили.

Целовались у ограды...
И на них с небесной кручи
Лик луны глядел, задумчив.
Эх вы, провода в солдаты!

МАРШАЛ

Дух победный военного марша.
Гулким шагом проходят войска.
Их суровый приветствует маршал
Напряженной рукой у виска.
В незабвенные эти мгновенья
Что он думает, воин седой?
Он устал от работы военной,
От тяжелых погон со звездой.
А всего-то душа и хотела —
Сеять хлеб, ребятишек растить.
Но пришлось, как эпоха велела, —
Век суровую службу нести.
Жизнь его стать легендой успела
В каждом городе, в каждом селе.
Но ее лишь для ратного дела
И хватило на горькой земле...

* * *

Танк на площади городской,
Где весь день многолюдно и гулко,
Засветился вечерней росой,
Как в минуты затишья под Курском.
И мне кажется: вот загремят
Вдруг стальные тяжелые люки,
И покажутся крепкие руки
И горячие лица ребят.
По знакомым бульварам пойдут,
Словно в детстве, друзья боевые,
Веря в то, что их матери ждут,
Их — погибших во имя России!

НА УЧЕНИИ

Тяжелые шинели,
Суровый старшина...
Как будто в самом деле
Идет война:
Сжимая автоматы
И голову сломя,
Хрипят «ура» солдаты,
Дрожит земля.
Не уронили чести —
Враг взят врасплох.
Устали все, как черти.
Хоть «царь Горох»
Котел походный с жару
Снимает и сопит,
Им в этот час, пожалуй, —
Ни есть, ни пить.
Свята и трижды клята
Наука побеждать.
И хочется ребятам —
Спать.

ПАРУС

Белеет парус одинокий...

М. Лермонтов

За околицу ли выйду,
Выгляну в окно ли,
Одинокий белый парус
Вижу в чистом поле.

И откуда к нам приплыл он?
Вот опять, крепчая,
Громящая буря
Поле ржи качает.

Только зря ты этот парус,
Буря, полюбила.
Держит якорем его
Братская могила...

* * *

Голос отца заглушила земля.
Очи отца придавила земля.
Голос его не услышать.
Очи его не увидеть.
Что же ты, ветер, шумишь?
Что же ты, небо, глядишь?
В ветре мне слышится голос отца.
В небе мне видятся очи отца.
Как же без отчего слова?
Как же без отчего взора?

ИЗ ДЕТСТВА

Я бежал от здорового дядьки.
Он кричал мне: «Убью стервеца!»
Я украл у него ночью с грядки
Два ядреных таких огурца.

И убил бы, такой был подлюга:
Оставлял на ночь косы в ботве.
Мол, хорошая будет наука
Голодраной лихой пацанве.

Только я подглядел это дело
И, косы не задев, усвистел.
А мужик... он в войну был бандера,
Был из проклятых, высланных,
тех...

Огурцы же у хриstopродавца
Во какие росли под окном,
Как в земле он любил ковыряться,
Как над нею гнул спинушку он!

И лицо у мерзавца светлело.
И рожала, рожала земля.
Но однажды ему надоело,
Не сумел обмануть он себя.

Видно, худо жилось ему, худо.
Ведь не мог ни с того ни с сего
Вдруг повеситься этот Иуда.
И вот жаль почему-то его.

Михаил СОПИН

Судьба Михаила Николаевича СОПИНА необычна в своей драматичности. Ему было 10 лет, когда началась война, затем – страшные годы оккупации. Войну он закончил в Берлине «сыном полка», а вскоре пережил личную драму в сталинский период нашей истории.

Долгие годы поэт жил и работал в Перми. Все это время писал стихи и печатал их в газете села Кишертъ. Из Перми выбыл на жительство в Вологду.

Рано ушел из жизни.

* * *

Родные
Плачущие вербы,
Глухое
Дальнее село,
Я не любил бы вас,
Наверно,
Так обреченно,
Так светло,
Когда б над каждым
Черным знаком,
У пепелищ,
У скорбных ям
До жгучей лютости
Не плакал,
Отчизна
Светлая моя!

* * *

Между затишьем и боями,
С Уралом, с Курскою дугой,
Мне чаще
Снится стали яви —
Одна кошмарнее другой.
В землянке мокрой
И в подвале,
Где иней падал
В жуть волос,
За что мы только не пивали,
Лишь за свободу
Не пришлось...
За то,
Что не взлетел на mine,
Горел в степи у ветряка!
Но пить за волю —
И до ныне
Не поднимается рука.

* * *

Ямы. Воронки.
Могилы. Окопы да надолбы.
Все обвалилось, вспахалось.
Ищи — примечай!
В синь лесовую!
Куда возвратиться мне надо бы —
Сойка кричит
Одичалая,
В глушь, в иван-чай.
Может, для вас, мои други,
Покажется сказкою
То, что приют мой —
Родимых снегов белизна.
Здесь — снеговеи
Поют то угрозно, то ласково
Всем, кто судьбу мою
Знал на земле
И не знал.

* * *

И стал я немым обелиском
Над степью,
Где все сожжено.
И плакал —
Из камня —
О близком —
О том, что вернуть не дано:
Где был
И жесток и неласков,
И слышал,
Как рвано дыша,
Кричала во мне
Не согласно,
К любви призывая,
Душа.

Дмитрий КРАСИК

Дмитрий КРАСИК родился в 1952 г. в Москве. В 1975 г. окончил филологический факультет Пермского госуниверситета, стал работать в газете «Мотовилихинский рабочий» и на радио завода им. В.И. Ленина. Работал на областном радио, в газете «Вечерняя Пермь», сейчас – журналист областной газеты «Звезда».

СОЛНЦЕ НА РАССВЕТЕ

Разорван автоматами рассвет,
Предсмертным криком
 эхо закричало,
Сошелся клином
 на опушке белый свет
И положил сражению начало.
То был обыкновенный
 ротный бой,
Как пишут в сводках,
 местного значенья.
Нас, мой ровесник,
 не было с тобой
У смертоносного пересечения.
В земной груди —
 вонзившийся металл,
Земля десятилетия
 лечит раны...
Мой дед —
 который внуков не видал —
Остался навсегда
 на поле бранном...
Мир звуков
 раздвигает тишина.
Окончен день
 и засыпают дети.
Нельзя забыть,
 как выглядит война, —
Завещано нам солнце
 на рассвете.

Сергей ТЕЛЬКАНОВ

Сергей Александрович ТЕЛЬКАНОВ родился в поселке Майкорского завода в семье служащего лесничества и учительницы. Первые стихи написаны в 1925-1926 гг. в Перми. После окончания школы в 1929 г. работал учеником слесаря, заведовал библиотекой, сотрудничал в газете «На смену». Ушел на фронт Великой Отечественной войны в числе первых.

После войны вышли в свет его книги стихов: «Пути-дороги», «Знамя полка», «Слово к друзьям», «Костры походные», «Память сердца» и др.

В 1980 г. в Воениздате вышел посмертный сборник поэта «Багульник».

* * *

Сейчас яснее видно сквозь года,
Что испытать нам довелось тогда.
Заслуг особых не припишешь мне,
Кого-то удивить могу едва ли.
Вот разве строки, строки о войне,
О той войне, когда мы мир спасали.
Мне кажется, они не пропадут,
Как плотно бы их время ни прикрыло,
Найдут те строки люди и поймут,
Задумаются: вот как это было.

Михаил ЛЕВИН

Михаил Васильевич ЛЕВИН родился в Перми 22 октября 1945 г.

В 1966 г. закончил Пермское речное училище, работал штурманом на речном флоте. Служил на Тихом океане. Работал в газете, на телевидении, в клубе и в профсоюзных органах. С 1988 г. – на областном радио, с 1996 г. – его руководитель. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Заслуженный работник культуры РФ.

ПАРАД ВЕТЕРАНОВ

Торжественно проходят вдоль трибун,
Подчинены удару барабана,
Чей гром зовет немедленно на штурм
И беспокоит тело, словно рана.

Чеканя шаг, идут за взводом взвод,
Хоть все они кто ранен, кто калека.
Но, оглянувшись, вижу, как течет
Слеза из глаз седого человека.

ОБЕЛИСКИ

Не ходила война
по уральским полям,
Но косою своею
и здесь накосила.
И стоят обелиски
по всем деревням,
Хоть в далекой земле
у солдата могила.
Да, не все возвратились
Урала сыны.
Похоронки тех дней
до сих пор душу ранят.
Лица их берегут
вдовьи горькие сны.
Имена их хранит
наша общая память.
В майский вечер
я вновь к обелиску приду.
Поклонюсь до земли,
слез своих не скрывая...
Перед подвигом павших
я вечно в долгу.
За одно лишь за то,
что Россия живая.

Как высокая честь
 снизошла на меня —
Приказала страна и сказала:
 достойн.
Так в предзимний
 проснеженный день ноября
Появился в России
 еще один воин.
Не держите меня
 ни родня, ни жена,
И не плачьте напрасно —
 такая мне доля.
Значит, сила мужская
 России нужна.
Значит, может позвать меня
 ратное поле.
Я военную жизнь
 с чистым сердцем приму.
Знаю, мир постоянно шумит,
 не стихая.
Может здесь, в незнакомом краю,
 я пойму —
Как же ты дорога мне,
 Россия родная.

ВОСТОРЖЕННО О СВОЕМ ТРУДЕ - В СТИХАХ

Авторы ниже помещенных стихов – рабочие «горячих» профессий завода им. В.И. Ленина, ныне ОАО «Мотовилихинские заводы». Все – члены литературного кружка при газете «Мотовилихинский рабочий», которым руководили пермские писатели в 60-е, 70-е, 80-е годы прошлого столетия. Здесь же, в заводской многотиражке, стихи начинающих поэтов, получившие одобрение членов литкружка, рекомендовались к печати.

Павел АСПИДОВ*

* * *

Спасибо вам, солдаты мира:
Вы долг исполнили святой!
И вам, друзья, герои тыла, –
За подвиг славный трудовой!
Подходит гордая минута –
Миг памяти и торжества:
Букет победного салюта
Поднимет над землей Москва!
А с ней и города-герои
Зажгут манящие огни...
Мой друг, есть вклад
и наш с тобою
В ликующие эти дни!

* Павел Аспидов – начальник смены цеха №32.

ПРОМЕТЕЕВА РОДНЯ

...Глаза их внимательны, строги их лица,
 Такая работа – соперник огня!
 Но каждый давно с ней сумел примириться:
 И каждый из них – Прометею родня.
 Здесь каждая капля соленого пота
 Связует их судьбы и дружбу крепит,
 И плеч их упругих не сломит работа,
 Их воля крепка, как стальной монолит!
 Металл раскаленный кипит и клокочет,
 Друзья-сталевары сквозь годы и дни
 Несут высоко свое званье – рабочий,
 И время само обгоняют они.
 Быть может, крылом не заденет их слава,
 Но верю в ребят я, упорных таких,
 И честь им кую из особого сплава,
 И песни свои я слагаю о них!

* * *

С желанием шагаем к проходной,
 Вдыхаем полной грудью свежесть Камы,
 Чтоб там – в цехах, в работе огневой
 Будить рассвет рабочими руками.

Гудит мартен в сиянии лучей,
 Огонь грозит пурпурной гривой яро,
 И к печке, словно дерзкий Прометей,
 Подходит друг мой в чине сталевара.

Вот властно кверху вскинул он ладонь,
 И сталь пошла, как огненная лава! –
 В душе – огонь, в глазах его – огонь,
 В огне приходит трудовая слава.

* Иван Русских – сталевар цеха №21.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

П.Я. Болотову

С мартена он пришел усталый:
Не просто нам дается сталь!
Прилег. Но сна — как не бывало,
Зовет воспоминаний даль.
Вот снова в сторону уплыли
Всплеск искр и стали синева...
Из времени, из снежной пыли
Встает военная Москва.
Парад Октябрьский
 в сорок первом...
От стен Кремлевских —
 прямо в бой.
Он шел в порыве беспримерном
Отчизну заслонить собой!
И снова — зримо, близко — рядом
Шквал нескончаемых атак.
Земля, взметенная снарядам,
Неспелый хлеб, горящий танк...
Он чудом выжил
 в битве Курской,
Впитав немую скорбь руин
Земли родной,
 советской, русской,
Вошел в поверженный Берлин...
Пусть бригадирство ковшевое
Позднее назвалось судьбой.
Но в трудный миг он поле боя
И в цехе видел пред собой.
Пусть защищала плечи роба —
Не танка прочная броня,
Следил он,
 как в сраженьях, в оба
За бегом бешеным огня.

И никуда не мог он деться
От параллелей огневых:
Хранила свято память сердца
Друзей погибших и живых.
На трудовой ударной вахте
Была тверда его рука,
И каждый чувствовал характер –
Решительный – фронтовика.
...Ушел на отдых он с мартена,
Но дни и ночи напролет
На вахте – молодая смена,
Его друзья.

И сталь – идет!

НАШ ОГОНЬ

Да, наш огонь не знает легкой славы,
Ошибок не прощает наш огонь.
И в руки дан он нам не для забавы,
А чтобы крепла в нем сама ладонь.
Представь жару на улице под тридцать,
Так у мартена – вдвое горячей!
Тут не работать надо, а трудиться,
Чтоб сталь лилась из огненных печей.
Глаза я правде ложью не закрою:
Здесь капля пота – в золото ценой.
И парни здесь с бесценною душою,
Что это так – ручаюсь головой.
Поклон земной вам, трудовые люди!
Лью пот соленный с вами пополам.
И верю в то, что счастливы мы будем,
Пока верны душой большим огням.

ТИГРОБОЙНАЯ

Сорок второй кончался год
 Победными ударами.
 Курско-Орловский небосвод
 Багрянился пожарами.
 Но враг побитый не дремал
 (Дала разведка данные) –
 На Рейне танки он ковал,
 Окутав танки тайною.
 Тот танк был «тигром» наречен.
 И наречен заранее –
 Добыть победу должен он
 Под Курском для Германии.
 Москвы заказ, суров и прям,
 Со сроками сверхсжатыми
 Был дан уральским пушкарям:
 Слить пушку, чтоб снарядами
 Крушила «тигрову» броню,
 Корежила проклятую,
 И посылала в пасть огню
 Броню, снарядом смятую!
 И Мотовилиха взялась,
 Победы новой жаждая.
 Был на учете каждый час –
 Не час, минута каждая!
 И слили пушку пушкари,
 Умельцы орудийные!
 И не одну,
 не две,
 не три –
 На фронт пошли серийные!
 Шел сорок третий
 жаркий год,
 И пушки тигробойные
 Крушили фрицев,
 чтоб вперед
 Не грезили бы войнами!

*Алексей Нартымов – подручный сталевара цеха №21.

МЕТАЛЛ ПОСЛЕДНЕГО СРАЖЕНИЯ

Повис луны серебряный овал,
Родная Кама сонно разметалась,
Иван Корягин – лучший сталевар –
Встает на вахту выплавки металла!
О, Родина, тяжел военный путь,
Но дерзкий враг познает

наше мщенье!

Иван Корягин расправляет грудь,
Чтоб дать металл

последнему сражению.

И во главе бригады фронтовой,
Внеся в работу жесткую поправку,
Он принимает напряженный бой
За дело чести – скоростную плавку.
И вместо плавки, дав сегодня две,
Он приближает час победы многих.
Пускай фашизма захлебнется зверь
Своею кровью в собственной берлоге.
Гремят на фронте залпы батарей,
Идут бойцы в большое наступленье,
И радостные лица матерей
Встречают

светлый час освобожденья.

И радость встречи сбросивших ярмо,
Веселый смех больного мальчугана
По-большевистски возродить помог
Почетный труд Корягина Ивана.
На стыках рельс колесный перебой,
Идут на запад сотни эшелонов,
Сквозь гром сражений

на последний бой

Зовут вперед гвардейские знамена.

**Григорий Трофимов – сталевар цеха №21.*

О, Родина, тяжел военный путь,
Но дерзкий враг
 познает наше мщенье!
Иван Корягин расправляет грудь,
Чтоб дать металл
 последнему сражению!

ОРУЖИЮ НАШЕМУ СЛАВА!

Оружью нашему слава!
В нем – отблески наших побед,
В нем – сила советской державы,
В нем – нашего творчества свет.

Жестокая битва гремела...
И, путь пролагая вперед,
Прекрасным оружием умело
Владел победитель-народ.

И «хейнкели» падали в бездну,
Чадя языками огня,
И в лом превращалась железный
Хваленого «тигра» броня.

И пушки проклятого Круппа
Изведали русскую мощь.
Повсюду их ржавые трупы –
От Волги до Эльбы – найдешь.

А сколько пришельцев
 кровавых
Зарылось в обугленный снег?!
Оружью нашему – слава,
Нетленная слава вовек!

НА УРАЛЕ

Глубокий тыл. Как звезды, яркие
Огни уральской стороны,
И, вся в лучах электросварки,
Прозрачна ночь и без луны.
Под заводской высокой крышей
В любом углу светло, как днем.
Идешь — шагов своих не слышишь,
Глядишь — глаза слепит огнем.
Всю ночь, разбрасывая блики,
Гудит без умолку станок,
И стружка цепче повилики
Сама свивается в клубок.
Ни сват, ни брат не заикнется
Про отдых, нужный позарез.
Тебе и мне передается
Упрямство сверл, резцов и фрез.
Мой сменщик спит.
Ему — в дневную.
Он будет слушать тишину
Покамест новый день вплотную
Не подойдет к его окну.
А тут, в цеху, никто не дремлет,
Крепятся все: и стар и мал.
И поворачивает время
Лицом к рассвету весь Урал.
Бледнеют вспышки автогена,
Но ими ночь была светла.
И видит утренняя смена,
В какой страде она прошла.
Сверкают новенькие пушки,
Спеша на гулкий полигон,
И я, щекой припав к подушке,
Услышу выстрелы сквозь сон.

**Владимир Семакин — мастер цеха №12.*

СОЛДАТСКАЯ РЕЛИКВИЯ

Он прошел сотни верст по дорогам войны,
 Мок в окопах и мерз, видел страшные сны.
 Вспять врага повернул он в боях под Москвой,
 Защитил Сталинград.
 И под Курской дугой
 Он в атаку ходил под кинжальным огнем.
 Гнал фашистского гада и ночью, и днем.
 А когда раздавалась команда: «Привал!»
 Он заветную ложку свою доставал,
 Ложка эта с отцом две войны прожила,
 В «мировую» кормила, на гражданской была.
 Он на третью собрался, сказали, что стар.
 И пришлось его сыну на себя взять удар.
 С ложкой этой отцом был наказ ему дан:
 «Ты храни ее, сын, как святой талисман.
 Пусть с тобою пройдет она путь фронтовой,
 И чтоб вместе с Победой вернулась домой!»
 Сын исполнил наказ и вернулся домой.
 Уходил молодым, а пришел с сединой.
 Ложка эта лежит, где хранят ордена,
 Потому что реликвией стала она.
 И надев в День Победы награды свои,
 Ест солдат этой ложкой горячие щи,
 Вспоминая войну и друзей боевых,
 Тех, кто все еще жив, и кого нет в живых.
 И не зря он прошел эти версты войны —
 Видят дети его только мирные сны.

*Николай Ларионов – старший мастер смены цеха № 20.

Иван ЗЫРЯНОВ

Ученый-фольклорист Иван Васильевич ЗЫРЯНОВ родился 10 сентября 1928 г. в дер. Романиха Красновишерского района Пермской области. Окончил Пермский педагогический институт. Работал учителем, секретарем райкома ВЛКСМ, директором школы рабочей молодежи, заведующим районо.

Кандидат филологических наук. И. Зырянов записал и составил фольклорные сборники «Вишерские частушки», «Уральские частушки о любви», «Чердынская свадьба», «Уральская величальная» и другие.

Член Союза писателей с 1971 г.

Ушел из жизни 30 июня 1982 г.

ОЙ, КАКИЕ НАШИ ГОДИКИ...

Частушки времен Великой Отечественной войны

О Великой Отечественной войне написано немало книг. Их пишут сегодня. Их будут создавать поэты и писатели завтра, оберегая мир, жизнь, созидание.

Меня как фольклориста давно интересует народная частушечная поэзия тех грозных лет. Это был громадный взлет массового поэтического творчества. В моей картотеке таких частушек более трех тысяч.

В этой подборке – частушки, записанные в разные годы на территории Пермской области. Безыскусные и простые, они поражают нас естественностью и неподдельностью человеческих чувств, силой переживаний в связи с разлуками и утратами, мы чувствуем душевное здоровье народа, не потерявшего юмора и в эти годы лишений, мы видим выражение патриотизма и в преданности солдату, и в ненависти к фашизму, и в любви к Родине, и в самопожертвовании ради жизни, ради человеческого счастья.

Иван Зырянов

Ой, какие наши годики,
Какие времена!
В самы юны наши годики
Нагрязнула война.

Скоро, скоро мы с товарищем
Укатим далеко.
Там, где бомбы и снаряды
Землю роют глубоко.

Ты не плачь, моя милая,
Не печалься обо мне.
Ведь не всех же, дорогая,
Убивают на войне.

Девушки, вспомните –
С кем гулять-то станете?
На полянке, на лужке
Гуляйте, девушки, одне.

Вы прощайте, тополя,
Прощайте, тополиночки!
Вы прощайте, мать, отец,
Прощайте, мои милочки!

Никто нас не разлучил –
Ни отцы, ни матери,
Разлучили нас с тобой
Фашисты-неприятели.

Милый в армию поехал.
Взял рубашку белую.
Хоть и раненый придет,
Изменушки не сделаю.

Милый в армию поехал,
Сельсовету заказал:
— Не записывайте девушку,
С которою гулял.

— Миленький, куда поехал?
— Милочка, я воевать.
— Миленький, возьми с собою
Меня патроны заряжать.

Ох, черемуха высоко —
Не, достанешь палочкой,
Ох, миленочек далеко —
Не походишь парочкой.

Не кукуй, кукушечка,
Отправила я душечка.
Не кукуй, бескрылая,
Привыкну жить без милого.

На германскую границу
Проводила милушку.
Дроля пишет, что копает
Гитлеру могилушку.

Самолет — зелены крылышки
Летел из Киева,
Бросил маленьку записочку:
«Воюю, милая».

Мой-от миленький в пехоте,
Я не знаю в какой роте,
Только знаю: милый мой
В самой роте боевой.

❧
Чижики-воробышки,
Летите ниже небушка,
Скажите дружку моему:
Низко кланяюсь ему.

❧
Я сегодня весела,
Веселей всего села.
Милый с фронта сообщил:
Орден Славы получил.

❧
Мой миленок на войне,
На германском фронте.
Вы летите, пули, мимо,
Милого не троньте.

❧
Неужели злая пуля
В поле молодца найдет,
Его русы волосиночки
По ветру разнесет?

❧
Что вы, девки, рыщете,
Не ребят ли ищете?
Все ребята на войне –
Гуляйте, девушки, одне.

❧
Говорили ввечеру
Бригадирше Тоне:
– Все б отдали за игру,
За игру гармонии.

❧
Я работаю в колхозе,
Премирована за труд.
Как от нашего труда
Будет Гитлеру беда.

Ягодиночка на фронте,
Да и все ребята там,
Задушевная товарочка,
Придется ехать нам.

Милый пишет издалека:
«Тяжела винтовочка».
А мне тоже нелегко
На лесозаготовочках.

На Калининском на фронте
Милого поранили,
На носилки положили,
В госпиталь отправили.

Я стояла у вокзала —
Санитарный поезд шел.
С перевязанной рукою
Ко мне милый подошел.

Не бракуй, девчонка, раненых,
Нельзя их браковать:
Они за нас, за нашу Родину
Ходили воевать.

Мово братика убили
Под ракитовым кустом,
Кари глазоньки засыпали
Холодненьким песком.

Ягодиночку убили,
И не сказывали мне.
Неужель баская ягода
Лежит в сырой земле?

У меня залетка был,
Звали его Ванею.
Распроклятые фашисты
Увезли в Германию.

Я сирени наломала,
На сирени буду спать.
Буду милого из армии
Четыре года ждать.

Моя кофта голубая
На досуге связана.
Я из армии милого
Дождать обязана.

Я недавно заболела,
Что-то нездоровится.
Как увижу с орденами –
Сердце остановится.

Не ревите, девки, бабы,
Скоро кончится война.
Гитлер в петле задавился –
Похоронная пришла.

Как окончится война,
Пойдут ребята с песнями.
Наша молодость тогда
Будет интереснее.

Выйду в сад я утром рано
И нарву смородину.
Не найти нигде на свете
Краше нашей Родины!

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

5

ГИМН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Лебедев-Кумач В. Священная война

9

1. Бычков А. Книга (10). Эта строка (11). Воинская честь (12).
2. Иванков Н. На фронтовой дороге (13). На Днепре (14). Выздоровление (15).
3. Занадворов В. На высоте Н. (16). «Скелеты улиц. Город будто вымер...» (17). Война (17). Память (18). Ночь перед боем (19). Колонна идет в бой (20). Могилы моих друзей (21). Последнее письмо (22).
4. Мамонтов К. «Потомок мой, не будь холодным к датам...» (25). «Не упаду в дороге от бессилья...» (25). «Ходит вдоль фронта под пулями лето...» (26). «Осатанело бьет в лицо пурга...» (26). «Вокруг бои, вокруг сраженья...» (27). «Бой умолкал. В землянку к нам устало...» (27). «Сегодня здесь такая тишина...» (28). «Забыть нельзя разорванное небо...» (28). «Старуха-смерть ушла в отставку...» (29). «Порастерял на поле брани...» (29).
5. Каменский А. «Я часто просыпаюсь по ночам...» (30). Мы здесь росли (31). «Когда наш взвод в селе Подгорном...» (32).
6. Домовитов Н. Начало (33). Атака (34). Снайпер (34). «Тер солдатик мне в бане спину...» (35). Память (35). «В светлых рощах...» (36). Последний патрон (36). «Сорок первый...» (37). Неизвестный солдат (37). Россия (38). Убежать бы мне в юность (39). Ровесникам (40).
7. Ширшов Б. «Мы шли. Артиллерийские раскаты...» (41). «Развалины домов, обломки кирпичей...» (42). «Когда в его окоп метнулось пламя...» (42). Танкист (43). Осколки (44). У входа в крепость (45). Товарищу (46). Баллада о возвращении (47). «Когда возьмет меня всесильная...» (50). «Мы цену жизни узнаем с годами...» (51).
8. Букин Н. «Океан! Нет покоя, нет края...» (52). Я и часа не прожил без боя (53). «Когда эту песню на баке...» (54). Если не был ты в Перми (55). Ты прости меня, край мой родимый (56). «Четвертые сутки, как будто обухом...» (57). Солдатская клятва (58).
9. Климов В. «Почему, скажи, так ноет сердце...» (59). Не пожалею (60). Встреча (61). «Гром грянул в небе. Стекла задрожали...» (62). Над братской могилой (63). Сыновьям (64).
10. Караваев С. Моя Россия (65). Николаю Кузнецову (66).

11. **Вавилин М.** «Я забреду в полуденное поле...» (67). «Облака плывут на запад...» (68). «Комиссар нам казался отцом...» (69).
12. **Истомин Ф.** А кто страшится смерти, не поймет... (70). «Как прежде, ласковым, беспечным...» (71). Страх (72). Изба (73). Песни народные (74).
13. **Кузнецов Н.** Пост на стыке времени (75). От первого лица (76). Первый самостоятельный (77). Песня пилотов (78). Голубой магнит (79). Наш Сталинград (80). Песни довоенных лет (81). Двадцать лет берегу я... (82). Память (83). Фронтовики (84). Сюда приходим (85).
14. **Михайлов Б.** Наш ответ (86). Новичок (87). Комсомольский билет (88). На полустанке (89). Вечер (90). Письмо (90).
15. **Снитко А.** Бомбежка (91). Акации (92). Старая рана (92). Стой-Беги (93). «На сапогах комками глина...» (94). Баллада о ржи (95). Памятник солдату (95).
16. **Минин И.** Тыгай (96). Весляна (97).
17. **Буткевич Л.** Шел солдат через войну (99). Сергею Платову, распившемуся на рейхстаге (100). Память (или незабываемое) (101). Спасала всех (102). Вальс победы (103).
18. **Старовойтов А.** «Мне дедушка в парной подставил спину...» (104). «Дядя Федор машет тростью...» (105). «Мы научились жить без доброты...» (105). «Ты помоги, родная, мыслить здраво...» (106). «Намотался по тряским дорогам...» (106). «Смерть начинается до смерти» (106).
19. **Ефимов Г.** Победа (107). У братской могилы (108). Береза (109).
20. **Ваксман С.** «Я помню в детстве голос Левитана...» (110).
21. **Майоров В.** Я пороха не нюхал (111). Мы (112). «Отлынивать мне не пристало» (112). Геолог (113).
22. **Радкевич В.** От нас уходят старшие (114). Молодые солдаты (116). Студенты 41-го года (117). Баллада о банке варенья (118). Однорукий печник (119).
23. **Акулов Е.** «Прости-прощай, отцовский край родимый...» (120). «Как с неба гром, депеша на отца...» (121). Долг (122). Маршал Победы (123). Исповедь фронтовика (124). «Былой покой теперь немногим снится...» (125). «Шла война, все сметая, крушила...» (126). «Я не в силах забыть тех геройских ребят...» (126). Скорбящая (127). «Мы начинали свой поход великий...» (128). Уберегите Родину свою! (129). Журавли (130). «Из дальних мест в края родные...» (131).

24. **Семенов Г.** «А мне запомнилась война...» (132). Вечная память (133). Работа (134). «Никто не придумает правил...» (134). «Умирал солдат после войны...» (135). «Я на погибших слез не трачу...» (135). «Мы все войной опалены...» (135). Дочери России (136). Родине (137). Бригадиры (138). Богатыри (139). Память (140). Победа (141).
25. **Трутнева Е.** Победа (142).
26. **Гребенкин А.** «На Урал, минуя перегоны...» (144). Ветерану (145). Фото (146). Военная хроника (147). Звездочка (148). Дядя Леша (149). Сестра милосердия (150). Проводы (150). Егор (151). «Не ради дани лживой моде...» (152). «Военный хлеб... Он был колюч и черен...» (152). Изгой (153). «Такое позабудется едва ли...» (154). «Нет, эти строки не случайны...» (154). Воспоминания о замполите (155). Победа (156).
27. **Телегина В.** «Умейте радоваться жизни...» (157). Мы помним вас! (158) «Жизнь – копейка...» (159). «Как люди равнодушны и грубы!» (159). Колокол-бунтарь (160). Проводы (161). Дорожная встреча (162).
28. **Смородинов М.** В армию (163). Прощание славянки (164). Невская Дубровка (165). Пост тишины (166). Западная граница (167). Мишка-танкист (168). Березка (169). Перед атакой (170). Солдатская слава (170). Память (171). Снег в Хатыни (172). На Клухорском перевале (173). Солдатская вдова Аня (174). Памяти Нины Чернец (175).
29. **Чернец Н.** «Уйду далеко, упаду в траву...» (176). «Брести, задыхаться и падать...» (177). «Давай с тобой поговорим...» (177). «Все укрываем, как больное самое...» (178). «Казалось – исчерпаны силы...» (178). «Шагаем мы, стиснувши зубы...» (179). «Почти угасли силы птичьи...» (180).
30. **Чебыкина Н.** «Детство, детство! Город госпитальный...» (181). Песни вдов (182). Вокзал (185). Отцу (186). Четвертая рота (187).
31. **Востриков Ф.** 22 июня 1941 г. (188). Обелиск (189). Весна. 1945-й (189). Хлеб (190). Русский солдат (191). Колоски (191). Вдова (192). «Война убила сыновей...» (193). «Не успокоюсь, не угомонюсь...» (193). Однофамилец (194). Ветеран (196).
32. **Радощекин Г.** Греми, наш хор! (197). «Мы родиной из нашего Союза!» (198).
33. **Крашенинников А.** Легенда о советском танке (199). Продавец корзинок (201). Человек из обкома (202).

34. **Бурылов Б.** «Да, войны не видали мы...» (203). Призывники (204). Подорожники (205). «Была их жизнь – суровый труд и бой...» (206). «Шла война...» (207). «Юноша склонился над станком...» (208). «И в час, когда мне очень трудно...» (208). «Писем не было много дней...» (209). «Год качнул крылом – и не видно...» (210).
35. **Гребнев А.** Круговорот (211). «Не в те ль времена Святослава...» (212). 9 мая (213). Прощание с другом (214). У отцовской могилы (215). Мать (217). «Отец погиб в бою за Волгу...» (218). Прогулка с сыном (219). «Где ж та удаль, что шла подбоченясь...» (220).
36. **Лепин И.** Баллада (221). «В саду колхозном летчик похоронен...» (222). Хлеб (223). 1947-й (224). «Пахали больше на коровах...» (225). «Война... В солдата целится солдат...» (225). «Половоде войны унесло...» (226). Становое (227). 9 мая 1945 г. (228).
37. **Болотов В.** Благословенна будь, земля (229). Сельсовет 46-го (230). Воспоминание о флоте (232). Русский народный хор (233). Память (234). Предки (235). «Торжественность военных ритуалов...» (236). Когда услышу марш военный (237). Мемуары (238).
38. **Широков В.** «Я к тебе обращаюсь...» (239). Отец (240). Поколение (243). Черный хлеб (245). Дубосеково, поле бранное (из поэмы) (246). «Мы – дети лет послевоенных...» (251).
39. **Субботина Н.** Огневушка (252). Орленок с Алого поля (253). «Болезнь не дает мне забвенья...» (253). «Купили Ване...» (254). Деревянное солнце (255). Мальчик должен сесть на коня (256).
40. **Марков Ю.** У Вечного огня (257). «Опять мы – воздушный десант...» (258). «Опять хоронят человека...» (258). «Красное солнце зашло...» (259).
41. **Домнин А.** «Сентябрь одет в печаль и чистоту...» (260). «Упал солдат, реку схватил за горло...» (261). «Было всякое, жизнь и ломала и жгла...» (261). «Блекнут в памяти встречи и даты...» (262). «Бывает, вдруг надломится душа...» (263). «Работа – тот же бой неравный...» (263). Мать (264).
42. **Решетов А.** «Отец мой стал полярною землей...» (265). Пехота (266). «Горите, флаги красные, горите!..» (267). «Голод. Очередь – резина...» (267). «Убитым хочется дышать...» (268). «Когда стою у Вечного огня...» (268). «В ней золотые жилы не устали...» (269). «Ищите без вести пропавших...» (269). «Свет звезды, которой закатиться...» (270). Тишина (270). «Война прошла, прошла война...» (271). «Никогда не забуду, как во время войны...» (271).

43. **Возженников В.** России (272). Земля и сердце (273). «Не кукуй, кукушка, мне так много...» (274). «Когда доверюсь вечной доле...» (274).
44. **Стригалева М.** Иду на поиск (275). Зарева (276). Лейтенанты запаса (278). Смерть командира (279). Разведчики (280). «Перед берегой склоняю колени...» (281).
45. **Кинев Н.** «В какие горькие пути...» (282). Ночное вязание (283). Картошка (284). Совесть (285). Братья (286). Пустите мальчика на сцену! (287).
46. **Автор неизвестен.** В трудный час (288).
47. **Автор неизвестен.** Бессмертье живого огня (289).
48. **Муратов И.** «Свет, который светит в нас...» (290). «Еще один старик...» (291). «В городском саду» (292).
49. **Стариков В.** Каска (293). Бессонница (294). Иван-чай (295).
50. **Малышев С.** И закаты в полнеба (296). Перед боем учебным (297). «В желтый сумрак ударил свист...» (297). Кольцо (298). «Горел костер на берегу реки...» (299). «Дед поверил в Россию Ленина...» (299).
51. **Бурашников Н.** «У родной избы, простоволоса...» (300). К Родине (301). Дерево и тень (301). Давние проводы (302). Маршал (303). «Танк на площади городской...» (303). На учении (304). Парус (305). «Голос отца заглушила земля...» (305). Из детства (306).
52. **Сопин М.** «Родные плачущие вербы...» (307). «Между затишьем и боями...» (308). «Ямы. Воронки...» (308). «И стал я немой обелиском...» (309).
53. **Красик Д.** Солнце на рассвете (310).
54. **Тельканов С.** «Сейчас яснее видно сквозь года...» (311).
55. **Левин М.** Парад ветеранов (312). Обелиски (313). «Как высокая честь снизошла на меня...» (314).
56. **Аспидов П.** «Спасибо вам, солдаты мира...» (315).
57. **Русских И.** Прометеева родня (316). «С желанием шагаем к проходной...» (316). Память сердца (317). Наш огонь (318).
58. **Нартымов А.** Тигробойная (319).
59. **Трофимов Г.** Металл последнего сраженья (320). Оружию нашему слава! (321).
60. **Семакин В.** На Урале (322).
61. **Ларионов Н.** Солдатская реликвия (323).
62. **Зырянов И.** Ой, какие наши годики... (частушки времен Великой Отечественной войны) (324).

Антология военной поэзии Прикамья

Гл. редактор И. А. Якунцов. Составитель Е. Ф. Акулов.
Компьютерный набор, корректура, верстка, фото и дизайн
обложки – Т. А. Абасова.

Рецензенты: члены Союза писателей России
Ф. С. Востриков, А. А. Гребенкин.

Сдано в набор 17.07.04. Подписано в печать 17.11.04.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура
«SchoolBookC». Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 2500 экз. Заказ № 4077.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
файлов в издательско-полиграфическом комплексе «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.